

Правовой порядок и правовые ценности

Теоретико-исторические
правовые науки

Публично-правовые
(государственно-
правовые) науки

Частно-правовые
(цивилистические) науки

Уголовно-правовые науки

Международно-правовые
науки

Правовой порядок и правовые ценности

Рецензируемый научно-практический журнал (издается с 2023 года)

eISSN 2949-1843

DOI: 10.23947/2949-1843

Том 4, № 1, 2026

Учредитель и издатель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Донской государственный технический университет» (ДГТУ), г. Ростов-на-Дону

Рецензируемый научно-практический журнал создан в целях информирования читательской аудитории о новейших достижениях, актуальных вопросах и перспективах в области юриспруденции.

В журнале публикуются результаты исследований, направленных на обеспечение преемственности фундаментальной и прикладной научной мысли, отражение уровня и степени научной разработанности различных тематик в области теории и истории государства и права, государственного управления, правотворчества и правоприменительной практики, отраслевых юридических наук, изучение и анализ тенденций развития российского законодательства для поиска эффективных методов правового регулирования; аргументацию новых гипотез и авторских выводов в области юриспруденции с обсуждением как глобальных вопросов, так и носящих региональный характер.

Структура журнала определена в соответствии с Приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» в составе следующих научных специальностей:

- 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки
- 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки
- 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки
- 5.1.4 – Уголовно-правовые науки
- 5.1.5 – Международно-правовые науки

<i>Индексация и архивация:</i>	РИНЦ, Berkeley Library, CyberLeninka, CrossRef, Google Scholar, Internet Archive, Index Copernicus, Lens.org, Mendeley, Road
<i>Наименование органа, зарегистрировавшего издание</i>	Выписка из реестра зарегистрированных средств массовой информации ЭЛ № ФС 77 – 83924 от 16 сентября 2022 г, выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
<i>Периодичность</i>	4 выпуска в год
<i>Адрес учредителя и издателя</i>	344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1
<i>E-mail</i>	pravonauka2022@donstu.ru
<i>Телефон</i>	+7 (863) 2–738–372
<i>Сайт</i>	https://lawandorder-donstu.ru
<i>Дата выхода в свет</i>	31.03.2026

Legal Order and Legal Values

Peer-reviewed scientific and practical journal (published since 2023)

eISSN 2949-1843

DOI: 10.23947/2949-1843

Vol. 4, no. 1, 2026

Founder and Publisher – Don State Technical University (DSTU), Rostov-on-Don, Russian Federation

A peer-reviewed scientific and practical journal designed to inform the readers about the latest achievements, topical issues and prospects in the field of jurisprudence.

The journal publishes the results of research aimed at ensuring the consistency of the fundamental and applied science ideas; at reflecting the level and degree of scientific development of various topics in the field of the theory and history of state and law, state governance, law-making and law enforcement practices, sectoral legal sciences, study and analysis of the trends of the Russian legislation development for finding the efficient methods of legal regulation; at substantiating the new hypotheses and authors' conclusions in the field of jurisprudence including the discussion of both global and regional issues.

The journal structure is developed in compliance with the Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation of February 24, 2021 No. 118 "On Approval of the Nomenclature of Academic Specialities for Conferred the Academic Degrees, and Amendments to the Regulation on the Council for the Defence of Dissertations for the Candidate of Sciences and Doctor of Sciences degrees Approved by the Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation of November 10, 2017 No. 1093" and includes the following academic specialities:

- Theoretical and Historical Legal Sciences
- Public Law (State Legal) Sciences
- Private Law (Civil Law) Sciences
- Criminal Law Sciences
- International Legal Sciences

<i>Indexing and Archiving</i>	RISC, Berkeley Library, CyberLeninka, CrossRef, Google Scholar, Internet Archive, Index Copernicus, Lens.org, Mendeley, Road
<i>Name of the Body that Registered the Publication</i>	Extract from the Register of Registered Mass Media ЭЛ № ФС 77 – 83924 of September 16, 2022, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media
<i>Periodicity</i>	4 issues per year
<i>Address of the Founder and Publisher</i>	1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation
<i>E-mail</i>	pravonauka2022@donstu.ru
<i>Telephone</i>	+7 (863) 2–738–372
<i>Website</i>	https://lawandorder-donstu.ru
<i>Date of Publication</i>	31.03.2026

Редакционная коллегия

Главный редактор, Исакова Юлия Игоревна, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета «Юридический», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Заместитель главного редактора, Працко Геннадий Святославович, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Коммерческое и предпринимательское право», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Выпускающий редактор, Филимонова Елена Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Алексеева Анна Павловна, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, криминологии и уголовно-исполнительного права, Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации (Калининград, Российская Федерация)

Алексеева Марина Владимировна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Беляев Валерий Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет (Курск, Российская Федерация)

Берляевский Леонид Гарриевич, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры «Гражданское право», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова (Нальчик, Российская Федерация)

Биккинин Ирек Анасович, заслуженный юрист Республики Башкортостан, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Уфа, Российская Федерация)

Бойко Александр Иванович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Бондарь Николай Семенович, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой муниципального права и природоохранного законодательства, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Быстрова Юлия Викторовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева (Орел, Российская Федерация)

Власова Галина Борисовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Волова Лариса Ивановна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Давыдова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, Волгоградский государственный университет (Волгоград, Российская Федерация)

Дашин Алексей Викторович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного частного и предпринимательского права, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (Краснодар, Российская Федерация)

Дерюгина Татьяна Викторовна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя (Москва, Российская Федерация)

Долгополов Кирилл Андреевич, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Юридический институт Северо-Кавказского федерального университета (Ставрополь, Российская Федерация)

Зиядова Дурей Зиядиновна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Дагестанский государственный университет (Махачкала, Российская Федерация)

Иванова Светлана Витальевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории государства и права, Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) (Оренбург, Российская Федерация)

Исмаилов Магомедсагид Абдулмуслимович, заслуженный деятель науки Республики Дагестан, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права, Дагестанский государственный университет (Махачкала, Российская Федерация)

Клименко Таужан Микаиловна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс», Северо-Кавказская государственная академия (Черкесск, Российская Федерация)

Комова Наталья Борисовна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Процессуальное право», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Корецкий Данил Аркадьевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Кузина Светлана Ивановна, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Маликов Борис Зуфарович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии, Уфимский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации (Уфа, Российская Федерация)

Небрятенко Геннадий Геннадиевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Процессуальное право», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Подройкина Инна Андреевна, доктор юридических наук, профессор, декан Юридического факультета, Ростовский филиал Российской таможенной академии (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рассказов Леонид Павлович, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (Краснодар, Российская Федерация)

Рыбак Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское право», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Рыженков Анатолий Яковлевич, заслуженный деятель науки Республики Калмыкия, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права и процесса, Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова (Элиста, Российская Федерация)

Савченко Марина Станиславовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного и международного права, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина (Краснодар, Российская Федерация)

Сагриян Инга Григорьевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Сайдумов Джамбулат Хамидович, заслуженный деятель наук Чеченской Республики, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Гражданское право и процесс», Чеченский государственный университет имени А.А. Кадырова (Грозный, Российская Федерация)

Сапожникова Екатерина Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Коммерческое и предпринимательское право», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Скрипченко Нина Юрьевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация)

Смоленский Михаил Борисович, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры «Гражданское право», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Студеникина Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Процессуальное право», Донской государственной технической университет (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Сынкova Елена Михайловна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного и финансового права, Донецкий национальный университет (Донецк, Российская Федерация)

Халифаева Анжела Курбановна, заслуженный юрист Республики Дагестан, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права, Дагестанский государственный университет (Махачкала, Российская Федерация)

Цечоев Валерий Кулиевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права, Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Шатковская Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

Еркинбаева Лаззат Калымбековна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры таможенного, финансового и экологического права Юридического факультета, Казахский национальный университет имени Аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан)

Ражабов Нариман Шарифбаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры экологического права, Ташкентский государственный юридический университет (Ташкент, Республика Узбекистан)

Токтобаев Болот Токтомышевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына (Бишкек, Кыргызская Республика)

Узакова Гузал Шариповна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой экологического права, Ташкентский государственный юридический университет (Ташкент, Республика Узбекистан)

Цзи Хуа, PhD (международное право), доцент кафедры международного права, Китайский университет иностранных дел, Пекинский университет (Китай)

Лазарь Йовевски, PhD, действительный профессор юридического факультета, Юстинианус Примус Скопье (Северная Македония)

Мухаммет Джелал Кул, PhD (публичное право), доцент, Университет Болу Абант Иззет Байсал (Турция)

Editorial Board:

Editor-in-Chief, Yulia I. Isakova, Dr.Sci. (Sociology), Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Dean of the Law Faculty, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Deputy Chief Editor, Gennady S. Pratsko, Dr.Sci. (Philosophy), Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Commercial and Entrepreneur Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Executive Editor, Elena A. Filimonova, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Theory and History of State and Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Anna P. Alekseeva, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law, Criminology and Criminal Executive Law Department, Kaliningrad Branch of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Kaliningrad, Russian Federation)

Marina V. Alekseeva, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Theory and History of State and Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Aleksey P. Anisimov, Dr.Sci. (Law), Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Valerii P. Belyaev, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Southwest State University (Kursk, Russian Federation)

Leonid G. Berlyavsky, Dr.Sci. (History), Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Bela B. Bidova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov (Nalchik, Russian Federation)

Irek A. Bikkinin, Dr.Sci. (Law), Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Bashkortostan, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Ufa, Russian Federation)

Aleksander I. Boyko, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal and Penal Enforcement Law and Criminology Department, Rostov State University of Economics (RSUE) (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Nikolai S. Bondar, Dr.Sci. (Law), Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Honoured Scientist of the Russian Federation, Head of the Municipal Law and Environmental Legislation Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Yulia V. Bystrova, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the Criminal Procedure and Procuracy Supervision Department, Orel State University named after I.S. Turgenyev (Orel, Russian Federation)

Galina B. Vlasova, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the Theory and History of Law and State Department, Rostov Branch of the Russian State University of Justice (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Larisa I. Volova, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the International Law Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Marina L. Davydova, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the Constitutional and Municipal Law Department, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation)

Aleksey V. Dashin, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the International Private and Entrepreneurial Law Department, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (Krasnodar, Russian Federation)

Tatyana V. Deryugina, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Civil and Labour Law, Civil Procedure Department, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot' (Moscow, Russian Federation)

Kirill A. Dolgoplov, Dr.Sci.(Sociology), Cand.Sci.(Law), Associate Professor, Head of the Criminal Law and Procedure Department, Institute of Law of the North Caucasus Federal University (Stavropol, Russian Federation)

Dureya Z. Ziyadova, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Svetlana V. Ivanova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Theory of State and Law Department, Orenburg Institute (Branch) of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) (Orenburg, Russian Federation)

Magomed sagid A. Ismailov, Dr.Sci. (Law), Professor, Honoured Scientist of the Republic of Dagestan, Professor of the History of State and Law Department, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Tauzhan M. Klimenko, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Procedure Department, North Caucasian State Academy (Cherkessk, Russian Federation)

Natalya B. Komova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Procedural Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Danil A. Koretsky, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Svetlana I. Kuzina, Dr.Sci. (Political Science), Professor, Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Boris Z. Malikov, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Criminal Law and Criminology Department, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Ufa, Russian Federation)

Gennady G. Nebratenko, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Procedural Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Inna A. Podroikina, Dr.Sci. (Law), Professor, Dean of the Law Faculty, Rostov Branch of the Russian Customs Academy (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Leonid P. Rasskazov, Dr.Sci. (Law), Dr.Sci. (History), Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Head of the Theory and History of State and Law Department, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (Krasnodar, Russian Federation)

Svetlana V. Rybak, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Civil Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Anatoly Ya. Ryzhenkov, Dr.Sci. (Law), Professor, Honoured Scientist of the Republic of Kalmykia, Professor of the Civil Law and Procedure, Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista, Russian Federation)

Marina S. Savchenko, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the State and International Law Department, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin (Krasnodar, Russian Federation)

Inga G. Sagiryan, Cand.Sci. (Philology), Associate Professor, Associate Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dzhambulat K. Saidumov, Dr.Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Chechen Republic, Professor of the Civil Law and Procedure Department, Chechen State University named after A.A. Kadyrov (Grozny, Russian Federation)

Ekaterina Yu. Sapozhnikova, Cand.Sci. (Economics), Associate Professor, Head of the Commercial and Entrepreneur Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Nina Yu. Skripchenko, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Criminal Law and Procedure Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)

Mikhail B. Smolenskiy, Dr.Sci. (Sociology), Cand.Sci. (Law), Professor, Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Svetlana V. Studenikina, Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Procedural Law Department, Don State Technical University (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Elena M. Synkova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Administrative and Financial Law Department, Donetsk National University (Donetsk, Russian Federation)

Anzhela K. Khalifaeva, Dr.Sci. (Law), Professor, Honoured Lawyer of the Republic of Dagestan, Professor of the History of State and Law Department, Dagestan State University (Makhachkala, Russian Federation)

Valery K. Tsechoev, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Theory and History of State and Law Department, Rostov Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia) (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Tatyana V. Shatkovskaya, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the Theory and History of Law and State Department, South-Russian Institute of Management (Branch) of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (SRIM RANEP) (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Lazzat K. Yerkinbayeva, Dr.Sci. (Law), Professor, Professor of the Customs, Financial and Environmental Law Department, Faculty of Law, Al Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Nariman Sh. Razhabov, Dr.Sci.(Law), Professor of the Environmental Law Department, Tashkent State University of Law (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Bolot T. Toktobaev, Dr.Sci. (Law), Professor, Head of the Theory and History of State and Law Department, Kyrgyz National University named after J. Balasagyn (Bishkek, Kyrgyz Republic)

Guzal Sh. Uzakova, Dr.Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Environmental Law Department, Tashkent State University of Law (Tashkent, Republic of Uzbekistan)

Ji Hua, PhD in International Law, Associate Professor of the International Law Department, China Foreign Affairs University, Peking University (China)

Lazar Jovevski, PhD, Full Professor, Law Faculty, Justinianus Primus Skopje (Northern Macedonia)

Muhammet Celal Kul, PhD in Public Law, Associate Professor, Bolu Abant Izzet Baysal University (Turkey)

Содержание

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Аганов А.А., Елдинов О.А.* Судебный процесс по делу В.В. Макеева: законодательная регламентация и особенности его проведения 9

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

- Анисимов А.П., Исакова Ю.И.* Возмещение вреда, причиненного экологическими правонарушениями: анализ актуальных правовых проблем и предложения по совершенствованию законодательства РФ 20
- Максуров А.А.* Мультимодальная перевозка в системе транспортных правоотношений в Российской Федерации 33
- Фролов Б.Д., Чичкин А.В.* Правовое значение торгов при отчуждении земельных участков в Российской Федерации 43

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Ильясов Д.Б., Филимонова Е.А.* Понятие и правовая природа категории «здоровье» как объекта уголовно-правовой охраны в Российской Федерации 50
- Киселева А.Ж., Петренко А.С.* Преступления экологической направленности в России: проблемы квалификации 57

Content

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Aganov AA, Eldinov OA.* V.V. Makeev’s Trial: Legislative Regulation and Features of Conducting 9

PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

- Anisimov AP, Isakova YuI.* Compensation for Damage Caused by Environmental Torts: Analysis of Topical Legal Issues and Proposals on Improvement of the Legislation of the Russian Federation 20
- Maksurov AA.* Multimodal Transportation in the Legal Framework of Transport Relations 33
- Frolov BD, Chichkin AV.* Legal Significance of Land Plot Alienation Auctions in the Russian Federation 43

CRIMINAL LAW SCIENCES

- Ilyasov DB, Filimonova EA.* The Concept and Legal Nature of the Category “Health” as an Object of Protection under the Criminal Law of the Russian Federation 50
- Kiseleva AZh, Petrenko AS.* Environmental Crimes in Russia: Problems of Qualification 57

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Оригинальное эмпирическое исследование

УДК 340.15

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-9-19>

EDN: CTCFNA

Судебный процесс по делу В.В. Макеева: законодательная регламентация и особенности его проведения

А.А. Аганов , О.А. Елдинов

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 aganoff.a@yandex.ru

Аннотация

Введение. Актуальность исследования заключается во введении в научный оборот новых историко-правовых источников, позволяющих пролить свет на формирование юридических подходов советской власти в отношении «бывших людей». Существующая научная проблема предполагает исследование истории развития судебно-правовой системы в 1920-е гг. на Дону на примере конкретного дела В.В. Макеева. Ее значимость в повестке современных научных исследований состоит в возможности влияния классовой теории права на советское правосудие. Сохраняется нерешенная проблема политической ангажированности советского судопроизводства 1920-х гг. Цель исследования – проанализировать неопубликованные архивные документы и выявить особенности проведения судебного политического процесса над В.В. Макеевым, который проходил в Ростове-на-Дону с 28 по 31 декабря 1925 г.

Материалы и методы. Источниковую базу настоящего исследования составили архивные документы, хранящиеся в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО), а также различные нормативные правовые акты, регулирующие уголовно-процессуальные отношения в СССР в 1920-х гг. В процессе исследования использовались общенаучные, а также специальные научные методы, в частности, сравнительно-исторический, историко-правовой, формально-юридический (догматический) и метод контент-анализа.

Результаты исследования. Осуществлена концептуализация классовой теории права. Выявлено влияние марксистских представлений на уголовное судопроизводство исследуемого периода. Проведен анализ судебного процесса над В.В. Макеевым, который проходил в Ростове-на-Дону с 28 по 31 декабря 1925 г., и дана оценка процессу с точки зрения действовавших на тот момент нормативных правовых актов и влияния политической идеологии на судебную систему. Установлено, что судебный процесс над В.В. Макеевым был приурочен к 20-летию вооруженного восстания рабочих в декабре 1905 г. в Ростове-на-Дону и носил политический характер. Относясь к Макееву как к классовому врагу, прокурор и общественный обвинитель руководствовались не юридическими нормами и требовали для обвиняемого вынесения смертного приговора. В результате лишь благодаря адвокату М.А. Ашману суд приговорил обвиняемого к 5 годам лишения свободы.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование представляется значимым для российской юридической науки, поскольку вводит в оборот новые кейсы, расширяющие представление об истории государства и права СССР. Предлагается акцентировать внимание на особенностях судебного процесса в 1920 гг. Результаты проделанной работы могут выступать в качестве отправной точки по исследованию отношения советского правосудия к «бывшим людям». Данное исследование дает возможность рассмотреть применение презумпции виновности при использовании в судопроизводстве классового подхода.

Ключевые слова: историческая память, В.В. Макеев, классовый подход к праву, революция, Ростов-на-Дону, советское право, судебный процесс, уголовный кодекс, «бывшие люди»

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Аганов А.А., Елдинов О.А. Судебный процесс по делу В.В. Макеева: законодательная регламентация и особенности его проведения. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2026;4(1):9–19. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-9-19>

Original Empirical Research

V.V. Makeev’s Trial: Legislative Regulation and Features of Conducting

Andrey A. Aganov , Oleg A. Eldinov

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

✉ aganoff.a@yandex.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the research lies in the introduction into the academic discourse of the new historical and legal sources that elucidate formation of the juridical approaches of the Soviet government in relation to “former people”. It is envisaged to investigate the existing scientific problem of the history of development of the judicial and legal system in the Don region in the 1920s on the example of a definite case of V.V. Makeev. In the context of contemporary research, studying the possibility of Class Theory influence on the Soviet justice is important. Political bias in the Soviet court proceedings of the 1920s remains an issue that needs further research. The aim of the present study is to analyse the unpublished archival documents and identify the specific features of conducting the political trial over V.V. Makeev, which took place in Rostov-on-Don on December 28 – 31, 1925.

Materials and Methods. The research sources included the archival documents stored at the Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (ЦДНИРО/TsDNIRO), and various legal acts governing the criminal procedural relationships in the USSR in the 1920s. General scientific and specific scientific methods were used in the research, including comparative historical, historical legal, legalistic (dogmatic legal), and content analysis methods.

Results. The article has conceptualised implementation of Class Theory in law. The influence of the Marxist ideas on the criminal court proceedings of the studied period has been revealed. The trial over V.V. Makeev, which took place in Rostov-on-Don on December 28 – 31, 1925, has been analysed and assessed with regard to the acting legal regulation of that time, and the influence of political ideology on the judicial system. It has been established that the trial over V.V. Makeev was dedicated to the 20th anniversary of the armed insurrection of workers of December 1905 in Rostov-on-Don, and was political in nature. The prosecutor and the social accuser treated Makeev as a class enemy, therefore were guided not by the legal norms when demanding the death penalty for the accused. It was only due to the efforts of the lawyer M.A. Ashman that the court eventually sentenced the accused to five years of imprisonment.

Discussion and Conclusion. The present study is important for the Russian juridical science, as it expands an understanding of the USSR history of state and law through introduction into the academic discourse of the new cases. It focuses on the features of the trial conducted in the 1920s. The results obtained can serve a starting point for the research into the attitude of the Soviet justice towards “former people”. The present study provides an opportunity to investigate the execution of the presumption of guilt in the frame of application of Class Theory approach to court proceedings.

Keywords: historical memory, V.V. Makeev, Class Theory approach to law, revolution, Rostov-on-Don, Soviet law, trial, criminal code, “former people”

Acknowledgments. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Aganov AA, Eldinov OA. V.V. Makeev’s Trial: Legislative Regulation and Features of Conducting. *Legal Order and Legal Values*. 2026;4(1):9–19. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-9-19>

Введение. Классовый принцип доминировал и определял правовую систему в 1920-е гг.: считалось, что именно классовая принадлежность будет определять правовое поведение граждан. Для понимания проблемы классовости права необходимо обратиться к ключевым теоретикам раннесоветского права. Огромное значение в формировании классового подхода сыграл П.И. Стучка. Ключевыми принципами права становятся по Стучке: во-первых, классовый характер права; во-вторых, революционно-диалектический метод (вместо принципов формальной логики); в-третьих, материальные общественные отношения как основа для объяснения и понимания правовой надстройки (вместо объяснения правовых отношений из закона или правовых идей). При этом советское право он характеризовал как «пролетарское» [1, с. 70].

Представления о классовом характере права нашли свое отражение в общем определении права, данном в официальном акте НКЮ РСФСР (декабрь 1919 г.) «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР»¹. С этих пролетарских позиций даже советский Гражданский кодекс периода нэпа Стучка характеризовал как «буржуазный кодекс». «Советское уголовное право имеет задачей – посредством репрессий охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата» [2, с. 154].

Классовый подход позволял правовые признаки субъекта и юридическую ответственность признавать за целой классовой общностью. Иначе классовый подход к праву был описан в работах Е.Б. Пашуканиса в книге 1924 г. «Общая теория права и марксизм. Опыт критики основных юридических понятий» [3], где автор говорит, что право – это буржуазное явление, и после буржуазного права невозможен какой-либо новый тип права, какое-то новое, послебуржуазное право. С этих позиций он отвергал возможность «пролетарского права».

Статьи, направленные против «бывших» чиновников, полицейских и активных деятелей царского режима были заметной частью УК РСФСР 1922 года². Участие в восстановлении или в способствовании восстановлению организаций или должностей, преследующих цели, указанные в ст. 57, 58 УК РСФСР 1922 года и других (т. е. свержение советской власти), при царском или контрреволюционных правительствах, ведавших политическим розыском, охраной порядка и безопасности, либо в занятии в таких организациях или должностях ответственных, или секретных (агентурных) постов наказывалось по-революционному жестко. Субъектом подобной статьи было лицо, которое в дореволюционный период занимало ответственные или секретные посты в организациях политического сыска и охраны «старого режима» (дореволюционная полиция, жандармерия, охранные отделения), а в момент совершения преступления совершало действия, направленные на их восстановление или способствование таковому. Таким образом, подобная норма имела превентивно-репрессивный характер наказывая не только за реальные действия, но и потенциально опасный социальный статус в сочетании с минимальной активностью. Санкция статьи предусматривала лишение свободы на срок не ниже трех лет со строгой изоляцией или, при отягчающих обстоятельствах, высшую меру наказания – расстрел.

Процессуальная сторона дел по данным статьям была максимально упрощена. Основным доказательством служили документы, изобличающие службу в дореволюционных органах (послужные списки, свидетельства, показания свидетелей). Применялся принцип «презумпции виновности» в отношении «классово-враждебных» элементов: бремя доказывания отсутствия умысла на «восстановление» ложилось на обвиняемого, что было крайне затруднительно.

Важную роль играла деятельность органов ГПУ-ОГПУ, которые вели оперативный учет бывших служащих. Пик применения карательных статей пришелся на первую половину 1920-х годов, в период активной «советизации» госаппарата и борьбы с остатками белогвардейских организаций. Однако нормы не утратили значения и позднее. Они использовались как основа для репрессий в ходе кампаний конца 1920-х – начала 1930-х гг. («чистка» партии, операции против «бывших людей»). Во многом данные статьи выполняли не только карательную, но и символическую функцию: они юридически закрепляли историческую правоту победившего класса и абсолютную нелегитимность дореволюционных институтов власти.

Актуальность данного исследования состоит в том, что оно проливает свет в вопросах квалификации круга лиц, подпадавших под действие статей. Формально она касалась тех, кто после установления советской власти участвовал в восстановлении старых институтов. В случае с В.В. Макеевым он обвинялся в жестоком подавлении революционных выступлений в Ростове-на-Дону. Интересно, что под действие статьи попадали не только бывшие руководители и агенты, но и рядовые чины, если их служба была связана с политическим сыском или подавлением революционных выступлений.

В современной научной литературе процесс над В.В. Макеевым практически не освещен. Упомянул о данном судебном процессе в своей работе про политическую элиту Дона известный историк С.А. Кислицын. Исследователь отметил, что известные политические деятели Дона Бутягин и Толмачёв «проявили себя как политически ангажированные обвинители» [4, с. 240] во время судебного разбирательства. К настоящему времени ученые в ряде работ проанализировали организацию и проведение судебных политических процессов на территории различных регионов СССР в 1920-е гг. [5–10]. В современной научной литературе также был освещен вопрос, посвященный анализу судебной системы Советского Союза в 1920-х гг. и толкованию права. В рамках современных научных исследований проведен анализ судебной системы Советского Союза 1920-х гг. и рассмотрены вопросы толкования права [11–17].

¹ *Руководящие начала по уголовному праву РСФСР*. Постановление Народного комиссариата юстиции от 12.12.1919. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=196032057&empire=1 (дата обращения: 27.12.2025).

² *О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»)*. Постановление ВЦИК от 01.06.1922. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757375> (дата обращения: 27.12.2025).

Цель настоящего исследования – проанализировать неопубликованные архивные документы и выявить особенности проведения судебного политического процесса над В.В. Макеевым, который проходил в Ростове-на-Дону с 28 по 31 декабря 1925 г.

Для решения данной цели необходимо разрешить следующие задачи: во-первых, концептуализировать классовую теорию права и выявить влияние марксистских представлений на уголовное судопроизводство; во-вторых, провести анализ судебного процесса над В.В. Макеевым; в-третьих, оценить процесс с точки зрения действовавших на тот момент нормативных правовых актов, влияние политической идеологии на судебную систему.

Материалы и методы. Источниковую базу настоящего исследования составили архивные документы, хранящиеся в Центре документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Именно в нем хранится фонд Северо-Кавказского отделения комиссии по истории Октябрьской революции и РКП(б) (далее – Истпарт), который выступил одним из организаторов судебного процесса над В.В. Макеевым. Анализ указанных ранее источников позволил нам выявить особенности данного судебного процесса, в ходе проведения которого обвинения со стороны региональных властей расходились с юридической теорией. Помимо этого, были проанализированы различные нормативные правовые акты, разработанные советскими органами власти и членами правящей Коммунистической партии и регулирующие уголовно-процессуальные отношения в СССР в 1920-х гг.: Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, партийно-государственные акты, посвященные проведению судебных процессов в Советском Союзе.

В процессе написания настоящего исследования использовались общенаучные, а также специальные научные методы, в частности, сравнительно-исторический, историко-правовой, философско-правовой, формально-юридический (догматический) и метод контент-анализа. Применение метода контент-анализа при работе с делопроизводственными материалами, хранящимися в архиве, позволило сделать вывод о том, что власти Северо-Кавказского края РСФСР с самого начала планировали устроить судебный политический процесс, по итогам проведения которого В.В. Макеев должен был получить обвинительный приговор. Помимо этого, были изучены концепции историков и юристов, что позволило авторам настоящего исследования, опираясь на собственный опыт, выдвинуть ряд новых тезисов. Опираясь на методологический инструментарий современной юриспруденции, в русле подходов, предлагаемых современными исследователями, правовое значение судебных процессов 1920-х гг. рассмотрено сквозь призму социального конструктивизма и антропоцентризма. Использование сравнительно-исторического метода позволило сравнить суд над Макеевым с другими политическими процессами, проходившими в раннесоветскую эпоху. Применение историко-правового метода позволило понять причины начала судебного процесса над Макеевым, проанализировать его ход и итоги. Благодаря использованию формально-юридического (догматического) метода авторам удалось проанализировать советское законодательство 1920-х гг.

Результаты исследования. Процесс над В.В. Макеевым проходил с 28 по 31 декабря 1925 г. в клубе Главных мастерских Владикавказской железной дороги города Ростова-на-Дону и был приурочен к 20-летию юбилею вооруженного восстания рабочих в декабре 1905 г. Изначально процесс над Макеевым должен был начаться 15 ноября 1925 г., но по требованию прокурора И.К. Налбандова он был отложен [18, л. 3] на конец декабря того же года. За это время следователи Северо-Кавказского краевого суда вместе с И.К. Налбандовым изучили дела Донского царского охранного отделения за 1905 и 1906 гг., что позволило им более подробно ознакомиться с событиями, связанными с революционным движением в Ростове-на-Дону в тот период, и с ролью Макеева при подавлении восстания рабочих в декабре 1905 г. Сам процесс привлек колоссальное внимание со стороны рабочих Главных мастерских по причине того, что некоторые из них принимали активное участие в тех событиях.

На момент начала суда Макееву было 73 года. Он родился [19, с. 245] в 1852 г. в станице Митякинской Донецкого округа Земли Войска Донского в семье простого казака. После окончания Новочеркасской классической гимназии Макеев из-за отсутствия финансовых средств добровольно поступил на военную службу и начал обучение в Новочеркасском казачьем юнкерском училище. После окончания училища Макеев в составе полка отправился на русско-турецкую войну, но из-за заключения Сан-Стефанского перемирия в начале 1878 г. не принял участия в боевых действиях и вернулся обратно в Новочеркасск. В дальнейшем он проходил службу на территории Области Войска Донского. Макеев прошел путь от адъютанта в управлении Области Войска Донского до окружного воинского начальника и руководителя Ростовской воинской команды. Именно в этом звании Макеев встретил Первую русскую революцию 1905 г. В 1916 г. Макеев вышел в отставку [18, л. 39] и стал проживать в станице Каменской. После начала Февральской революции он был арестован жителями станицы и отправлен в тюрьму из-за своего строгого отношения к ним во время исполнения обязанностей Донецкого окружного атамана. Приезд в станицу прокурора привел к тому, что Макеев был отправлен в Новочеркасск. Сам Макеев во время суда отметил [18, л. 40], что донской атаман не считал его виновным. После получения письма прокурора донской атаман освободил Макеева, который с этого времени стал проживать в Новочеркасске и заниматься

домашними делами. После прихода к власти большевиков и начала Гражданской войны положение Макеева резко ухудшилось. Он продолжал получать пенсию от правительства Всевеликого Войска Донского и А.И. Деникина, но в 1918 г. устроился [18, л. 41] на работу делопроизводителем в общество «Якорь». Это было связано с тем, что в стране резко выросла инфляция. При этом Макеев не принимал никакого участия в Гражданской войне. После установления в Новочеркасске советской власти в начале 1920 г. Макеев перестал получать пенсию и жил у своей дочери, которая работала учителем в местной школе, фактически находясь на ее иждивении. Необходимо отметить, что Макеев не скрывался от советской власти. По его собственным признаниям [18, л. 41], сотрудники донской областной ЧК (Чрезвычайной комиссии) знали о том, где он проживает, но при этом не подвергали каким-либо репрессиям. С большой долей вероятности можно говорить о том, что политические репрессии в отношении Макеева были связаны с проведением в регионе юбилейных мероприятий, посвященных 20-летию Первой русской революции 1905 г. и восстания рабочих г. Ростова-на-Дону в том же году.

Судебный процесс над Макеевым начался с того, что прокурор И.К. Налбандов огласил суду список свидетелей (И.А. Лисицын, С.М. Касьяневский, Г.В. Черепяхин, Д.А. Михальчук, И.В. Бровицкий), принимавших непосредственное участие в декабрьском восстании 1905 г. в Ростове-на-Дону. После оглашения ходатайства прокурора И.К. Налбандова о заслушивании Ю.П. Бутягина в качестве свидетеля, слово взял адвокат Ашман, попросивший председателя суда Петрова зачитать его заявление [интересно, что документы не содержат инициалов – имени и отчества защитника Ашмана, однако удалось установить, что защитник был известным в городе адвокатом и звали его Михаил Александрович, согласно городскому справочнику «Весь Ростов и Нахичевань [на Дону] в кармане: адресный и справочный указатель»³, изданному в Ростове в 1925 г. – прим. А.А., О.А.]. После прочтения М.А. Ашман подверг критике прокурора за то, что тот не вызвал в качестве свидетелей революционеров С.М. Гурвича, М.С. Эпштейна и адвоката Городисского, защищавшего в 1909 г. Г.В. Черепяхина. М.А. Ашман не согласился с позицией прокурора и настаивал на привлечении Гурвича и Городисского, считая, что Макеев имеет право на использование «средств легальной защиты» [18, л. 18]. В своем выступлении 28 декабря он обвинил прокурора в предвзятом отношении к Макееву. Судья Петров отказался вызывать дополнительных свидетелей. Фигура В.П. Петрова тоже довольно интересна, будучи председателем Северо-Кавказского краевого суда, большевиком с 1915 года, он начинал свою карьеру как председатель Губревтрибунала с 1922 года [20, л. 82]. И.К. Налбандов объяснил отказ от показаний С. Гурвича тем, что тот, несмотря на разрыв с меньшевиками, отказывался вступать в РКП(б) из-за «разногласий по некоторым вопросам» [18, л. 5]. Вероятно, нежелание использовать показания Гурвича было связано с тем, что он оставался политическим противником власти. Данный факт показывает нам то, что суд над Макеевым с самого начала шел с нарушением существовавших на тот момент юридических норм.

После этого суд начал допрашивать Макеева. Свой рассказ он начал с того, что 1 декабря 1905 г. получил приказ от наказного атамана Войска Донского Н.Н. Одоевского-Маслова принять на себя временно должность ростовского градоначальника и подавить планировавшееся на 13 декабря восстание местных рабочих, которые, по донесениям Донского охранного отделения, планировали использовать бомбы против правительственных войск. Макеев отмечал, что наказной атаман был недоволен его медлительностью. В самом начале восстания рабочие взяли ростовский железнодорожный вокзал. В ответ на это Макеев отдал приказ казакам освободить его. После артиллерийского обстрела казаки смогли занять 21 декабря вокзал, а также взяли столовую Главных мастерских. Макеев отдал приказ арестовать бежавших в Батайск и Нахичевань-на-Дону революционеров. Разгромив революционеров, Макеев 9 января был назначен [18, л. 28] окружным атаманом Донецкого округа, а новым ростовским градоначальником стал Д.В. Драчевский.

После данных показаний Макеева суд стал задавать ему дополнительные вопросы. Так, судья Петров задал Макееву вопрос [18, л. 30] о его участии в боевых действиях до событий революции 1905 г. и о том, понимал ли он значение революции. Макеев, отвечая на вопрос судьи, отмечал, что революция «несла смерть» [18, л. 30] ее участникам и тем, кто ее подавлял. Он отверг обвинения судьи в том, что его подчиненные во время подавления беспорядков убивали и насиловали мирных граждан. После этого прокурор стал задавать ему вопрос об использовании Макеевым артиллерии при подавлении восстания [18, л. 46] и о том, знал ли он, что в столовой Главных мастерских при обстреле находились не только революционеры, но и обычные рабочие, в том числе и женщины. Макеев заявлял о том, что по предоставленным ему данным там находились только революционеры, а сам он исполнял возложенные на него обязанности в связи с тем, что являлся монархистом и давал присягу на верность царю. Помимо этого, И.К. Налбандов пытался [18, л. 59] выяснить у Макеева, взаимодействовал ли он с городскими отделениями монархических организаций, которые, по мнению прокурора, участвовали в организации еврейского погрома в городе в октябре 1905 г. Но Макеев дал отрицательный ответ. Фактически, прокурор пытался

³ *Весь Ростов и Нахичевань [на Дону] в кармане: адресный и справочный указатель*. Ростов-на-Дону: Советский Юг; 1925. С. 281.

обвинить Макеева в том, что он являлся одним из организаторов еврейского погрома, который произошел в Ростове-на-Дону в октябре 1905 г. Помимо этого, он пытался обвинить Макеева в том, что он выдавал спиртные напитки казакам во время подавления восстания [21, л. 112].

Одновременно с И.К. Налбандовым вопросы Макееву стал задавать профессиональный революционер, советский государственный и партийный деятель, заведующий Северо-Кавказским краевым Истпартом В.Н. Толмачёв, который выступал в судебном процессе в качестве общественного обвинителя. Толмачёв задавал подсудимому вопрос [21, л. 24] о том, с какими предложениями он выступил на встрече с депутатами городской думы г. Ростова-на-Дону 12 декабря 1905 г., то есть перед началом вооруженного восстания рабочих. Сам Макеев ответил, что подобной встречи он никогда не проводил. При этом Толмачёв во время допроса пытался обвинить Макеева в том, что подчиненные ему казаки при подавлении восстания пьянствовали и занимались грабежом местного населения. Подобные обвинения были отвергнуты подсудимым. Фактически, представители власти и правящей Коммунистической партии пытались обвинить Макеева в том, что его подчиненные не просто уничтожали вооруженных революционеров, но также под действием алкоголя проявляли жестокость в отношении мирных граждан, что являлось обстоятельством, отягчающим уголовное наказание. Подобные обвинения представители власти при этом доказать так и не смогли.

Далее председатель суда дал слово для допроса подсудимого адвокату М.А. Ашману. Он задал Макееву вопрос о том, почему именно его выбрали для подавления восстания наказной атаман Области Войска Донского, а не гражданских чиновников, являющихся по национальности немцами, и как казаки относились к последним. Макеев не смог ответить на этот вопрос. Второй вопрос М.А. Ашмана касался того, почему Макеева не назначили новым ростовским градоначальником. Отвечая на этот вопрос, подсудимый заявил, что в столице были недовольны его действиями при подавлении восстания. Необходимо отметить, что М.А. Ашман, проводя допрос, акцентировал внимание суда на том, что Макеев был бездарным командиром, который не сумел в короткие сроки подавить восстание рабочих и при этом знал от сотрудников Донского охранного отделения о том, что мятежников было слишком мало. Если бы он был более жестким военачальником, то сумел бы раздавить восстание за короткий срок. Помимо этого, М.А. Ашман призывал вспомнить Макеева о том, когда именно он был назначен временным градоначальником г. Ростова-на-Дону. Сам Макеев заявил суду о том, что он исполнял данные обязанности с 1 декабря 1905 г. по 9 января 1906 г., но адвокат обращал его внимание на то, что он получил данные полномочия лишь 11 декабря. Конечно, данный факт играл в пользу обвиняемого, но, к сожалению, Макеев продолжал утверждать о том, что исполнял обязанности градоначальника 1 декабря. Также М.А. Ашман просил привести доказательства его показаний, в которых Макеев заявил о том, что после подавления восстания арестами восставших занимался уже не он, а новый градоначальник Драчевский. Помимо этого, М.А. Ашман во время допроса Макеева обращал внимание суда на то, что подсудимый никак не причастен к еврейскому погрому, который произошел в Ростове-на-Дону в октябре 1905 г., а также не занимался спаиванием казаков во время подавления восстания и не участвовал в расстрелах жителей города.

Но дальнейшее выступление М.А. Ашмана прервал прокурор И.К. Налбандов. Он обратил внимание суда на то, что адвокат, пользуясь слабой памятью Макеева, пытался корректировать его показания. Прокурор протестовал против того, чтобы М.А. Ашман оглашал документы охранного отделения для корректировки показаний, и отмечал, что Макеев может самостоятельно отвечать на вопросы. Но защитник отверг данное требование прокурора, отмечая, что и он пользовался данными документами при допросе. Сам И.К. Налбандов критически относился к М.А. Ашману. Об этом свидетельствует статья И.К. Налбандова, написанная после суда над Макеевым. В ней он назвал М.А. Ашмана «типичным представителем «нашей» [18, л. 4] советской адвокатуры, к которой в полной мере приложимо: «А скажи-ка, гадина, сколько тебе дадено» [18, л. 4]. И.К. Налбандов отметил, что за данный процесс М.А. Ашман получил вознаграждение [18, л. 4] в размере 500 руб. Фактически, данная цитата свидетельствует о том, что адвокат М.А. Ашман начинал свою адвокатскую деятельность еще до Февральской революции и, несмотря на произошедшие в стране политические изменения, продолжал отстаивать в полной мере интересы своего подзащитного, что не могло не привести к конфликту с прокурором, представляющим интересы правящей Коммунистической партии и являющимся ее членом.

В ответ на начавшуюся полемику между прокурором и адвокатом, председатель суда В.П. Петров объявил о том, что документы Донского охранного отделения могут быть использованы при допросе обеими сторонами. Далее М.А. Ашман выяснил у подсудимого информацию о том, что артиллерийской стрельбой по столовой, где располагались мятежники, руководили сотрудники жандармерии, а не сам Макеев. Защищая своего подопечного, М.А. Ашман пытался выставить его марионеткой местного охранного отделения, которое имело настоящую власть в городе. Последний вопрос, который задал адвокат Макееву, касался его образования и того, какие газеты

и журналы он читал. При ответе на данный вопрос Макеев отмечал, что он во время своей службы читал консервативную газету «Новое время», редактором которой в то время был монархист А.С. Суворин. Ашман полагал, что ответы Макеева должны были показать всем, что он получил традиционное для военного образование и был воспитан в духе верности царю и Отечеству.

Но Северо-Кавказский краевой суд, для получения более полной картины, решил назначить дополнительную экспертизу для подтверждения вины Макеева. В рамках этого были приглашены новые эксперты, которые являлись непосредственными современниками событий Первой русской революции. Именно их суд заслушивал следующие два дня процесса (29–30 декабря 1925 г.). Первым выступил Ю.П. Бутягин, выступивший в декабре 1905 г. одним из руководителей восстания в Ростове-на-Дону. Он рассказал суду историю вооруженного восстания в Ростове-на-Дону в декабре 1905 г. и обратил внимание суда на то, что Макеев был одним из немногих военных, который согласился подавить мятеж ради своего дальнейшего карьерного роста и использовал шрапнель. Свидетель подверг критике и действия меньшевика Гурвича, руководившего ростовским Советом рабочих депутатов, который выступал противником вооруженного восстания. Помимо этого, Бутягин отметил, что после подавления восстания «тюрьмы были настолько переполнены, что некуда было помещать арестованных» [21, л. 192], а со слов очевидцев он знал, что некоторые рабочие немедленно подверглись расстрелу со стороны казаков. При этом Бутягин обратил внимание суда на то, что он, будучи на месте Макеева, смог бы подавить восстание примерно за час, а не за неделю. Сам Бутягин был знаком с военным делом, так как во время Гражданской войны возглавлял корпус Красной Армии. Оправдывая подобную медлительность властей в 1905 г. он тем, что находившиеся под командованием Макеева отдельные воинские части отказывались участвовать в подавлении восстания.

Следующим был заслушан в качестве свидетеля И.А. Лисицын. Он рассказал суду о том, что казаки при подавлении восстания подвергали рабочих избиениям по приказу Макеева. Также Лисицын указал на то, что Макеев обвинял революционеров в том, что именно они убивали мирных жителей города, хотя на самом деле это делали казаки и то, что спаивали солдат. Бывшие меньшевики С.М. Касьяневский, Д.А. Михальчук и И.В. Бровицкий повторили все то же самое, что до этого рассказал Лисицын. Следующим свидетелем выступил известный большевик с дореволюционным партийным стажем, заместитель председателя Северо-Кавказского краевого отделения Международной организации помощи революционерам Г.В. Черепяхин. Он обвинил Макеева в том, что подчиненные ему воинские части в октябре 1905 г. открыли огонь на поражение по демонстрации рабочих и молодежи, организованной местными социал-демократами после выхода манифеста императора Николая II об усовершенствовании государственного порядка⁴. Демонстранты пытались помешать местным националистам совершить еврейский погром. Фактически, Черепяхин обвинил Макеева в том, что он был одним из организаторов еврейского погрома в г. Ростове-на-Дону. Подтвердил Черепяхин и показания предыдущих свидетелей, обвинивших Макеева в жестокости при подавлении восстания. Свидетель рассказал суду [20, л. 287] о том, что Макеев действовал жестко из-за того, что хотел стать генералом, а также не считал рабочих за людей. Но сам Макеев категорически отверг обвинение Черепяхина в организации еврейского погрома, отмечая, что на момент его совершения его даже не было в Ростове-на-Дону [21, л. 311]. Фактически, показания свидетелей показывают, что обвинения против Макеева были заранее придуманы по приказу региональных властей.

Руководствуясь статьей 303 УПК РСФСР, председатель Северо-Кавказского суда В.П. Петров, после заслушивания участников процесса, объявил судебное следствие законченным. Следующее заседание суда, состоявшееся 31 декабря 1925 года, было последним. Именно на нем суд должен был вынести В.В. Макееву окончательный приговор. Перед вынесением приговора, в рамках статьи 304 УПК РСФСР, суд должен был заслушать «прения сторон»⁵ – выступления общественного обвинителя, прокурора и адвоката. Так, с речью перед судом выступил общественный обвинитель В.Н. Толмачёв. В своем выступлении он отметил, что судебный процесс над В.В. Макеевым имеет «историческое значение» [22, л. 1]. Часть своего выступления он посвятил истории возникновения революционного движения в Ростове-на-Дону, а затем остановился на революционных событиях, происходивших в городе в конце 1905 года. Толмачёв обвинил Макеева в чрезмерной жестокости во время подавления декабрьского восстания в Ростове-на-Дону. Он полагал, что причиной жестких действий полковника во время этих событий было стремление Макеева к карьерному росту. Ссылаясь на показания самого Макеева во время судебного процесса, Толмачёв в качестве второй причины [22, л. 28] его жестокости называл его верность монархическому строю. Именно поэтому Толмачёв просил суд приговорить Макеева к высшей мере наказания – расстрелу, поскольку рабочий класс продолжал вести борьбу за свои права против сторонников «старого мира» [22, л. 22]. Подобная жестокость

⁴ Об усовершенствовании государственного порядка. Высочайший манифест от 17.10.1905. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/35000/> (дата обращения: 27.12.2025).

⁵ Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»). Постановление ВЦИК от 15.02.1923. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3551#pbxWiEVVoUXdGmGz8> (дата обращения: 27.12.2025).

в оценке Макеева со стороны Толмачёва была связана с тем, что он был представителем партийно-государственного аппарата, относившегося к «бывшим людям» как к врагам существующего строя.

После выступления Толмачёва председатель суда дал слово государственному обвинителю, прокурору И.К. Налбандову. Свою речь прокурор начал с того, что большевики, несмотря на завершение Гражданской войны в России, продолжали вести борьбу с противниками власти в лице Белого движения и «настоящий суд есть продолжение этой борьбы» [21, л. 345]. Он утверждал, что такие представители бывшей власти, как, например, великий князь Николай Николаевич младший и А.Г. Шкуро, мечтают разгромить большевиков и вернуться обратно в страну в качестве правителей. По его мнению, это заставляет советскую власть вести с ними войну на уничтожение. Он заявил, что подсудимый Макеев был не просто «техническим исполнителем» [21, л. 346] приказов царской власти, но и возглавлял ряд организаций, координировал работу карательных органов Российской империи (охранное отделение и жандармерия) в Ростове-на-Дону в конце 1905 г., а также подвергал репрессиям тех сотрудников правопорядка, которые отказывались исполнять его распоряжения. Прокурор обращал внимание суда на то, что сам Макеев проявлял жестокость по отношению к восставшим и даже после передачи полномочий Д.В. Драчевскому требовал от него физической ликвидации мятежников. Сам И.К. Налбандов понимал, что на момент заседания Макеев является безобидным пожилым человеком, но при этом он утверждал, что в случае мировой революции, в ходе которой советская власть установилась бы во всех развитых капиталистических государствах Запады, обвиняемого бы никто не судил. Но в существующей реальности, в которой коммунисты находились у власти только в Советском Союзе, Макеев должен находиться на скамье подсудимых и понести жестокое наказание за свои прежние деяния. Фактически, И.К. Налбандов обращал внимание суда на то, что Макеев является потенциальным представителем «пятой колонны», которая ненавидит существующий политический режим и ждет помощи извне. Также прокурор заявил, что Макеев до сих пор является убежденным монархистом, не кающимся в своих прошлых грехах и готовым исполнять распоряжения царя в случае реставрации старого порядка. Но самое страшное его преступление заключается в том, что Макеев дал приказ стрелять по восставшим в декабре 1905 г. Все это свидетельствует «о наличии состава преступления, предусмотренного 67 ст.» [21, л. 350]. Свою речь прокурор закончил тем, что Макеев может быть признан виновным в рамках данной статьи и к нему можно применить наказание, предусмотренное статьей 8 УК РСФСР, и настаивал на применении к нему высшей меры наказания – расстрела. Фактически, И.К. Налбандов осуществлял уголовное преследование Макеева с точки зрения классового подхода, на основе которого в то время осуществлялось правосудие.

Далее слово было предоставлено адвокату М.А. Ашману. В самом начале своей речи он заявил суду о том, что место Макеева не на скамье подсудимых, а в музее Революции, где он мог бы выступить живым свидетелем об истории революционного движения начала XX в. М.А. Ашман обращал внимание суда на то, что Макеев родился в 1852 г., когда большинство населения Российской империи (речь идет о рабочих и крестьянах) считали «за скотов» [21, л. 355] и вследствие его воспитания в духе почитания царя, самодержавия он смотрел на мир, как представитель правящего сословия. При этом сам Макеев в сравнении с белогвардейскими военачальниками А.И. Деникиным, П.Н. Врангелем, Н.Н. Юденичем был «мальчишкой и щенком» [21, л. 355] и его преступление не является настолько тяжелым на фоне событий Гражданской войны. Понимая, что данный судебный процесс является историческим и политическим, М.А. Ашман заявлял о том, что с юридической точки зрения Макеева судить нельзя. Он отметил, что в декабре 1905 г. многие представители рабочего класса не поддерживали революцию, а сами революционеры были меньшинством. При этом М.А. Ашман раскритиковал прокурора Налбандова и заявил, что, расстреляв Макеева, советская власть не сможет напугать своих противников, находящихся в Европе. Он обратил внимание и на то, что чекисты не подвергали Макеева каким-либо репрессиям, так как понимали, что тот не представляет никакой опасности для советской власти. Расправа над стариком в целях устрашения политических противников режима, на взгляд Ашмана, нарушает существующие юридические нормы. Сам М.А. Ашман обращал внимание и на то, что свидетель С.М. Касьяневский был таким же противником большевиков, а в 1920 г. отрекся от партии меньшевиков. В качестве другого примера он привел известного революционера, лидера партии эсеров Б.В. Савинкова, который совершал преступления против императорского режима в начале XX в., а после боролся с большевиками, но несмотря на это его в 1925 г. в ходе судебного процесса приговорили к тюремному заключению. Сами свидетели, по мнению Ашмана, были непосредственными участниками революционных событий XX в., которые не могли дать объективных показаний из-за своей принадлежности к рядам революционеров. Перейдя к Макееву, адвокат заявил суду о том, что его подзащитный был «изрядной бездарностью» [21, л. 363], а прокурор заявлял о том, что он был жестоким и циничным человеком. Свою позицию адвокат аргументировал тем, что Макеев целую неделю не мог подавить восстание, в котором участвовало небольшое количество человек, в том числе из-за боязни больших жертв, и привел цитату свидетеля Ю.П. Бутягина, который заявил, что он бы смог подавить такое восстание за 1 час и отмечавшим, что в руководстве Области Войска Донского

в декабре 1905 г. была «расхлябанность» [21, л. 364]. К тому же сам Макеев не мог отвечать за преступления, совершаемые донскими казаками при подавлении восстания. Ашман считал настоящим виновником существовавший в начале XX в. политический режим, а не его «крошечного Макеева» [21, л. 379]. В конце своей речи он просил суд о снисхождении к В.В. Макееву с учетом того, что у него были признаки старческого слабоумия.

После прений председатель суда Петров предоставил подсудимому последнее слово. В своем последнем слове Макеев, рыдая, просил суд о помиловании, апеллируя к тому, что он является «стариком никуда не годным» [23, л. 401], а также приносил прощение у советских граждан за совершенное им преступление, объясняя его тем, что в 1905 г. он был человеком «военным» [23, л. 401], дававшим присягу на верность императору Николаю II. Он отвергал обвинения суда в том, что он занимался рукоприкладством по отношению к своим подчиненным и скрывался от советской власти после разгрома белых.

31 декабря 1925 г. суд вынес приговор В.В. Макееву. На основании статьи 67 «с карательной санкцией по первой части 58 статьи УК» [18, л. 414–415] РСФСР и руководствуясь ее статьями 9, 24, 25, а также статьей 319 УПК РСФСР, он был признан виновным в совершении преступления и приговорен к высшей мере наказания – расстрелу. Но с учетом давности совершения преступления и смягчающего вину обстоятельства – преклонного возраста, суд заменил расстрел и приговорил его к 5 годам лишения свободы с конфискацией принадлежащего ему имущества и «поражением в правах» [18, л. 415] на 5 лет после выхода из заключения. Фактически, судьи проявили определенную снисходительность к Макееву, заменив казнь на тюремное заключение, но с учетом его преклонного возраста подобное наказание было равносильно смертному приговору.

Обсуждение и заключение. С 28 по 31 декабря 1925 г. в Ростове-на-Дону проходил судебный политический процесс над В.В. Макеевым, который в декабре 1905 – январе 1906 гг. занимал должность временно исполняющего обязанности ростовского градоначальника и принимал активное участие в подавлении декабрьского вооруженного восстания, устроенного рабочими Главных мастерских Владикавказской железной дороги. Судебный процесс был приурочен к 20-летию вооруженного восстания ростовских рабочих и носил показательный характер. Макеева судили на основании нарушения статьи 67 Уголовного кодекса РСФСР, предусматривающей уголовное наказание для лиц, занимавших государственные должности в период правления династии Романовых и участвовавших в «борьбе против рабочего класса и революционного движения». Применение в отношении бывших полицейских, жандармов и чиновников царского режима характеризовалось расширительным и часто произвольным толкованием состава преступления, упрощенным порядком доказывания и прямой зависимостью от текущей политической конъюнктуры. Норма служила не столько для наказания за конкретные действия, сколько для легализации репрессий по признаку социального происхождения и прошлой деятельности, выполняя функцию социальной «зачистки» и символического утверждения нового правопорядка. Эволюция ее применения отражает общую тенденцию становления советской правовой системы, где уголовное право стало инструментом проведения масштабной социальной инженерии. Пятилетнее наказание В.В. Макеева становится примером идеологического влияния новых властей в отношении политической проработки прошлого. С формально-юридической точки зрения процесс полностью соответствовал советскому уголовному законодательству, но в реальности подсудимый не имел никаких шансов на получение оправдательного приговора, так как суд контролировался государственно-партийными структурами, для которых Макеев был «классовым врагом». В научной литературе неоднократно поднимался вопрос о судебных политических процессах 1920-х гг., однако о процессе над Макеевым неизвестно практически ничего из-за неиспользования архивных документов. В связи с этим привлечение региональных архивных документов позволило увидеть особенности данных судебных политических процессов и понять причины их возбуждения.

Список литературы / References

1. Стучка П.И. Мой путь и мои ошибки. *Советское государство и революция права*. 1931;(5–6):67–97. Stuchka PI. My Way and My Mistakes. *The Soviet State and the Revolution of Law*. 1931;(5–6):67–97. (In Russ.)
2. Богатырев Г.Т. *Становление доктрины советского права (1917–1930 гг.)*. Дис. канд. юрид. наук. Москва; 2024. 232 с. Bogatyrev GT. *The Formation of the Doctrine of Soviet Law (1917–1930)*. Cand.Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2024. 232 p. (In Russ.)
3. Пашуканис Е.Б. *Общая теория права и марксизм*. Москва: Издательство Коммунистической академии; 1927. 160 с. Pashukanis EB. *General Theory of Law and Marxism*. Moscow: Communist Academy Publ.; 1927. 160 p. (In Russ.)
4. Кислицын С.А. *Красная фронда под секирой НКВД. Киров, Орджоникидзе, Бухарин и деятели Азово-Черноморского края в политических репрессиях второй половины 1930-х годов*. Ростов-на-Дону: Донской издательский дом; 2022. 511 с.

Kislitsyn SA. *The Red Fronde under the Axe of the NKVD. Kirov, Ordzhonikidze, Bukharin and the Leaders of the Azov-Black Sea Region in the Political Repressions of the Second Half of the 1930s*. Rostov-on-Don: Donskoy Publ.; 2022. 511 p. (In Russ.)

5. Красильников С.А. *Советские судебные политические процессы в 1920–1930-е гг.: причины, организация, последствия*. Новосибирск: Редакционно-издательский центр НГУ; 2014. 299 с.

Krasilnikov SA. *Soviet Political Trials of the 1920s – 1930s: Causes, Organization, Consequences*. Novosibirsk: NSU Editorial and Publishing Center; 2014. 299 p. (In Russ.)

6. Рожнева Ж.А. *Политические судебные процессы в Западной Сибири в 1920–1930-е гг.* Дис. канд. ист. наук. Томск; 2003. 226 с.

Rozhneva ZhA. *Political Trials in Western Siberia in the 1920s–1930s*. Cand.Sci. (History) Dissertation. Tomsk; 2003. 226 p. (In Russ.)

7. Соседов Е.А. Проблемы эволюции карательной политики государства в период становления нэпа: на примере Тамбовской губернии. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2011;(7):199–204.

Sosedov EA. Problems of Evolution of State Punishment Policy during NEP: On Example of Tambov Province. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2011;(7):199–204. (In Russ.)

8. Упоров И.В., Шеуджен Н.А. Судебные отношения в Советской России (1920-е годы): политико-идеологическая доктрина большевиков и организационно-правовые решения (часть 1). *Общество и право*. 2024;(2):82–87.

Urovov IV, Sheudzhen NA. Judicial Relations in Soviet Russia (1920s): Political-Ideological Doctrine of the Bolsheviks and Organizational and Legal Decisions (Part 1). *Society and Law*. 2024;(2):82–87. (In Russ.)

9. Упоров И.В., Швец А.А., Шеуджен Н.А. Судебные отношения в советской России (1920-е годы): политико-идеологическая доктрина большевиков и организационно-правовые решения (часть 2). *Право и практика*. 2024;(2):25–30. <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2024-1-25-30>

Urovov IV, Shvets AA, Sheudzhen NA. Judicial Relations in Soviet Russia (1920s): Political-Ideological Doctrine of the Bolsheviks and Organizational and Legal Decisions (Part 2). *Law and Practice*. 2024;(2):25–30. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2411-2275-2024-1-25-30>

10. Дзидзоев А.Д. Становление советской судебной системы. *Вестник Владикавказского научного центра*. 2008;(4):41–46.

Dzidzoev AD. Formation of the Soviet Judicial System. *Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra (Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center)*. 2008;(4):41–46. (In Russ.)

11. Колесняк Е.В. *Правовая система советского государства в период НЭПа: историко-правовое исследование*. Дис. канд. юрид. наук. Краснодар; 2009. 220 с.

Kolesnyak EV. *The Legal System of the Soviet State during NEP Period: a Historical and Legal Study*. Cand.Sci. (Law) Dissertation. Krasnodar; 2009. 220 p. (In Russ.)

12. Колесняк Е.В. Судебная система как составная часть правовой системы Советского государства в 1920-е годы. *Вестник Самарского юридического института*. 2010;(1):80–85.

Kolesnyak EV. The Judicial System as an Integral Part of the Legal System of the Soviet State in the 1920s. *Bulletin of Samara Law Institute*. 2010;(1):80–85. (In Russ.)

13. Солоницын П.С. Принципы советского пенитенциарного права (1920-е годы). *Вестник Самарского юридического института*. 2024;(1(57)):69–74.

Solonitsyn PS. Principles of Soviet Penal Law (1920s). *Bulletin of the Samara Law Institute*. 2024;(1(57)):69–74. (In Russ.)

14. Диденко М.С. Место революционного правосознания в системе источников права советского государства (1917–1928 гг.). *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2022;(4):41–46.

Didenko MS. The Place of Revolutionary Legal Consciousness in the System of Sources of Law of the Soviet State (1917–1928). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(4):41–46. (In Russ.)

15. Микуленок Ю.А. Способы толкования права в Советской России в 1920-е гг. *Теория и практика общественного развития*. 2025;(10(210)):254–259.

Mikulenok JuA. Methods of Interpreting Law in Soviet Russia in the 1920s. *Theory and Practice of Social Development*. 2025;(10(210)):254–259. (In Russ.)

16. Окунева М.О. Классовый подход в советском праве (1917–1927). *Вестник Московского университета. Серия 11. Право*. 2017;(5):74–82.

Okuneva MO. Class Approach in Soviet Law (1917–1927). *Moscow University Bulletin. Series 11. Law*. 2017;(5):74–82. (In Russ.)

17. Никулин В.В. Концептуальные основы советской модели правосудия и практика ее реализации. *Право: история и современность*. 2017;(1):38–53.

Nikulin V.V. Conceptual foundations of the Soviet model of justice and the practice of its implementation. *Law: History and Modernity*. 2017;(1):38–53. (In Russ.)

18. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 325.

Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (ЦДНИРО/TsDNIRO). Archive Fund No 12. Inventory No 1. File No 325. (In Russ.)

19. Скорик А.П. *Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции*. Новочеркасск: Лик; 2015. 1184 с.

Skorik AP. *The Milutin Cossack Yurt: An Experience of Historical Reconstruction*. Novocherkassk: Lik Publ.; 2015. 1184 p. (In Russ.)

20. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 473.

Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (ЦДНИРО/TsDNIRO). Archive Fund No 7. Inventory No 1. File No 473. (In Russ.)

21. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 326.

Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (ЦДНИРО/TsDNIRO). Archive Fund No 12. Inventory No 1. File No 326. (In Russ.)

22. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 328.

Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (ЦДНИРО/TsDNIRO). Archive Fund No 12. Inventory No 1. File No 328. (In Russ.)

23. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИРО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 324.

Center for Documentation of Contemporary History of the Rostov Region (ЦДНИРО/TsDNIRO). Archive Fund No 12. Inventory No 1. File No 324 (In Russ.)

Об авторах:

Андрей Анатольевич Аганов, кандидат исторических наук, старший преподаватель Института сквозных технологий Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), aganoff.a@yandex.ru

Олег Александрович Елдинов, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Документоведение и языковая коммуникация» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), olegeldinov@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

А.А. Аганов: формирование основной концепции, методология исследования, постановка задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

О.А. Елдинов: методология исследования (философско-правовые методы), обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Andrey A. Aganov, Cand.Sci. (History), Senior Lecturer of the Institute of End-to-End Technologies, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), aganoff.a@yandex.ru

Oleg A. Eldinov, Cand.Sci. (History), Associate Professor of the Documentation Science and Language Communication Department (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), olegeldinov@yandex.ru

Claimed Contributorship:

AA Aganov: formulating the main concept, research methodology, setting forth research objectives, preparing the text, formulating the conclusions.

OA Eldinov: research methodology (philosophical and legal methods), review and analysis of scientific sources, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

The authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 09.02.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 02.03.2026

Принята к публикации / Accepted 11.03.2026

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

Оригинальное теоретическое исследование

УДК 349.6

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-20-32>

Возмещение вреда, причиненного экологическими правонарушениями: анализ актуальных правовых проблем и предложения по совершенствованию законодательства РФ

EDN: KYOCUM

А.П. Анисимов , Ю.И. Исакова

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 anisimovap@mail.ru

Аннотация

Введение. Проблема возмещения экологического вреда приобрела в наше время особую актуальность на фоне роста техногенной нагрузки на окружающую среду и появления новых глобальных экологических вызовов. Экологический вред традиционно понимается как негативное изменение окружающей среды, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов. Последствия такого вреда часто носят отдаленный и трудно прогнозируемый характер, при этом государство тратит значительную часть бюджета на их ликвидацию. Это говорит о недостаточной эффективности действующих механизмов гражданско-правовой ответственности за причинение вреда природе и стимулирует поиск новых правовых решений. В XXI в. к традиционным экологическим угрозам добавились новые, включая глобальное изменение климата и технологические инновации, которые ставят новые вопросы для правового института возмещения экологического вреда. Цель данной статьи – проанализировать современные проблемы в сфере возмещения вреда, причиненного экологическими правонарушениями, включая новые риски, такие как климатический вред и угрозы от нанотехнологий, и сформулировать предложения по совершенствованию экологического и гражданского законодательства РФ.

Материалы и методы. В работе использованы диалектический и системный методы, метод сравнительного анализа, нормативно-правового анализа, логический метод.

Результаты исследования. Установлено, что в России и странах Евросоюза происходят сопоставимые процессы развития правового регулирования возмещения экологического вреда. Среди сохраняющихся традиционных проблем для России – порядок возмещения экологического вреда (в натуральной/денежной форме), разграничение правомерного и противоправного вреда окружающей среде, ликвидация накопленного вреда окружающей среде и ряд других. Новые угрозы в сфере возмещения экологического вреда связаны с изменениями климата и внедрением высоких технологий (в частности, нанотехнологий). В России правовой механизм возмещения вреда от новых угроз только начинает складываться, в связи с чем авторы предлагают ряд конкретных мер по совершенствованию законодательства: например, принятие специального федерального закона «О возмещении экологического вреда», в котором можно объединить нормы, разбросанные по экологическому и гражданскому законодательству, а также учесть новые реалии, связанные с изменениями климата и нанотехнологиями.

Обсуждение и заключение. Проведенный анализ показал, что за последние десятилетия понимание экологического вреда существенно расширилось: от локального восприятия международное сообщество, включая Россию, перешло к осознанию появления планетарных угроз, причем классические механизмы ответственности вынуждены адаптироваться к новым реалиям научно-технологического прогресса. Ведущие правовые системы мира выработали ряд ценных подходов к экологическим деликтам, которые представляют интерес и для российского права: они развивают принцип «загрязнитель платит» путем принятия специальных директив и законов, вводят обязательное восстановление окружающей среды за счет причинителя, предусматривают финансовые гарантии на случай его несостоятельности, развивают судебную практику.

Ключевые слова: экологическое право, экологические правонарушения, вред, ущерб, возмещение вреда, компенсация, гражданское право, ответственность, климат, нанотехнологии, окружающая среда, Россия, законодательство РФ, Евросоюз

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Анисимов А.П., Исакова Ю.И. Возмещение вреда, причиненного экологическими правонарушениями: анализ актуальных правовых проблем и предложения по совершенствованию законодательства РФ. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2026;4(1):20–32. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-20-32>

Original Theoretical Research

Compensation for Damage Caused by Environmental Torts: Analysis of Topical Legal Issues and Proposals on Improvement of the Legislation of the Russian Federation

Aleksey P. Anisimov , Yulia I. Isakova
Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
 anisimovap@mail.ru

Abstract

Introduction. Nowadays, in the context of growing anthropogenic impact on the environment and emergence of the new global ecological challenges, the problem of compensation for environmental damage has become particularly relevant. Traditionally, environmental damage is understood as a negative change in the environment, resulting in the degradation of natural ecosystems and depletion of natural resources. The consequences of such damage are often deferred and difficult to predict, moreover, a significant amount of state budget is spent on elimination thereof. All the above indicates the inefficiency of the existing mechanisms of civil liability for environmental damage and fosters the search for the new legal solutions. In the 21st century, new ecological threats including global climate change and technological innovations have arisen in addition to the traditional ones, and have become a new challenge for the legal institution of environmental damage compensation. The aim of the article is to analyse the current problems pertaining to the compensation for damage caused by environmental torts, including new risks such as climate harms and threats induced by nanotechnologies, and to formulate proposals on improvement of the environmental and civil legislation of the Russian Federation.

Materials and Methods. The research was conducted using the dialectical and systemic methods, the method of comparative analysis, normative and legal analysis, and the logical method.

Results. It was established that development of legal regulation on environmental damage compensation in Russia and the EU is going in a comparable way. The following problems still persistent for Russia can be listed: the procedure of compensation for the environmental damage (in kind or monetary form), distinction between eligible and unlawful environmental damage, elimination of the accumulated environmental damage, and other issues. New threats in the scope of environmental damage compensation are related to the climate change and implementation of the high technologies (in particular, nanotechnologies). In Russia, the legal mechanism of compensation for damage caused by the new threats is in the beginning of its formation, therefore, the authors propose a number of particular measures to improve the legislation: e.g., adoption of a special Federal Law “On Compensation for Environmental Damage”, which could consolidate fragmented provisions of the Environmental and Civil Laws and take into account the new realities related to the climate change and nanotechnologies.

Discussion and Conclusion. The analysis has revealed that in recent decades the concept of environmental damage has expanded significantly: the international community, including Russia, has transferred from the localized perception of threats to the awareness of emergence of the planetary threats, therefore traditional liability mechanisms have to be adapted to the new scientific and technological progress realities. The world leading legal systems have developed a number of valuable approaches to handling the environmental torts that can also be of interest to the Russian law. Through the adoption of the special directives and laws, they develop the “polluter pays” principle, introduce the mandatory restoration of the environment at the expense of the harm-doer, envisage financial guarantees in the event of harm-doer’s insolvency, and develop the judicial practices.

Keywords: environmental law, environmental tort, harm, damage, compensation for damage, compensation, Civil Law, liability, climate, nanotechnologies, environment, Russia, legislation of the Russian Federation, European Union

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Anisimov AP, Isakova YuI. Compensation for Damage Caused by Environmental Torts: Analysis of Topical Legal Issues and Proposals on Improvement of the Legislation of the Russian Federation. *Legal Order and Legal Values*. 2026;4(1):20–32. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-20-32>

Введение. В XXI в. проблема возмещения экологического вреда приобрела особую актуальность на фоне роста техногенной нагрузки на окружающую среду и появления новых глобальных экологических вызовов. Экологический вред традиционно понимается как негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и истощение природных ресурсов. Последствия такого вреда часто носят отдаленный и трудно прогнозируемый характер, затрагивая жизнь, здоровье и имущество граждан, а также имущество юридических лиц. Соответственно, возмещение экологического вреда – это восстановление нарушенного состояния окружающей среды и компенсация причиненного ущерба, включая проведение мероприятий по очистке и рекультивации загрязненных территорий.

Обратим внимание, что во всем мире закреплен принцип «загрязнитель платит», согласно которому именно причинитель вреда должен нести расходы по предотвращению и ликвидации загрязнений и возмещению ущерба окружающей среде. Еще в Декларации Рио-де-Жанейро 1992 г. было провозглашено, что хозяйствующие субъекты несут ответственность не только за уже причиненный вред, но и за поддержание надлежащего качества окружающей среды в процессе своей деятельности. В законодательстве ЕС данный принцип закреплен в ст. 191(2) Договора о функционировании ЕС¹, обязывающей проводить природоохранную политику на основе принципов предосторожности и профилактики, устранения загрязнений у источника и возложения расходов на самого загрязнителя. Тем не менее на практике в различных странах продолжает наблюдаться ситуация, когда значительная часть расходов на восстановление экосистем ложится на государство и общество, а не на непосредственных виновников ущерба. В России, как и во многих промышленно развитых странах, затраты государственного бюджета на ликвидацию последствий экологических правонарушений остаются высокими. Это свидетельствует о недостаточной эффективности действующих механизмов ответственности и стимулирует поиск новых правовых решений. Кроме того, в XXI в. появились новые риски и угрозы – прежде всего глобальное изменение климата и технологические инновации (например, нанотехнологии), – которые ставят новые вопросы перед правовым институтом возмещения экологического вреда.

Цель данной статьи – проанализировать современные проблемы в сфере возмещения вреда, причиненного экологическими правонарушениями, включая новые риски, такие как климатический вред и угрозы от нанотехнологий, и сформулировать предложения по совершенствованию экологического и гражданского законодательства РФ. Для этого будет рассмотрен зарубежный опыт в сфере ответственности за экологический ущерб, дана критическая оценка российскому экологическому и гражданскому законодательству, регулирующему возмещение экологического вреда.

Материалы и методы. В рамках настоящего исследования был использован комплекс общенаучных и частнонаучных методов, традиционно применяемых в юридической науке. Диалектический метод позволил рассмотреть процесс возмещения экологического вреда в развитии, проследить эволюцию гражданско-правовых и эколого-правовых норм в условиях появления новых экологических угроз, выявить внутренние противоречия между нормами различной отраслевой принадлежности. Формально-юридический метод был использован для анализа положений Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ, иных нормативных актов, регулирующих вопросы возмещения экологического вреда. Сравнительно-правовой метод применялся для сопоставления подходов, реализованных в российском и европейском правовых порядках, выявления общих тенденций и отличий в регулировании возмещения экологического вреда, расчета его размера, исследования отличий возмещения вреда здоровью граждан и состоянию компонентов природной среды. Логический метод был использован для построения обоснованных выводов о причинах и последствиях экологического вреда, а также для выявления взаимосвязей между нормативным регулированием и реальной правоприменительной практикой. Метод правового моделирования позволил сформулировать предложения по совершенствованию гражданского и экологического законодательства в сфере возмещения экологического вреда в России.

Результаты исследования. Возмещение вреда окружающей среде как самостоятельный правовой институт стало оформляться в национальных законодательствах во второй половине XX в. под влиянием международного экологического права. В конце XX в. в российском экологическом законодательстве начал реализовываться

¹ Consolidated version of the Treaty on the Functioning of the European Union. Document 12012E/TXT. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/treaty/tfeu_2012/oj/eng (дата обращения: 09.01.2026).

принцип «загрязнитель платит», появились нормы об ответственности за экологические правонарушения, специальные методики расчета ущерба природным объектам и др. Однако в XXI в. происходят значительные изменения, расширившие понятие экологического вреда и усложнившие процедуры его возмещения.

Во-первых, если ранее возмещение экологического вреда рассматривалось через призму гражданско-правовой (деликтной) ответственности, то теперь признается необходимость межотраслевого подхода [1]. Экологический вред затрагивает не только частные, но и публичные интересы, поэтому правовой механизм его возмещения должен сочетать гражданско-правовые средства с правовыми мерами административного, экологического и финансового характера.

Во-вторых, происходит переосмысление самого понятия «возмещение вреда». Теперь это не столько выплата денежной компенсации постфактум, сколько обеспечение реального восстановления окружающей среды. Приоритет отдается возмещению вреда в натуре – проведению очистки, рекультивации, восстановительных работ за счет нарушителя [2]. Такой вывод следует из п. 2.1 ст. 78 Федерального закона «Об охране окружающей среды»², согласно которому при определении размера вреда окружающей среде, причиненного экологическим правонарушением, учитываются понесенные лицом, причинившим вред, затраты по устранению такого вреда. Порядок и условия учета этих затрат устанавливаются уполномоченными федеральными органами исполнительной власти. Определение размера вреда окружающей среде, который был причинен нарушением законодательства в области охраны окружающей среды, осуществляется исходя из фактических затрат на восстановление нарушенного состояния окружающей среды, с учетом понесенных убытков, в том числе упущенной выгоды, а также в соответствии с проектами рекультивационных и иных восстановительных работ, а при их отсутствии – в соответствии с таксами и методиками исчисления размера вреда окружающей среде, утвержденными органами соответствующей исполнительной власти. Таким образом, денежная компенсация будет назначена при невозможности восстановить нарушенные компоненты природной среды в прежнем состоянии. В ЕС схожий подход закреплен Директивой 2004/35/ЕС от 21 апреля 2004 г. «Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранение его последствий»³, согласно которой лицо, причинившее значительный ущерб земельным, водным ресурсам или охраняемым видам, обязано осуществить необходимые восстановительные меры за свой счет. Это дает стимул для компаний предотвращать ущерб, поскольку иначе им придется финансировать восстановление окружающей среды.

В-третьих, расширяется сфера охвата экологического вреда. Традиционно подлежит возмещению вред, причиненный нарушением природоохранных норм (т. е. противоправными действиями). Но в современном мире очень часто экологический ущерб может возникать и при правомерной хозяйственной деятельности, соответствующей всем выданным разрешениям [3]. В России законодательство прямо не регулирует вопрос ответственности за правомерно причиненный вред окружающей среде – согласно ст. 1064 ГК РФ такой правомерный вред возмещается только в случаях, предусмотренных законом. Федеральный закон «Об охране окружающей среды» содержит норму о возмещении вреда даже при наличии положительного заключения государственной экологической экспертизы проекта (п. 2 ст. 77), однако отсутствует четкий механизм реализации этой нормы. Дело в том, что хотя закон и не исключает возможность возмещения «правомерного» экологического вреда, без специального регулирования такой вред выпадает из сферы гражданско-правовой ответственности.

В-четвертых, в XXI в. остро проявила себя проблема накопленного экологического вреда. Речь идет об ущербе, причиненном окружающей среде в прошлом (в том числе десятилетия назад), ответственность за который невозможно напрямую возложить на виновника – например, в случае заброшенных промышленных объектов, исторического загрязнения почв и вод, оставшихся от уже не существующих предприятий. Многие страны мира сталкиваются с необходимостью ликвидации таких «исторических экологических последствий» за счет государства, поскольку прямой причинитель юридически прекратил свое существование. В России законодатель ввел понятие «накопленный вред окружающей среде», однако механизм его устранения до конца не выстроен [4]. Законодатель (ст. 80.1-80.3 Федерального закона «Об охране окружающей среды») создал механизм инвентаризации, учета и ликвидации накопленного вреда окружающей среде, однако основную работу должны проводить органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления, которые испытывают большие финансовые проблемы, при том что охрана окружающей среды не входит в число их основных приоритетов.

В-пятых, важнейшей новеллой последних лет стало признание того, что наиболее эффективным будет не возмещение уже причиненного вреда, а принятие предупредительных мер и разработка финансовых гарантий. В

² Об охране окружающей среды. Федеральный закон № 7-ФЗ от 10.01.2002. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074303&intelsearch=10.01.2002+7-%D4%C7> (дата обращения: 09.01.2026).

³ Об экологической ответственности, направленной на предотвращение экологического ущерба и устранение его последствий. Директива Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2004/35/ЕС от 21.04.2004 (дата обращения: 09.01.2026).

идеале ущерб окружающей среде должен либо не допускаться вовсе, либо немедленно устраняться силами причинителя. Для этого во многих странах вводятся требования финансового обеспечения ответственности: обязательное экологическое страхование, создание фондов возмещения вреда, банковские гарантии и др. Их цель – гарантировать, что даже при банкротстве или недостатке средств у правонарушителя деньги на восстановление природы будут найдены. В России закон о страховании экологической ответственности пока отсутствует, хотя в ряде отраслей действует обязательное страхование (например, при транспортировке нефти или в области использования атомной энергии). Повсеместное внедрение экологического страхования для хозяйствующих субъектов позволит переложить риски ущерба с государства на страховщиков и загрязнителей, обеспечив выплату компенсаций даже в случае, если сам нарушитель не в состоянии заплатить.

Таким образом, в XXI в. институт возмещения экологического вреда развивается в направлении комплексности, приоритетного восстановления окружающей среды, расширения оснований ответственности (за правомерный и накопленный вред), появления превентивных механизмов (страхование). Эти тенденции отражают стремление адаптировать право к новым экологическим реалиям.

Практика возмещения экологического вреда в РФ демонстрирует одновременно и позитивные примеры, и ряд проблем. Если говорить о положительных тенденциях, то за последние годы значительно возросли суммы взыскиваемого ущерба, и даже появились прецеденты привлечения к ответственности крупных компаний:

1. Самый известный случай – разлив дизельного топлива в Норильске в 2020 г. Тогда из аварийного резервуара ТЭЦ-3 компании «Норникель» вылилось свыше 20 тыс. тонн топлива, загрязнив реки и почву на огромной площади в заполярной тундре⁴. Росприроднадзор предъявил иск, рассчитав ущерб в размере 148 млрд руб. Компания пыталась оспорить размер выплат, но в конечном итоге Арбитражный суд Красноярского края удовлетворил иск на 146 млрд руб., что стало рекордной суммой в истории России. В феврале 2021 г. «Норникель» выплатил эту сумму в федеральный бюджет. Данный случай показал, что государство способно добиться компенсации даже от очень крупного загрязнителя, если есть политическая воля и собрана доказательственная база. Более того, суд апелляционной инстанции подтвердил взыскание, указав, что методика расчета ущерба (утвержденная приказом Минприроды России) применена верно, а компания обязана оплатить полный объем восстановительных мероприятий.

2. В конце 2013 г. Арбитражный суд Республики Коми принял решение по иску Росприроднадзора к нефтяной компании «Лукойл-Коми». Компания должна была выплатить более полумиллиарда рублей за загрязнение нефтью земельных ресурсов, которое было выявлено еще в 2011 г. «Лукойл-Коми» пытался доказать, что ущерб возмещен рекультивацией земель, но суды обеих инстанций признали правоту природоохранной прокуратуры Республики Коми⁵.

3. В 2020 г. на нефтепроводе «Лукойла» на Харьгинском месторождении произошел разлив нефти. Правительство России поручило Росприроднадзору провести проверку в связи с этой аварией. Экспертиза показала, что в почве содержится повышенная концентрация нефтепродуктов. Размер причиненного экологического ущерба составил 7,4 млн руб. 18 января 2024 г. компания «Лукойл-Пермь» (как правопреемник «Лукойл-Коми») возместила ущерб⁶.

Нефтегазовый сектор – один из основных по числу экологических исков, что неудивительно, учитывая риск этого вида деятельности. Что касается ущерба за лесные пожары и вырубki, то иски часто предъявляются лесхозами к виновникам пожаров (если они установлены) или незаконным лесорубам. Суммы бывают значительны (сотни миллионов рублей), но проблема в реальном взыскании: ответчики либо скрываются, либо банкроты. Ущерб от катастрофических пожаров последних лет в Сибири исчисляется миллиардами рублей, но взыскать их не с кого, так как пожары стихийные.

Проблемы в сфере российской судебной практики по возмещению экологического вреда включают:

– неосведомленность и пассивность населения. Граждане редко пользуются своим правом требовать компенсации за вред, причиненный их здоровью экологическими нарушениями. Тут есть как общие причины такого положения дел, относящиеся к сфере экологической политики, культуры, правосознания, так и объективно существующая сложность по доказыванию экологического происхождения вреда и причинной связи, установления конкретного виновного лица [5];

⁴ Крупнейшая катастрофа в Арктике: что известно о разливе топлива под Норильском. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo-photogallery/402193-krupneyshaya-katastrofa-v-arktike-cto-izvestno-o-razlive-topлива> (дата обращения: 09.01.2026).

⁵ Арбитражный суд Коми взыскал с «ЛУКОЙЛ-Коми» 614 миллионов рублей за ущерб земельным ресурсам. URL: <https://www.bnkomi.ru/data/news/22750/> (дата обращения: 09.01.2026).

⁶ ЛУКОЙЛ выплатил 21 млн руб. компенсации за разлив нефти на двух северных месторождениях. URL: <https://dzen.ru/a/ZbJcNs7TaHroOW8H> (дата обращения: 09.01.2026).

- сложность исполнения решений. Даже если суд присудил определенную денежную сумму, взыскание может быть невозможным, если виновник – банкрот или ликвидирован;
- часто наблюдаются попытки занижения размера вреда и ухода от ответственности. Очень часто правонарушитель платит штраф, размер которого не соответствует масштабам последствий;
- отсутствие дифференциации правомерного / неправомерного вреда. Дело в том, что экологическое законодательство не проводит четкого разграничения: вред возмещается и при нарушении норм, и при их соблюдении, если он все же был причинен. На практике же предъявляются иски в основном при наличии нарушения законодательства (превышение предельно допустимых концентраций, отсутствие разрешений, аварии). Если же предприятие действовало с соблюдением экологических требований, но все же причинило вред (например, построило на особо охраняемой природной территории гидротехнический объект с положительным заключением государственной экологической экспертизы, который все же причинил вред экосистеме водного объекта), такой хозяйствующий субъект редко привлекается к ответственности.

Таким образом, российская система возмещения экологического вреда имеет нормативно-правовую базу и определенный опыт применения. Она позволяет государству взыскивать с загрязнителей значительные суммы, однако сохраняются и правовые пробелы, связанные с отсутствием в ГК РФ главы об особенностях возмещения экологического вреда, практические трудности с расчетом ущерба и т. д. К этому следует добавить появление новых экологических рисков и угроз, к которым законодатель и правоприменители в России не готовы в принципе, что можно продемонстрировать на двух ярких примерах: климатического вреда и вреда от нанотехнологий.

Глобальное изменение климата – одна из главных угроз окружающей среде и человечеству в XXI в. Рост среднегодовых температур, вызванный накоплением парниковых газов, приводит к увеличению числа экстремальных погодных явлений, стихийных бедствий и долгосрочных неблагоприятных изменений экосистем. Россия, как и остальные страны, часто сталкивается с разрушительными стихийными бедствиями (паводками, засухами, лесными пожарами, таянием вечной мерзлоты и т. д.), которые ученые напрямую связывают с изменением климата⁷. Эти события наносят колоссальный ущерб: разрушаются экологические системы, гибнет флора и фауна, страдает здоровье людей и их имущество.

Отсюда возникает вопрос – можно ли говорить о климатическом вреде в правовом смысле, и кто должен нести за это ответственность? На этот вопрос пока нет однозначного ответа. Климатический вред имеет большую специфику: он носит разделенный и отсроченный характер. Конкретное стихийное бедствие нельзя напрямую «привязать» к отдельному загрязнителю – оно является результатом совокупных исторических выбросов парниковых газов всеми странами мира за столетия. Тем не менее все чаще звучат требования о том, чтобы страны и корпорации, внесшие наибольший вклад в глобальное потепление, компенсировали ущерб тем, кто страдает от его последствий. Наиболее уязвимы бедные государства, так как они осуществляют минимальные выбросы, но испытывают максимальные последствия – например, малые островные государства.

На международном уровне концепция климатических «потерь и ущерба» стала предметом переговоров в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата⁸. Историческим решением стало создание на конференции COP27 (Египет, 2022) специального Фонда для возмещения потерь и ущерба странам, уязвимым к последствиям изменения климата, который полноценно начал свою работу в 2025 г. по итогам климатической конференции COP29 в Баку. Фактически впервые было признано, что страны, наиболее ответственные за эмиссию парниковых газов, должны финансово помочь пострадавшим государствам справляться с последствиями климатических изменений. Хотя конкретные механизмы наполнения и распределения этого фонда еще разрабатываются, сам факт его создания говорит о признании климатического вреда как отдельной категории, требующей компенсации. Фонд призван финансировать восстановление после таких событий, как катастрофические наводнения, засухи, уничтожение урожая, вызванные изменением климата. Таким образом, происходит становление международного механизма климатической ответственности, где основой выступает принцип дифференцированной ответственности: развитые страны (исторические загрязнители) помогают развивающимся компенсировать ущерб.

Помимо межгосударственного уровня, важные сдвиги происходят и во внутренних правовых системах ряда стран. Возникает феномен климатической судебной практики: граждане, НКО и даже местные органы власти обращаются в суды, требуя привлечь правительства или корпорации к ответственности за климатический вред. В США первые такие дела появились еще в 2000-е годы [6], когда были поданы иски против крупных корпораций, ответственных за значительные объемы выбросов парниковых газов, или против правительств за неспособ-

⁷ *Лето сошло с ума. С какими природными аномалиями столкнулись жители России?* URL: <https://rossaprimavera.ru/article/81f35baf> (дата обращения: 09.01.2026).

⁸ *Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата*. Принята 09.05.1992. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/climate_framework_conv.shtml (дата обращения: 09.01.2026).

ность регулирования или прямое поощрение опасного использования ископаемого топлива. По подсчетам некоторых исследователей, число климатических исков к 2019 г. в мире уже превысило 1300 [7]. В Европе наиболее известным стало дело *Urgenda Foundation v. State of the Netherlands*, в котором группа граждан и фонд *Urgenda* через суд обязали правительство Нидерландов усилить политику снижения выбросов углекислого газа. В 2019 г. Верховный суд Нидерландов подтвердил решение, обязав правительство обеспечить сокращение выбросов CO₂ минимум на 25 % к 2020 г. (от уровня 1990 г.) для защиты прав граждан на жизнь и здоровье. Это решение опиралось на обязательства государства по Парижскому соглашению и Европейской конвенции по правам человека. Фактически суд признал, что непринятие достаточных мер по сокращению выбросов представляет угрозу основным экологическим правам.

Следует заметить, что климатические иски могут преследовать разные цели [8]. Одни, как *Urgenda*, носят превентивный характер, чтобы обязать субъекта (государство или компанию) снизить будущие выбросы, тем самым предотвратив грядущий вред. Другие – компенсационные, направленные на возмещение произошедшего ущерба (например, затрат на берегоукрепление, утраченного урожая, ущерба имуществу от урагана и т. д.). Первые успехи достигнуты именно в превентивных исках: суды мотивируют принятие мер по предотвращению изменения климата ссылками на права человека и обязанность охраны окружающей среды. С компенсацией ситуация намного сложнее: проблема доказывания причинно-следственных связей и фактор множества лиц, чья деятельность (хотя и в разной степени) привела к появлению климатической проблемы (государства, юридические лица), затрудняет определение ответчика и размера ответственности. Тем не менее дела о возмещении климатического вреда все чаще начинают рассматриваться европейскими судами. В 2025 г. в Германии суд рассмотрел дело по иску фермера о возмещении ущерба, связанного с изменением климата, против немецкой энергетической компании *RWE*. Суд подтвердил, что крупные корпорации, выбрасывающие углерод, могут быть привлечены к ответственности за их вклад в растущие риски и ущерб, связанные с изменением климата. И хотя иск в конечном итоге был отклонен по причине недостаточности доказательств, подтверждение судом потенциальной ответственности крупных загрязнителей может способствовать активизации судебных разбирательств по вопросам климатического вреда [9].

Что касается России, то здесь пока нет специального механизма возмещения климатического вреда. Этот вопрос обсуждается, главным образом, в контексте выполнения международных обязательств по сокращению выбросов и адаптации к изменениям климата. Россия присоединилась к Парижскому соглашению 2015 г. и приняла на себя обязанность по снижению выбросов, однако внутренние нормативные акты ориентированы скорее на учет и отчетность, чем на ответственность. Специальных «климатических» норм об обязательном возмещении ущерба от климатических изменений не принято. Тем не менее все чаще фиксируются факты таяния вечной мерзлоты, которые могут повлечь техногенные катастрофы, не прекращаются лесные пожары и наводнения. Государство несет огромные расходы на ликвидацию этих последствий, выплачивает компенсации гражданам, строит защитные сооружения. Пока эти расходы покрываются из бюджета, но рано или поздно будет поставлен вопрос о привлечении к их несению бизнеса, например, через введение целевых климатических сборов или экологическое страхование.

Правовой механизм возмещения климатического вреда в России только начинает складываться. До сих пор ни в ГК РФ, ни в экологическом законодательстве не отражен механизм и специфика возмещения климатического вреда, хотя мировой опыт говорит о том, что такие иски, как минимум возможны, а сама проблема климатического вреда требует правового решения. В будущем следует создавать специальные правовые конструкции, например, коллективные иски от пострадавших граждан к крупным промышленным загрязнителям, осуществляющим выбросы парниковых газов [10], национальные компенсационные фонды и механизмы страхования климатических рисков. Важно, чтобы государство учитывало эти тенденции и было готово принимать эффективные правовые решения, чтобы защитить граждан и природу от надвигающихся климатических потрясений.

Другой примечательный вызов XXI в. – бурное развитие нанотехнологий и появление массовой продукции наноиндустрии [11]. Наноматериалы (частицы размером от 1 до 100 нанометров) находят применение в самых разных областях – от электроники и энергетики до медицины, косметики и пищевой промышленности. Их уникальные свойства сулят большие выгоды, однако вместе с тем порождают и новые потенциальные экологические угрозы. Из-за сверхмалых размеров наночастицы способны проникать через биологические мембраны, накапливаться в организмах и средах, вызывать неизвестные ранее реакции. Научные исследования последних лет указывают на ряд рисков: некоторые наноматериалы обладают цитотоксичностью, могут наносить вред клеткам живых организмов; есть данные о негативном влиянии, например, наночастиц серебра на микроорганизмы, ответственные за биологическую очистку сточных вод. Эксперты отмечают, что при стирке тканей, содержащих наночастицы серебра, значительная их часть смывается в сточные воды, достигая очистных сооружений, что может

нарушить работу очистных фильтров. Кроме того, воздействие содержащих наночастицы стоков на почву и грунтовые воды пока еще слабо изучено⁹.

В целом ситуация с экологической безопасностью нанотехнологий характеризуется высокой степенью неопределенности, однако очевидно, что нанотехнологии несут не только пользу, но и неизвестные до конца угрозы. Понимание этого привело к тому, что Евросоюз принял решение об интеграции наноматериалов в существующие режимы регулирования химических веществ и продукции. Европарламент еще в 2009 г. принял резолюцию с призывом к Еврокомиссии, во-первых, обеспечить маркировку всех товаров, содержащих наноматериалы, и во-вторых, пересмотреть законодательство, регламентируя использование всех наноматериалов, имеющих потенциальное воздействие на здоровье или окружающую среду. В дальнейшем была принята Рекомендация Европейской Комиссии от 18 октября 2011 г. об определении наноматериала¹⁰. В указанных актах отмечалось, что ни один наноматериал не может находиться в обращении, пока его производитель не предоставит достаточных данных о его безопасности. Также было рекомендовано рассматривать все наноматериалы как новые вещества и требовать отдельной регистрации их производства, включая малотоннажное.

В дальнейшем 3 декабря 2018 г. Европейская комиссия приняла Регламент (ЕС) 2018/1881¹¹, которым внесла изменения в технические приложения I, III и VI–XII к регламенту REACH, установив требования к регистрации наноматериалов. Согласно нововведениям, компании, выпускающие на рынок вещества в наноформе, должны предоставлять в регистрационных досье информацию об их основных характеристиках и использовании, способах безопасного обращения с ними, о рисках для здоровья и окружающей среды. Кроме того, специальные требования появились в регламентах по биоцидным продуктам, косметическим средствам (обязательная экспертиза безопасности наноконпонентов), пищевой продукции (наличие наноматериалов должно указываться на этикетке). Хотя единого регламента в ЕС не создано, действует общий подход: наноматериалы подпадают под общие нормы химической безопасности, и к ним применяются усиленные критерии оценки рисков и маркировки. Фактически Евросоюз старается проактивно реализовать предосторожный подход, который означает, что пока экологические риски нанотехнологий не изучены должным образом, необходимо контролировать их обращение.

Что же касается вопросов ответственности за экологический вред от нанотехнологий, то прямых прецедентов пока нет. Можно предположить, что общий механизм возмещения экологического вреда (деликтная ответственность загрязнителя) будет применяться и к ситуациям с наноматериалами, если их выброс или утечка причинят ущерб природным объектам. Однако выявление такого ущерба – нетривиальная задача: потребуется разработка методик мониторинга наночастиц в окружающей среде, установление причинно-следственной связи между присутствием наноматериалов и деградацией экосистем. Например, если в водоеме обнаружат массовую гибель рыб из-за токсичных наночастиц, возникнет вопрос: а где источник этих наночастиц? Это может быть предприятие, сбросившее стоки с наночастицами в реку, или множественные потребители, эксплуатирующие товары (краски, покрытие, косметику), выделяющие такие частицы. Таким образом, проблема возмещения вреда является весьма сложной. Не исключено, что придется вводить специальные правила, например, об обращении с отходами, которые содержат наноматериалы, о расширенной ответственности производителей (производитель нанопродукции финансирует утилизацию и ликвидацию товаров или упаковки после утраты ими потребительских свойств), либо применять правовые презумпции (если вред типичен для определенного наноматериала, производитель несет ответственность, пока не докажет иное).

В России нормативная база в области экологической безопасности нанотехнологий пока находится в зачаточном состоянии. В начале 2010-х были приняты некоторые методические документы, например, Методика классифицирования нанотехнологий и продукции наноиндустрии по степени их потенциальной опасности, устанавливающая критерии отнесения нанопродукции к категориям риска¹². Однако специальных законов, регулирующих производство и обращение наноматериалов, не было принято. Основное внимание сейчас уделяется развитию самой отрасли (создана госкорпорация «Роснано», идут инвестиции в нанотехнологические проекты), а вопросы экологического контроля остаются на периферии. По сути, наноматериалы регулируются общими нормами: Федеральным законом «Об охране окружающей среды» (требования не превышать нормативы ПДК вред-

⁹ Нанотехнологии полезны, но очень вредны. URL: <https://www.bfm.ru/news/33707> (дата обращения: 09.01.2026).

¹⁰ Рекомендация Европейской Комиссии 2011/696/EC от 18.10.2011 об определении наноматериала. URL: <https://base.garant.ru/401586156/> (дата обращения: 09.01.2026).

¹¹ Commission Regulation (EU) 2018/1881 of 3 December 2018 amending Regulation (EC) No 1907/2006 of the European Parliament and of the Council on the Registration, Evaluation, Authorisation and Restriction of Chemicals (REACH) as regards Annexes I, III, VI, VII, VIII, IX, X, XI, and XII to address nanoforms of substances. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2018/1881/oj/eng> (дата обращения: 09.01.2026).

¹² Методика классифицирования нанотехнологий и продукции наноиндустрии по степени их потенциальной опасности. Методические рекомендации. Москва: Федеральный центр гигиены и эпидемиологии Роспотребнадзора; 2011. 31 с.

ных веществ – хотя для наночастиц такие нормативы не разработаны), Федеральным законом «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»¹³ (если продукция представляет опасность для здоровья, то Роспотребнадзор может ограничить ее продажу).

Хотя проактивного регулирования, аналогичного европейскому (маркировка, регистрация наноматериалов), в России в данный момент нет, тем не менее уже есть общее понимание риска: идет экспертное обсуждение необходимости включения нанотехнологий в число потенциальных угроз национальной безопасности. В связи с этим представляет интерес зарубежный опыт, по крайней мере, в плане технического нормирования и оценки рисков нанопродукции. Возможным правовым ответом на угрозы нанотехнологий может стать развитие превентивного регулирования: установление в будущем обязательности экологических экспертиз для нанотехнологичных проектов, нормирование выбросов и утилизации наноматериалов, государственная регистрация нанопродуктов с оценкой их безопасности. Также логично расширить институт обязательного страхования экологической ответственности на предприятия нанопромышленности – в этом случае при возникновении экологического ущерба будут денежные средства для его возмещения.

Таким образом, нанотехнологии представляют собой новую потенциальную угрозу для окружающей среды, и, хотя они могут служить благим целям (например, нанокатализаторы для очистки воды, наноматериалы для более эффективной энергетики), нельзя игнорировать и риски. Правовые системы России и других стран находятся в процессе адаптации: вводятся требования прозрачности и оценки рисков, рассматривается вопрос об обновлении стандартов ответственности. Россия может учесть опыт ЕС, где уже более 15 лет на повестке дня стоит вопрос о регулировании наноматериалов на принципах предосторожности. В перспективе есть необходимость внесения изменений в российское экологическое законодательство, чтобы создать механизм контроля за наносодержащей продукцией и предусмотреть ответственность производителей за негативное воздействие их нанотехнологий на природу.

Однако необходимость совершенствования экологического и гражданского законодательства нашей страны этим не ограничивается. На наш взгляд, необходимо начать обсуждение следующих предложений, направленных на повышение эффективности механизма возмещения экологического вреда в РФ.

Во-первых, необходимо прямо закрепить в ГК РФ обязанность возмещения вреда, причиненного окружающей среде, как самостоятельного внедоговорного обязательства. Например, дополнить абз. 1 п. 1 ст. 1064 ГК РФ словами о возмещении вреда, причиненного не только личности или имуществу, но и окружающей среде. Это подчеркнет, что деликтная ответственность охраняет и публичный интерес в сфере экологической безопасности, а не только частные интересы. Кроме того, целесообразно добавить в ГК РФ новую статью (например, ст. 1064.1) «Возмещение вреда окружающей среде», где четко указать, что причинитель обязан возместить вред вне зависимости от того, было ли его действие правомерным или неправомерным (если иное не установлено законом), поскольку цель возмещения – восстановление окружающей среды. Отдельно следует указать, что денежная компенсация взыскивается, если восстановление компонентов природной среды невозможно либо не произведено добровольно. Такая норма фактически закрепила бы специальный экологический деликт публично-правового характера, прекратила бы дискуссию о природе этих требований и дала бы судам четкое основание для удовлетворения исков природоохранных органов.

Во-вторых, представляется целесообразным принятие специального федерального закона «О возмещении экологического вреда» в целях преодоления межотраслевой коллизии экологического и гражданского законодательства. Такой закон позволит решить ряд накопившихся проблем, если он будет согласован с положениями общей теории эффективности экологического законодательства [12]. В таком законе можно объединить нормы, разбросанные по экологическому и гражданскому законодательству, а также учесть новые реалии, связанные с изменениями климата и нанотехнологиями. В частности, такой закон мог бы:

- расширить существующее определение экологического вреда (ст. 1 Федерального закона «Об охране окружающей среды») как вреда не только окружающей среде, но и жизни, здоровью и имуществу граждан;
- перечислить принципы возмещения (полное возмещение, компенсация морального вреда, приоритет восстановления в натуре, сочетание мер частного и публично-правового характера и т. д.);
- провести разграничение ответственности причинителей и государства;
- состыковать нормы деликтного права и институт обязательного экологического страхования (указать категории хозяйствующих субъектов, обязанных страховать риск ответственности за причинение экологического вреда по критериям рода деятельности, объема выбросов, класса опасности производства);

¹³ О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения. Федеральный закон № 52-ФЗ от 30.03.1999. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102058898&intelsearch=52-%F4%E7> (дата обращения: 09.01.2026).

- уточнить порядок расчета и доказывания экологического вреда (сейчас в Федеральном законе «Об охране окружающей среды» есть только фрагментарное упоминание такс и методик возмещения экологического вреда, в связи с чем данный вопрос полностью отдан на усмотрение подзаконных актов);
- определить особенности возмещения отдельных видов вреда (например, животному миру) [13];
- регламентировать приоритет натурального возмещения вреда [14];
- четче конкретизировать возмещение накопленного экологического вреда;
- уточнить специфику категории «источник повышенной опасности» применительно к экологическим деликтам;
- определить особенности применения мер по предотвращению вреда (ст. 1065 ГК РФ) применительно к сфере охраны окружающей среды;
- рассмотреть особенности компенсации морального вреда в данной сфере [15];
- уточнить отдельные процессуальные аспекты и др.

Отдельным блоком в таком законе могли бы стать особенности возмещения отдельных видов экологического вреда, в том числе в связи с изменением климата и использованием нанотехнологий и нанопродукции.

В-третьих, в части нанотехнологий можно предложить ряд дополнительных законодательных мер:

- создание реестра наноматериалов, с установлением обязанностей производителей регистрировать новые наноматериалы и оценивать их риски, что потребует внесения изменений в федеральные законы «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»¹⁴ и «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»;
- расширение сферы экологической экспертизы для нанотехнологий и наноматериалов (изменения в Федеральный закон «Об экологической экспертизе»¹⁵, согласно которым проекты, предполагающие массовый выброс наночастиц, подлежат государственной экологической экспертизе для учета их экологических последствий) и ряд других мер.

В-четвертых, Министерству природных ресурсов и экологии РФ следует ускорить пересмотр существующих такс и методик с учетом новых знаний о негативном воздействии и экологических угрозах. В этом случае суммы взысканий станут более соразмерными реальному вреду. Следует также унифицировать подходы разных органов исполнительной власти, сложившиеся для расчета размера вреда различным компонентам природной среды.

В-пятых, весьма важно, чтобы судьи имели узкую специализацию и лучше понимали специфику дел о возмещении экологического вреда [16]. Можно предложить создать специализированные судебные составы по экологическим спорам или специализированные экологические суды (как, например, это было сделано в Китае и ряде других стран). Пока объем таких дел в России не очень велик, но он со временем неизбежно вырастет.

В-шестых, причинение экологического вреда часто носит трансграничный характер (загрязнение рек, Мирового океана, воздуха, изменение климата, радиационные аварии и катастрофы). России стоит активнее участвовать в международных инициативах, в т. ч. высказать свои предложения о механизмах трансграничной ответственности [17]. Это позволит в будущем более эффективно возмещать вред, причиненный российскими предприятиями окружающей среде соседней страны (например, Китая), или, наоборот, получать компенсацию от соседей.

Обсуждение и заключение. Возмещение вреда, причиненного экологическим правонарушением, в XXI в. превратилось в сложную многогранную проблему, затрагивающую как традиционные вопросы деликтного права, так и вызовы глобального характера. Проведенный анализ показал, что за последние десятилетия понимание экологического вреда существенно расширилось: от локальных инцидентов международное сообщество, включая Россию, перешло к осознанию планетарных угроз (изменение климата), причем классические механизмы ответственности вынуждены адаптироваться к новым реалиям научно-технологического прогресса (риски нанотехнологий).

Ведущие правовые системы мира, включая Европейский Союз, выработали ряд ценных подходов к экологическим деликтам, которые представляют интерес и для России: они развивают принцип «загрязнитель платит» путем принятия специальных директив и законов, вводят обязательное восстановление окружающей среды за счет причинителя, предусматривают финансовые гарантии на случай его несостоятельности, развивают судебную практику, признающую защиту экологических прав и интересов в новых контекстах (климатический вред, защита прав будущих поколений). Вместе с тем европейский опыт учит и тому, что реализация этих принципов встречает препятствия – пробелы в праве, сложность доказывания, противодействие заинтересованных групп. ЕС продолжает совершенствовать свое законодательство, и этот процесс дает хорошую базу знаний для России, где похожие проблемы только начинают обсуждаться.

Российское гражданское и экологическое законодательство, регламентирующее возмещение экологического вреда, несомненно, нуждается в реформировании. В числе существующих проблем:

¹⁴ О промышленной безопасности опасных производственных объектов. Федеральный закон № 116-ФЗ от 21.07.1997. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102048376&intelsearch=116-%D4%C7> (дата обращения: 09.01.2026).

¹⁵ Об экологической экспертизе. Федеральный закон № 174-ФЗ от 23.11.1995. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102038321> (дата обращения: 09.01.2026).

- отсутствие прямой нормы об экологическом деликте в ГК РФ,
- неурегулированность компенсации экологического вреда от правомерной деятельности,
- слабость механизмов возмещения вреда в случае банкротства его причинителя,
- недостатки методик оценки ущерба,
- отсутствие обязательного экологического страхования,
- нерешенность вопроса о ликвидации накопленного экологического вреда.

Российская правоприменительная практика уже сигнализирует о необходимости перемен: рост числа исков и взысканий последних лет доказывают, что экологический вред – это не абстракция, а вполне конкретные миллиарды рублей, которые либо заплатит нарушитель, либо придется платить из бюджета (т. е. платит все общество). Мы предлагаем ряд конкретных мер по совершенствованию российского законодательства: от точечных поправок (включить окружающую среду в объект защиты ГК РФ, закрепить обязательность страхования, уточнить субсидиарную ответственность государства) до системных решений (принять специальный федеральный закон о возмещении экологического вреда, создать специализированные экологические суды). Реализация приведенных выше предложений позволит России перейти к новой модели возмещения экологического вреда, отвечающей требованиям времени: модель, где экологические права и интересы надлежащим образом защищены, ущерб природной среде возмещается полно и своевременно, а профилактика вреда становится приоритетом для всех хозяйствующих субъектов.

В условиях нарастающих экологических вызовов – будь то изменяющийся климат, технологические риски или изношенная инфраструктура – укрепление правового механизма возмещения вреда окружающей среде приобретает не только природоохранное, но и экономическое, а также социальное значение. Это инструмент справедливости (заставить виновного платить), инструмент устойчивого развития (создать стимулы для экологизации производства) и инструмент обеспечения конституционного права граждан на благоприятную окружающую среду. Совершенствуя законодательство в данной сфере, Россия сможет лучше защитить свое уникальное природное наследие и здоровье своих граждан, а также внести свой вклад в глобальные усилия по обеспечению экологической безопасности для нынешнего и будущих поколений.

Список литературы / References

1. Краснова С.А. Возмещение экологического вреда: взгляд сквозь призму деликтного права. *Хозяйство и право*. 2023;(5(556)):97–109. <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2023-5-97-109>
Krasnova SA. Compensation of Environmental Damage: A View from the Standpoint of the Law of Torts. *Economy and Law*. 2023;(5(556)):97–109. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/0134-2398-2023-5-97-109>
2. Чечурин А.М. Ответственность за совершение экологических деликтов в контексте возмещения вреда в полном объеме: опыт России в ключевых позициях судебной практики. *Сфера права*. 2022;(4):106–116.
Chechurin AM. Liability for Environmental Torts in the Context of Full Compensation for Damage: Russia's Experience in Key Judicial Practice. *Sfera prava (The Sphere of Law)*. 2022;(4):106–116. (In Russ.)
3. Огородникова А.Е. К вопросу о проблемах возмещения экологического вреда. *Вопросы российской юстиции*. 2022;(19):403–412.
Ogorodnikova AE. On the Issue of the Problems of Compensation for Environmental Damage. *Voprosy rossiiskoi yustitsii (Issues of Russian Judiciary)*. 2022;(19):403–412. (In Russ.)
4. Рыженков А.Я. О необходимости ликвидации объектов накопленного экологического вреда для перехода России к «зеленой» экономике. *Актуальные проблемы российского права*. 2022;17(3(136)):160–169. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.136.3.160-169>
Ryzhenkov AY. On the Need to Eliminate Objects of Accumulated Environmental Damage for Russia's Transition to a "Green" Economy. *Actual Problems of Russian Law*. 2022;17(3(136)):160–169. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.136.3.160-169>
5. Васильева М.И. Правовые проблемы возмещения вреда здоровью граждан, причиненного экологическими правонарушениями. *Судья*. 2017;(9(81)):15–21.
Vasilyeva MI. Legal Problems of Compensation for Damage to Citizens' Health Caused by Environmental Offenses. *Sudya (Judge)*. 2017;(9(81)):15–21. (In Russ.)
6. Boutrous TJ, Lanza Jr, Lanza D. Global Warming Tort Litigation: The Real "Public Nuisance". *Ecology Law Quarterly*. 2008;35:80–89.
7. Гершинкова Д.А. Климатические судебные иски: зарубежный опыт и перспективы в России. *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2021;17(3):116–131. <https://doi.org/10.12737/jflcl.2021.033>
Gershinkova DA. Climate Litigation: Foreign Experience and Prospects in Russia. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. 2021;17(3):116–131. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/jflcl.2021.033>

8. Рыженков А.Я. Экологические деликты: правовые основы регулирования. В: Агибалова Е.Н., Иловайский И.Б. (общ. ред.) *Тенденции развития законодательства о деликтных обязательствах (Медведевские чтения 2022): сборник материалов международной научно-практической конференции памяти М.Ф. Медведева*. (Волгоград, 20 мая 2022 г.). Волгоград: Издательство Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС; 2022:128–137.

Ryzenkov AY. Environmental Torts: Legal Fundamentals of Regulation. In: Agibalova EN, Ilovaisky IB (Eds.). *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference in Memory of M.F. Medvedev “Trends in the Development of Tort Law (Medvedev’s Readings 2022). Volgograd, May 20, 2022*. Volgograd: Volgograd Institute of Management, a Branch of the RANEP A Publ., 2022:128–137 (In Russ.)

9. Drugmand D. *German Court Ends Landmark Climate Case Brought by Peruvian Farmer, but Affirms Liability Potential for Major CO2 Emitters*. URL: <https://www.climateinthecourts.com/german-court-ends-landmark-climate-case-brought-by-peruvian-farmer-but-affirms-liability-potential-for-major-co2-emitters/#:~:text=Legal%20experts%20say%20this%20determination,court%20sets%20a%20groundbreaking%20precedent> (accessed: 05.12.2025).

10. Кодолова А. Массовые экологические деликты в российском и зарубежном праве. *Хозяйство и право*. 2009;(6(389)):52–58.

Kodolova A. Mass Environmental Torts in Russian and Foreign Law. *Economy and Law*. 2009;(6(389)):52–58. (In Russ.)

11. Dennis LV. Nanotechnology: Unique Science Requires Unique Solutions. *Temple Journal of Science, Technology and Environmental Law*. 2006;XXV:87–119.

12. Жаворонкова Н.Г., Выпханова Г.В. Теоретико-правовые проблемы возмещения вреда, причиненного окружающей среде. *Lex Russica (Русский закон)*. 2018;(3(136)):52–67. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.136.3.052-067>

Zhavoronkova NG, Vypkhanova GV. Theoretical and Legal Problems of Compensation for Harm Caused to the Environment. *Lex Russica (Russian Law)*. 2018;(3(136)):52–67. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2018.136.3.052-067>

13. Иванова С.В. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный природным объектам: пробелы российского законодательства. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2024;2(4):31–36. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-4-31-36>

Ivanova SV. Civil Liability for the Damage Inflicted on Natural Objects: Gaps in the Russian Legislation. *Legal Order and Legal Values*. 2024;2(4):31–36. (In Russ.) <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2024-2-4-31-36>

14. Жаворонкова Н.Г., Агафонов В.Б. Возмещение экологического вреда: законодательные новеллы. *Lex Russica (Русский закон)*. 2016;(8(117)):130–140. <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.117.8.130-140>

Zhavoronkova NG, Agafonov VB. Reparation of Environmental Damage: Legislation Novelties. *Lex Russica (Russian Law)*. 2016;(8(117)):130–140. (In Russ.) <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2016.117.8.130-140>

15. Князькин А.Д. *Компенсация морального вреда, причиненного экологическим правонарушением*. Автореф. дис. канд. юрид. наук. Москва; 2013. 25 с.

Knyazkin AD. *Compensation for Moral Damage Caused by an Environmental Offense*. Extended Abstract of the Cand.Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2013. 25 p. (In Russ.)

16. Бражник И.С. Экологические суды: некоторые вопросы истории и практики. *Российский судья*. 2021;(9):60–64. <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2021-9-60-64>

Brazhnik IS. Environmental Courts: Some Issues of the History and Practice. *Russian Judge*. 2021;(9):60–64. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/1812-3791-2021-9-60-64>

17. Савельева Л.В. Определение трансграничного ущерба в международном праве. *Московский журнал международного права*. 2009;(2(74)):90–100.

Savelieva LV. Definition of Transboundary Damage in International Law. *Moscow Journal of International Law*. 2009;(2(74)):90–100. (In Russ.)

Об авторах:

Алексей Павлович Анисимов, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), [ScopusID](#), anisimovap@mail.ru

Юлия Игоревна Исакова, доктор социологических наук, кандидат юридических наук, доцент, декан факультета «Юридический» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), isakova.pravo@bk.ru

Заявленный вклад авторов:

А.П. Анисимов: формирование методологии исследования, подготовка текста, формулирование выводов.

Ю.И. Исакова: формирование основной концепции, анализ результатов исследования, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Aleksey P. Anisimov, Dr.Sci. (Law), Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Square, Rostov-on-Don, Russian Federation, 344003), [SPIN-code](#), [ORCID](#), [Scopus ID](#), anisimovap@mail.ru

Yulia I. Isakova, Dr.Sci. (Sociology), Cand.Sci. (Law), Associate Professor, Dean of the Law Faculty, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), isakova.pravo@bk.ru

Claimed Contributorship:

AP Anisimov: developing research methodology, preparing the text, formulating conclusions.

YI Isakova: formulating the main concept, analysis of the research results, correcting conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 21.01.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 09.02.2026

Принята к публикации / Accepted 13.02.2026

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

Оригинальное теоретическое исследование

УДК 347.763

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-33-42>

Мультимодальная перевозка в системе транспортных правоотношений в Российской Федерации

EDN: MBPOLI

А.А. Максуров

Ярославский государственный университет, г. Ярославль, Российская Федерация

 maxurov78@yandex.ru

Аннотация

Введение. Процесс правового регулирования вопросов мультимодальных перевозок в России находится в активной динамике. С сентября 2025 г. вступил в силу Федеральный закон «О прямых смешанных перевозках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 № 288-ФЗ, положения которого значительно изменились сравнительно с первоначальным проектом и требуют научного осмысления и анализа. В статье рассмотрены особенности современного подхода к правовому регулированию мультимодальной перевозки как особого логистического типа. Целью исследования является научное осмысление теоретических и практических аспектов правового регулирования мультимодальных перевозок как особого логистического типа.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания, среди которых основным выступил метод анализа юридической практики.

Результаты исследования. В ходе исследования правовой сущности перевозок несколькими видами транспорта (не менее чем двумя перевозчиками) установлена терминологическая неопределенность, вызванная отсутствием единства мнений о технологии самого процесса. Обоснована специфика данного вида организации перевозочного процесса как особого логистического типа, требующего правового регулирования. Доказано, что для мультимодальной перевозки свойственна совокупность трех факторов: физического, телеологического и правового, – которая и обуславливает обособление мультимодальных перевозок от иных способов и видов организации перевозочного процесса.

Обсуждение и заключение. Мультимодальность представляет собой экономическое, а не правовое свойство данного вида перевозок. Мультимодальная перевозка имеет как положительные, так и отрицательные экономические характеристики. С помощью правовых средств ее положительные свойства могут быть подтверждены и гарантированы, а отрицательные – сведены к минимуму в той мере, в которой это позволяет сама сущность правовых средств. В связи с этим автором сделаны выводы о необходимости правового обеспечения наиболее оптимального использования материальных, организационно-транспортных и временных ресурсов при мультимодальной перевозке. В нормы права должны быть включены цели, свойства и ограничения данного типа транспортно-логистического процесса, что следует учитывать в рамках правотворческой практики.

Ключевые слова: смешанная перевозка, мультимодальная перевозка, концепт, комплексная перевозка, комбинированная перевозка, технологические стандарты, логистический тип, виды перевозочного процесса, цели перевозки, грузоотправитель, перевозчик, Российская Федерация

Благодарности. Автор выражает благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Максуров А.А. Мультимодальная перевозка в системе транспортных правоотношений в Российской Федерации. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2026;4(1):33–42. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-33-42>

Multimodal Transportation in the Legal Framework of Transport Relations

Alexey A. Maksurov

Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

 maxurov78@yandex.ru

Abstract

Introduction. Legal regulation of the multimodal transportation in Russia is actively evolving. The Federal Law No. 288-FZ of August 8, 2024 “On Direct Multimodal Transportation and Amendments to Certain Legal Acts of the Russian Federation” has entered into force in September 2025, however, its provisions have been significantly revised compared to the original draft, thus, require scholarly understanding and analysis. The present paper studies the features of the modern approach to legal regulation of multimodal transportation as a special type of logistics. The aim of the study is to provide a scholarly understanding of the theoretical and practical aspects of legal regulation of the multimodal transportation as a special type of logistics.

Materials and Methods. The methodology of the study was based on a number of general scientific and specific scientific methods of cognition, whereas the juridical practice analysis method was a predominant one.

Results. The study of the legal substance of the transportation involving multiple modes of transport (by at least two carriers) revealed the terminological ambiguity resulting from the lack of consensus on the technology of the process itself. The features of organising such a transportation as a special type of logistics requiring legal regulation were substantiated. A combination of three integral factors of the multimodal transportation, i.e. physical, teleological, and legal, was ascertained to be a feature distinguishing it from other modes and types of transportation.

Discussion and Conclusion. Multimodality refers to the economic rather than legal features of this type of transportation. Multimodal transportation has both positive and negative economic features. By using the legal means, it is possible to validate and ensure positive features of multimodal transportation, and minimize the negative ones to the extent envisaged by the substance of the legal means proper. Therefore, the conclusion is made by the author about the need to ensure optimal use of material, organisational, transport, and time resources within the multimodal transportation. The legal norms should incorporate the objectives, features, and constraints of this type of transport logistics process, which should be taken into account in law-making practices.

Keywords: intermodal transportation, multimodal transportation, concept, complex transportation, combined transportation, technological standards, type of logistics, types of transportation process, transportation objectives, consignor, carrier, the Russian Federation

Acknowledgments. The author is grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for improvement thereof that contributed to the enhancement of the article quality.

For Citation. Maksurov AA. Multimodal Transportation in the Legal Framework of Transport Relations. *Legal Order and Legal Values*. 2026;4(1):33–42. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-33-42>

Введение. Транспортное сообщение связывает регионы России в единое экономическое пространство, обеспечивает интеграцию с мировым сообществом и глобальной экономической системой. При этом исторически Россия имеет выгодное положение с точки зрения экономической географии, что уже само по себе потенциально способствует осуществлению мультимодальных перевозок, а физическая география страны зачастую требует комбинированного использования различных видов транспорта даже при внутринациональных перевозках, не говоря о трансграничном сообщении.

Процесс правового регулирования мультимодальных перевозок в России находится в данный период в активной динамике. С 1 сентября 2025 г. вступил в силу Федеральный закон «О прямых смешанных перевозках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 № 288-ФЗ (далее – Закон о прямых смешанных перевозках)¹, положения которого значительно изменились сравнительно с первоначальным проектом и требуют научного осмысления и анализа. Активно развиваются также нормы международного и регионального права (в частности, европейского), права конкретных транспортных коридоров, зарубежное законодательство о мультимодальных перевозках [1].

¹ О прямых смешанных перевозках и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации. Федеральный закон № 288-ФЗ от 08.08.2024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202408080097> (дата обращения: 19.12.2025).

Вместе с тем, до настоящего времени ни в доктрине, ни в нормах международного права нет устоявшегося понимания мультимодальной перевозки как особого способа организации перевозочного процесса. Нет и единства мнений по поводу существенных признаков международной мультимодальной перевозки. В международном праве действуют весьма различающиеся между собой концепции мультимодальных перевозок, которые, каждая по-своему, решают вопросы ответственности участников перевозочного процесса. Имеет место неопределенность в установлении права, подлежащего применению к отношениям в сфере международной мультимодальной перевозки как перевозки, осложненной иностранным элементом. Все это обуславливает необходимость установления особенностей правовой природы мультимодальной перевозки и экономико-правовых причин, ее породивших.

Целью исследования является научное осмысление теоретических и практических аспектов правового регулирования мультимодальных перевозок как особого логистического типа. Анализ правового механизма мультимодальных перевозок предполагает, прежде всего, осознание правовой сущности данного экономико-правового концепта как особого логистического механизма, а также складывающихся в связи с мультимодальной перевозкой общественных отношений, подлежащих правовому регулированию.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания объективной правовой действительности, среди которых методы и приемы формальной логики (дедукции, индукции и классификации), системного анализа правовых явлений, метод обобщения достижений правовой доктрины, метод анализа юридической практики.

Результаты исследования. В юридической науке традиционно отмечаются значение и специфика мультимодальных перевозок в следующих аспектах:

– во-первых, мультимодальная перевозка, имея, на первый взгляд, сугубо экономическую составляющую, выполняет и значимую социальную функцию [2], реализация которой основана на фундаментальных принципах права [3]. Социальный характер проявляется и в учете психологических факторов при согласовании интересов грузоотправителей (пассажиров) и грузополучателей с интересами других лиц [4];

– во-вторых, именно благодаря механизму мультимодальной перевозки достигается координация публичных и частных интересов [5], что позволяет даже говорить об обеспечении государством устойчивого механизма координации таких интересов [6] и о требовании эффективности такой государственной деятельности [7]. Мультимодальная перевозка в юридическом аспекте сегодня рассматривается и как особый способ применения средств правового воздействия, а именно, способ регулирования общественных отношений, согласования, в частности, интересов участников перевозочного процесса, что позволяет даже относить механизм мультимодальной перевозки к элементам юридической тактики [8]. Механизм мультимодальной перевозки может пониматься и как совокупность правовых средств решения конкретных экономических задач и удовлетворения имущественных потребностей, к примеру, как ориентир в процессе разрешения споров путем медиации, где он понимается в функциональном [9] или процессуальном аспектах [10, 11];

– в-третьих, происходит расширение области применения мультимодальных перевозок, занимающих все большее место в гражданском обороте, что влечет соответствующий интерес к данному виду координации перевозочной деятельности контрольно-надзорных органов [12], учет сложившихся отношений в рамках исполнительного производства [13], при издании согласованных правовых актов, непосредственно регулирующих участие в мультимодальных перевозках субъектов перевозочного процесса (транспортных предприятий, терминалов, аэропортов и т. п.), полностью или частично находящихся в публичной собственности [14].

Мультимодальные перевозки все чаще имеют не только частно-имущественное, но экономико-общественное содержание. В этой связи отмечается даже взаимосвязь эффективного и согласованного осуществления мультимодальных перевозок и обеспечения экономической безопасности России [15]. Национальное правовое регулирование в своей основе имеет доктринальные выводы о месте исследуемого типа перевозок грузов в системе транспортных правоотношений.

Между тем, единство мнений по этому поводу в юридической науке не достигнуто. Традиционно были наиболее распространены три основные позиции.

Ученые-юристы, мнение которых можно условно объединить в первую группу, полагают, что в идеале мультимодальная перевозка должна сводиться к единому договору и единому правоотношению с множественностью лиц на стороне перевозчиков [16]. Единый договор о смешанной (комбинированной) перевозке может содержать, как элементы договора перевозки, так и компоненты и условия других договоров, включая договоры поручения, агентские договоры, договора аренды (фрахтования), хранения и т. д. [17]. К достоинствам указанной точки зрения относится ее начальная простота, соответствие традициям правового регулирования смешанных (комбинированных) перевозок, удобство для грузоотправителя с точки зрения учета его потребностей и интересов и правового регулирования организации логистики в этой области.

Между тем, при ближайшем рассмотрении такая позиция не выдерживает критики: она не поддерживается законодателем, а ее положения не в полной мере применимы к складывающимся отношениям с точки зрения экономической и транспортной целесообразности, т. е. они не универсальны. При отсутствии единого договора вряд ли можно вести речь и о едином правоотношении. Предлагаемые в отдельных работах [18] пути правового регулирования напоминают скорее модифицированную конструкцию договора транспортной экспедиции (ст. 801 ГК РФ), описанную в главе 41 ГК РФ и Федеральном законе «О транспортно-экспедиционной деятельности» от 30.06.2003 № 87-ФЗ². Самое главное, что таким путем не решаются ни вопросы взаимоотношений между перевозчиками, ни вопросы ответственности перевозчиков перед грузоотправителями.

Вторая позиция основана на том, что складывающиеся при мультиmodalной перевозке отношения различны по своему характеру, предмету и объекту, субъектному составу и другим факторам и, соответственно, можно вести речь лишь о системе договоров и соответствующей им (урегулированной нормами права о таких договорах) системе правоотношений [19]. Однако такой подход разрывает единство отношений в рамках смешанной (комбинированной) перевозки, не позволяет в полной мере удовлетворить интерес грузоотправителя, приводит к тому, что из конструкции мультиmodalной перевозки полностью исключается ее правовая сущность и она остается только особым логистическим типом перевозок, применение которого регулируется различными договорами. Очевидно, что указанное мнение уже не в полной мере соответствует и установлениям законодателя, выраженным в ст. 788 ГК РФ и Законе о прямых смешанных перевозках.

Значимым всегда является подход, предполагающий определение действий, лежащих в основе того или иного обязательства [20]. С этой точки зрения наиболее взвешенными представляются выводы третьей группы ученых, придерживающихся мнения о необходимости рассматривать мультиmodalную перевозку грузов, пусть и с учетом комплексности договоров, как отдельный (единый) правовой режим перевозки грузов, правоотношение в рамках которого будет единым, но комплексным, включающим в себя основные и вспомогательные договорные правоотношения. Например, об этом прямо пишет Н.А. Бутакова [21].

Тем не менее в определении, предложенном Бутаковой (по всей видимости, стремившейся к наибольшей полноте отражения характеристик изучаемой конструкции), принципиально верно, все же присутствуют и некоторые спорные моменты. В частности, представляется излишним указание на «обеспечение совокупностью юридических средств», так как и другие договорные отношения обеспечиваются тем же самым образом. Ссылка на международное право справедлива и применительно к другим договорным правовым режимам и не является имманентным признаком именно режима мультиmodalной перевозки. Указание, кроме норм закона и положений договора, также и на «общие законодательные принципы и нормы» не совсем конкретно. Однако в целом предложенная дефиниция верна, поскольку, во-первых, в центре правового регулирования оказывается особое лицо – мультиmodalный оператор, а во-вторых, можно сделать однозначные выводы о правовой природе взаимодействия мультиmodalного оператора и грузоотправителей.

В то же время нельзя не отметить, что рассмотрение мультиmodalной перевозки в виде правового режима пока еще не в полной мере находит свое отражение в российском законодательстве о прямых смешанных перевозках, которое в большей степени ориентировано на регламентацию отношений между перевозчиками и грузоотправителями как приоритет правового регулирования в этой сфере. Соответственно определению, представленному Бутаковой, обозначается и субъектный состав правоотношений при мультиmodalной перевозке: кроме грузоотправителей и оператора мультиmodalной перевозки, сюда относятся фактические перевозчики, субпоярщики и грузовладельцы [21].

Между тем действующий Закон о прямых смешанных перевозках использует другую терминологию: перевозчик, заключивший договор перевозки в прямом смешанном сообщении (ст. 3 Закона) выступает одновременно мультиmodalным оператором (этот термин Закон не использует), тогда как отношения между перевозчиками (взаимоотношения оператора мультиmodalной перевозки с «субпоярщиками» по перевозке, в том числе с некими, в дефиниции Бутаковой, «фактическими перевозчиками») определяются уже соглашением между ними, стороной (участником) которого грузоотправитель не является.

В первую очередь, очевидно, что грузоотправитель имеет с иными перевозчиками фактические отношения, однако он связан договором с перевозчиком, заключившим договор перевозки в прямом смешанном сообщении (по сути, мультиmodalным оператором), а иные отношения лежат за пределами такого договора. Поэтому самое важное здесь – это кто именно выступает в качестве грузоотправителя. Фигуры грузовладельца, грузополучателя, страховщика груза и других лиц не обладают юридической статусностью именно в рамках договора о мультиmodalной перевозке, при которой возникает некоторая система «параллельных» правоотношений [22].

² О транспортно-экспедиционной деятельности. Федеральный закон № 87-ФЗ от 30.06.2003. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102082415> (дата обращения: 19.12.2025).

Первая группа отношений – это отношения из договора перевозки груза в прямом смешанном сообщении, сторонами которых являются перевозчик и грузоотправитель (ч. 1 ст. 3 Закона о прямых смешанных перевозках). Вторая группа отношений – это отношения между перевозчиками, а также иными лицами (владельцами инфраструктуры железнодорожного транспорта общего пользования, владельцами железнодорожных путей необщего пользования, владельцами объектов транспортной инфраструктуры автомобильного, внеуличного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта, операторами морских линий, операторами морских терминалов и портов, речных портов, операторами железнодорожного подвижного состава, экспедиторами, а также иными участниками перевозочного процесса), которые основаны на соглашении об организации перевозок в прямом смешанном сообщении (ч. 1 ст. 2 Закона о прямых смешанных перевозках).

Отношения в рамках соглашения об организации перевозок в прямом смешанном сообщении в каком-то смысле будут вспомогательными (факультативными), а фактические отношения могут иметь место или отсутствовать в каждой конкретной ситуации, в том числе вследствие избрания того или иного маршрута перевозки, вида транспорта и по другим причинам. Для заказчика интерес представляет взаимосвязь услуг (в части полноты и своевременности оказания каждой из услуг), от которой, в свою очередь, зависит выполнение всего перевозочного процесса [23]. Следовательно, здесь имеет место не набор отдельных услуг («цепочка правоотношений»), а единая услуга и единое правоотношение [21, с. 9]. Принципиально верное указание Бутаковой на заинтересованность заказчика мультимодальной перевозки именно в единой услуге не позволяет, тем не менее, говорить о едином, пусть и комплексном, правоотношении.

В теории права и отраслевых юридических дисциплинах структуру комплексного правоотношения чаще всего представляют как такое его строение, когда отдельные части одного и того же отношения регулируются нормами различных отраслей права ввиду включенности этих частей в предмет правового регулирования различных отраслей права [24]. Комплексность правоотношения почти всегда объясняется многоаспектностью предмета регулирования и значительно различающейся степенью взаимности субъективных прав и субъективных обязанностей участников таких правоотношений. Т. е., по мнению автора, можно говорить о сложной системе правоотношений (комплексе правоотношений) в сфере мультимодальной перевозки, но не о едином комплексном правоотношении.

Иная логика рассуждений позволила бы относить к комплексным правоотношениям и, например, отношения, вытекающие из договора подряда, в рамках которых существуют заказчик на строительство дома и подрядчик, с которым вступает в договорные отношения заказчик, тогда как с привлеченными самим подрядчиком для исполнения договора лицами (субподрядчиками, включая геологов, проектировщиков, строителей, специалистов по внутренней отделке помещений и т. п.) заказчик строительства ни в каких отношениях не состоит, хотя может иметь с ними фактические отношения, имеющие юридически значимые последствия, например, в части согласования заказчиком тех или иных технических или художественных решений. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что оценка мультимодальной перевозки как набора разнородных перевозочных услуг не вызывает необходимости во введении самого термина «мультимодальная перевозка» [25, с. 106].

Существенным признаком правоотношения по мультимодальной перевозке обычно обозначают выполнение перевозки груза двумя и более видами транспорта. На первый взгляд этот признак – технический, определяющий процедуру и технологию перевозки, однако это верно не для всех ситуаций. В перевозочной практике могут иметь место случаи, когда используемый для перевозки транспорт безразличен для грузоотправителя и грузополучателя, которых могут интересовать лишь: 1) сам факт доставки груза в конкретный пункт назначения, 2) соблюдение срока доставки груза и 3) обеспечение сохранности груза – при том что в зависимости от вида используемого транспорта могут быть различными риски утери или повреждения груза, в связи с чем у грузоотправителя должно быть право участвовать в определении транспорта для доставки груза, что влияет, в частности, на его решение о сумме страхования груза, стоимости и способах диверсификации рисков утраты (повреждения) груза [26]. К сожалению, такого права грузоотправителю Закон о прямых смешанных перевозках не предоставляет, хотя значение тут может иметь даже количество используемого транспорта, пусть и одного и того же типа [27].

Большинством исследователей в качестве признака, имплицитно присущего мультимодальной перевозке, обычно называется единство транспортного процесса. Это единство почти всегда видят в двух признаках: формальном и материальном. Формальный признак предполагает исполнение обязательства по перевозке груза по единому транспортному документу, составленному на весь путь следования. Материальный признак определяется уровнем взаимосвязей между участниками мультимодальной перевозки [28].

Формальный признак в настоящее время находит свое прямое отражение в ч. 6 ст. 3 Закона о прямых смешанных перевозках: заключение договора перевозки в прямом смешанном сообщении подтверждается единым транспортным документом независимо от того, оформляется ли единый транспортный документ на бумажном

носителем или формируется в виде электронного единого транспортного документа. Ранее на практике и так обеспечивалось существование единого перевозочного документа – своего рода мультиmodalного коносамента, хотя иногда речь могла идти о пакете транспортных документов, трансформации единого транспортного документа из одного вида в другой в процессе перевозки и т. п. Однако принцип единства документа все-таки соблюдался, хотя требования к самому документу и не были формализованы, как это предусматривают сегодня чч. 7 и 8 ст. 3 Закона о прямых смешанных перевозках и подзаконные акты. Данное требование закона никак не препятствует документообороту между перевозчиками – участниками соглашения об организации перевозок в прямом смешанном сообщении.

Специалисты в области логистики и транспорта связывают единство перевозочного процесса с формой организации технологии перевозки, достижением состояния наиболее оптимального использования транспортных ресурсов, оптимизацией транспортного процесса с точки зрения наиболее полного удовлетворения требований заказчика перевозки, а в отдельных случаях – определяют смешанную перевозку как единственно возможный способ достижения цели. В этой связи представляет интерес мнение специалистов в области организации процесса перевозки о том, что обеспечение единства перевозочного процесса относится к действиям (задачам, обязанностям) не только перевозчика, но и грузоотправителя (владельца груза). Это выражается в обязанности предоставления грузоотправителем дополнительных документов на груз (например, сертификатов безопасности груза и т. п.), которые не требуются при перевозке одним видом транспорта при отсутствии выгрузки и погрузки (перевалки) [29]. По сути, речь идет о субъективных обязанностях грузоотправителя, направленных на обеспечение единого перевозочного процесса.

В то же время единство перевозочного процесса имеет и более значимую правовую, а не только технико-логистическую, составляющую. Здесь уже можно говорить об особом типе связей в системе права. Например, значительной спецификой в мультиmodalной перевозке обладает вопрос ответственности перевозчика, что проявляется в специальном правовом регулировании ответственности транспортных организаций различных видов транспорта соответствующими правилами, уставами и кодексами. Представляется, что одно лишь сочетание множественности фактических исполнителей договора с особенностями ответственности за сохранность груза и его своевременную доставку не может рассматриваться в качестве имманентного признака правоотношений в области мультиmodalной перевозки, но определенным образом характеризует такие отношения и также свидетельствуют об их специфике.

Правоотношение по мультиmodalной перевозке имеет двойственную структуру: 1) это материально-правовое отношение, так как в его основе лежит исполнение перевозчиком (перевозчиками) обязанности по доставке пассажира или груза, и 2) это организационно-правовое отношение, так как первый перевозчик одновременно выступает и мультиmodalным оператором – организатором всей перевозки. И если цели мультиmodalной перевозки как материально-правового отношения очевидны и определены обязанностями перевозчика по базовому договору перевозки груза (в силу требований закона или исходя из условий договора), то задача перевозчика, заключившего договор перевозки в прямом смешанном сообщении, как мультиmodalного оператора в рамках организационно-правового отношения явным образом в доктрине не установлена. В частности, Бутакова видит такую задачу (цель) в том, чтобы организовать наиболее эффективную доставку груза из одного места в другое [21]. Т. е. данное мнение находит некоторую поддержку в науке.

Между тем, такой вывод был бы разумен, если бы закон предусматривал следующую схему взаимодействия грузоотправителя и перевозчика (мультиmodalного оператора): перевозчик, заключивший договор перевозки в прямом смешанном сообщении, предлагает грузоотправителю те или иные алгоритмы доставки груза (цена, сроки, виды транспорта, маршруты, риски, количество загрузок и выгрузок и т. п.), а последний решает, какой механизм перевозки его интересует в большей мере. Однако законодатель сегодня отнес эти действия к компетенции сторон соглашения об организации перевозок в прямом смешанном сообщении, участвующим в осуществлении перевозки (ч. 9 ст. 3 Закона о прямых смешанных перевозках): указанные лица самостоятельно определяют маршрут перевозки, а также осуществляют иные действия, необходимые для исполнения договора, в том числе согласовывают время передачи груза, багажа, грузобагажа с одного вида транспорта на другой.

Правда, в той же ч. 9 ст. 3 Закона указывается на обязанность сторон соглашения об организации перевозок в прямом смешанном сообщении исходить из необходимости оптимизации процесса перевозки, стремиться к сокращению сроков такой перевозки в интересах грузоотправителей, в том числе посредством перевозки по кратчайшему расстоянию и обеспечению минимальной разницы между временем отправления и временем прибытия транспортных средств. Однако эти требования будут экономико-технологическими требованиями к участникам единого процесса перевозки груза, направленными на как можно более полное удовлетворение интересов грузоотправителя, но не их правовыми целями и задачами.

В результате, более верной представляется позиция ученых, отмечающих, что следует говорить не об эффективности доставки, а о ее результативности (как степени достижения полезного для заказчика перевозки – грузоотправителя результата) или экономичности (как соотношения стоимости и срока доставки) [30]. Ведь грузоотправителя в конечном итоге интересует доставка груза в сохранном виде в определенные договором место и срок. А будут ли при этом действия перевозчиков эффективными или же не будут таковыми, уже не относится к сфере его интереса.

Обсуждение и заключение. Установлено, что отсутствие в доктрине единства мнений по поводу вида и взаимосвязи правоотношений в рамках мультимодальной перевозки ведет к правовой неопределенности в части регламентации прав и обязанностей перевозчика и его ответственности по договору перевозки в прямом смешанном сообщении. Выражено несогласие с позицией ученых-юристов, полагающих, что мультимодальная перевозка должна сводиться к единому договору и единому правоотношению с множественностью лиц на стороне перевозчиков, и что складывающиеся при мультимодальной перевозке отношения различны по многим факторам, а потому следует говорить лишь о системе договоров и соответствующей им системе правоотношений.

Обосновано, что наиболее перспективным будет рассмотрение мультимодальной перевозки грузов в виде единого правового режима, правоотношение в рамках которого будет единым и комплексным, включающим в себя основные и вспомогательные договорные правоотношения. Тем не менее данная доктринальная позиция переработана с учетом положений вступившего в силу Закона о прямых смешанных перевозках, согласно которому имеют место две группы отношений: 1) отношения из договора перевозки груза в прямом смешанном сообщении, между перевозчиком и грузоотправителем; 2) отношения между перевозчиками, а также иными лицами, которые участвуют в соглашении об организации перевозок в прямом смешанном сообщении. В указанной части представляется несостоятельным вывод Н.А. Бутаковой об объединении этих групп правоотношений в некоторое «комплексное правоотношение», так как, по мнению автора, следует говорить о комплексе правоотношений (их системе) в сфере мультимодальной перевозки, но не о едином комплексном правоотношении (предмет соглашения и его субъектный состав – различны).

В работе исследованы существенные признаки правоотношений по мультимодальной перевозке. Доказано, что выполнение перевозки груза двумя и более видами транспорта имеет не только организационно-технологическое, но и правовое значение, выступая существенным условием договора, регулирующего отношения в области мультимодальной перевозки. Обосновано, что другой признак правоотношения – единство транспортного процесса – выражается в двух аспектах, а именно формальном (исполнение обязательства по перевозке груза по единому транспортному документу) и материальном (единство транспортного процесса на всем пути следования груза). Материальный аспект имеет в том числе и правовую составляющую и выражается в множественности перевозчиков груза и специфике их договорной ответственности. Правоотношение по мультимодальной перевозке будет как материально-правовым, так и организационно-правовым. Что касается результата перевозки, то его предлагается оценивать экономичностью его достижения, а не «эффективностью доставки», как об этом указывается в литературе.

Список литературы / References

1. Тумурова А.Т. Методология исследований правовых систем (антрополого-правовые аспекты). *Академический юридический журнал*. 2024;25(2(96)):207–215. [https://doi.org/10.17150/1819-0928.2024.25\(2\).207-215](https://doi.org/10.17150/1819-0928.2024.25(2).207-215).
Tumurova AT. Methodology for Researching Legal Systems (Anthropological and Legal Aspects). *Academic Law Journal*. 2024;25(2(96)):207–215. (In Russ.) [https://doi.org/10.17150/1819-0928.2024.25\(2\).207-215](https://doi.org/10.17150/1819-0928.2024.25(2).207-215).
2. Бриль Г.Г. Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики. В: Бриль Г.Г. (отв. ред.) *Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе*. Сборник научных трудов V Межвузовской научно-практической конференции. Кострома; 2007. С. 121–125.
Bril GG. Understudied Socio-Legal Functions of Coordinating Legal Practice. In: Bril GG (Ed.). *Proceedings of the V Interuniversity Scientific and Practical Conference “Actual Problems of the Theory and History of Law and State at the Present Time*. Kostroma; 2007. P. 121–125. (In Russ.)
3. Фролов С.Е. Принципы координационной деятельности. В: *Актуальные проблемы юриспруденции: сборник научных трудов*. Владимир: ВГПУ; 2002. С. 59–64.
Frolov SE. Principles of Coordination Activity. In: *Collection of Scientific Papers “Actual Problems of Jurisprudence”*. Vladimir: VSPU; 2002. P. 59–64. (In Russ.)
4. Чернецов В.Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики. В: *Законодательство и правоприменение в Российской Федерации*. Доклады и сообщения VII международной научной конференции. Москва, 17 апреля 2007 г. Москва: РГГУ; 2007. С. 89–94.

Chernetsov VYu. Psychological Approach to Studying Problems of Legal Practice Coordination. In: *Proceedings of the VII International Scientific Conference Legislation and Law Enforcement in the Russian Federation. Moscow, April 17, 2007*. Moscow: RSUH; 2007. P. 89–94. (In Russ.)

5. Макаров И.И. *Координация в праве*. Ярославль: ЯФ МФЮА; 2012. 290 с.

Makarov I. *Coordination in Law*. Yaroslavl: YaF MFUA; 2012. 290 p. (In Russ.)

6. Карташов В.Н. Механизм координационного регулирования. В: Кабанов П.А. (отв. ред.) *Вестник научных трудов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Выпуск 3. Часть 8. Вопросы теории и истории гос. и права*. Нижнекамск; 2001. С. 21–25.

Kartashov VN. Mechanism to Regulate Coordination. In: Kabanov PA (Ed.). *Bulletin of Scientific Papers of the Nizhnekamsk Branch of Moscow Humanitarian and Economic Institute. Issue 3. Part 8. Issues of the Theory and History of State and Law*. Nizhnekamsk; 2001. P. 21–25. (In Russ.)

7. Карташов В.Н. Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности. В: Бриль Г.Г. (отв. ред.) *Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе*. Сборник научных трудов V Межвузовской научно-практической конференции. Кострома; 2007. С. 89–94.

Kartashov VN. Juridical Practice on Coordination of State Bodies: The Problem of Efficiency. In: Brill GG. (Ed.). *Proceedings of the V Interuniversity Scientific and Practical Conference “Actual Problems of the Theory and History of Law and State at the Present Time”*. Kostroma; 2007. P. 89–94. (In Russ.)

8. Карташов В.Н. К вопросу о понятии координационной юридической тактики. В: *Развитие молодежной юридической науки в современном мире*. Сборник научных трудов по материалам VIII Международной научно-практической интернет-конференции 15 мая 2011 года. Тамбов; 2011. С. 50–55.

Kartashov VN. On the Issue of the Concept of Coordination Legal Tactics. In: *Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Internet Conference “Development of Youth Legal Science in the Modern World”*. May 15, 2011. Tambov; 2011. P. 50–55. (In Russ.)

9. Максуров А.А., Таланова М.В. Политическая функция медиативной юридической практики. *Государственная власть и местное самоуправление*. 2012;(1):8–10.

Maksurov AA, Talanova MV. The Political Function of Legal Mediation. *Gosudarstvennaya vlast i mestnoe samoupravlenie (State Power and Local Self-Government)*. 2012;(1):8–10. (In Russ.)

10. Максуров А.А., Таланова М.В. Виды процессуальных форм медиативной юридической деятельности. *Российская юстиция*. 2012;(1):70–71.

Maksurov AA, Talanova MV. Types of Procedural Forms of Legal Mediation. *Rossiiskaya yustitsiya (Russian Judiciary)*. 2012;(1):70–71. (In Russ.)

11. Максуров А.А., Таланова М.В. Основная стадия медиативного процесса. *Советник юриста*. 2012;(10):25–32.

Maksurov AA, Talanova MV. The Main Stage of the Mediation Process. *Lawyer’s Advisor*. 2012;(10):25–32. (In Russ.)

12. Максуров А.А., Постнов А.С. Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики. В: *Российское право в период социальных реформ*. Материалы конференции студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов (г. Нижний Новгород, 26–27 ноября 2004 г.). Нижний Новгород; 2005. Выпуск 6. Часть 1. С. 64–67.

Maksurov AA, Postnov AS. Control and Supervision as Factors for Increasing the Efficiency of Coordination. In: *Proceedings of the Conference of Students, Postgraduate Students, Doctoral Candidates and Young Legal Scholars “Russian Law during the Period of Social Reforms”*. Nizhny Novgorod, November 26–27, 2004, Issue 6. Part 1. 2005. P. 64–67. (In Russ.)

13. Власов А.А. (ред.) *Гражданское исполнительное право*. Москва: Экзамен; 2004. 340 с.

Vlasov AA (Ed.). *Civil Enforcement Law*. Moscow: Ekhzamen Publ; 2004. 340 p. (In Russ.)

14. Кивленок Т.В. Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности. В: *Актуальные проблемы юриспруденции*. Сборник научных трудов. Выпуск 3. Владимир: ВГПИУ; 2002. С. 54–58.

Kivlenok TV. Legal Act as an External Form of Coordination Activity. In: *Collection of Scientific Papers “Actual Problems of Jurisprudence”*. Issue 3. Vladimir: VSPU; 2002. P. 54–58. (In Russ.)

15. Баранов В.М., Карташов В.Н., Максуров А.А. Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе. *Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения*. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2006;(6):11–15.

Baranov VM, Kartashov VN. The Main Shortcomings of Coordination Practice on Ensuring the Economic Security of the Russian Federation at the Present Time. *Economic Security of Russia: Political Benchmarks, Legislative Priorities, Practice of Ensuring*. *Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2006;(6):11–15. (In Russ.)

16. Корнукова М.С. Терминологическая неопределенность правового регулирования перевозок с участием различных видов транспорта. *Транспортное право и безопасность*. 2022;(1(41)):51–61.
- Kornukova MS. Terminological Uncertainty of Legal Regulation of Transportation Involving Various Modes of Transport. *Transport Law and Security*. 2022;(1(41)):51–61. (In Russ.)
17. Милевская А.Д. Документационное обеспечение мультимодальных перевозок. Томск: ТГУ; 2018. 202 с. Milevskaya AD. *Documentary Support of Multimodal Transportation*. Tomsk: TSU; 2018. 202 p. (In Russ.)
18. Архипов А.Е., Масленников С.Н. *Международные перевозки*. Учебник. Москва: ИНФРА-М; 2023. 222 с. Arkhipov AE, Maslennikov SN. *International Transportation*. Course Book. Moscow: INFRA-M; 2023. 222 p. (In Russ.)
19. Землянский П.Л. Сущность и классификация смешанных перевозок. *Транспортное право*. 2004;(3):25–30. Zemlyansky PL. The Essence and Classification of Multimodal Transportation. *Transportnoye pravo (Transport Law)*. 2004;(3):25–30. (In Russ.)
20. Соломин С.К. О характере действия, составляющего объект гражданско-правового обязательства. *Академический юридический журнал*. 2025;26(3(101)):464–475. [https://doi.org/10.17150/1819-0928.2025.26\(3\).464-475](https://doi.org/10.17150/1819-0928.2025.26(3).464-475)
- Solomin SK. On the Nature of the Action Constituting the Object of a Civil Law Obligation. *Academic Law Journal*. 2025;26(3(100)):464–475. [https://doi.org/10.17150/1819-0928.2025.26\(3\).464-475](https://doi.org/10.17150/1819-0928.2025.26(3).464-475) (In Russ.)
21. Бутакова Н.А. *Правовое регулирование мультимодальной перевозки грузов: компаративный подход*. Дис. д-ра юрид. наук. Москва; 2016. 280 с.
- Butakova NA. *Legal Regulation of Multimodal Cargo Transportation: A Comparative Approach*. Dr.Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2016. 280 p. (In Russ.)
22. Максуров А.А. Ответственность автомобильного перевозчика за сохранность перевозимых грузов. *Академический юридический журнал*. 2019;(4(78)):28–31.
- Maksurov AA. Legal Liability of Carriers for the Safety of Freight Goods. *Academic Law Journal*. 2019;(4(78)):28–31. (In Russ.)
23. Максуров А.А. Ответственность автомобильного перевозчика за неподачу транспортных средств. *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. 2019;31(3):83–88. <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2019-31-3-83-88>
- Maksurov AA. Car Carrier Liability for Vehicle Failure. *Law Herald of Dagestan State University*. 2019;31(3):83–88. (In Russ.) <https://doi.org/10.21779/2224-0241-2019-31-3-83-88>
24. Рыбакова С.В. Комплексные отношения как основание возникновения комплексных образований в праве (на примере финансового права). *Ленинградский юридический журнал*. 2013;(3(33)):179–185.
- Rybakova SV. Complex Relationships as the Basis of a Comprehensive Education in Law (Financial Law). *Leningrad Legal Journal*. 2013;(3(33)):179–185. (In Russ.)
25. Максуров А.А. *Коммерческое представительство и мультимодальные перевозки в Российской Федерации и за рубежом*. Москва: URSS; 2023. 200 с.
- Maksurov AA. *Trade Office and Multimodal Transportation in the Russian Federation and Abroad*. Moscow: URSS; 2023. 200 p. (In Russ.)
26. Файзрахманова Е.В., Симоченко А.С. Совершенствование организации маршрутов мультимодальных перевозок. В: *Высокие технологии и инновации в науке: сборник избранных статей Международной научной конференции* (Санкт-Петербург, 28 января 2021 года). Санкт-Петербург; 2021. С. 233–235.
- Fayzrakhmanova EV, Simochenko AS. Improving the Organization of Multimodal Transport Routes. In: *Proceedings of the International Scientific Conference "High technologies and innovations in science"*. St. Petersburg, January 28, 2021. St. Petersburg; 2021. P. 233–235. (In Russ.)
27. Крыгина И.Е. Организация мультимодальных перевозок в условиях неопределенности и риска. *Стратегии бизнеса*. 2019;(11(67)):8–11.
- Krygina IE. Organization of Multimodal Transportation under Uncertainty and Risk. *Business Strategies*. 2019;(11(67)):8–11. (In Russ.)
28. Дорошенко К.О. Мультимодальная перевозка: понятие и организация. *Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество*. 2021;(3):96–99. <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.21.03.P.096>
- Doroshenko KO. Multimodal Transportation: Concept and Organization. *Vestnik of the Russian New University. Series: Man and Society*. 2021;(3):96–99. (In Russ.) <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.21.03.P.096>
29. Варгунин В.И., Шишкина С.Н. *Взаимодействие видов транспорта: учебное пособие*. Самара: СамГУПС; 2019. 102 с.
- Vargunin VI, Shishkina SN. *Interaction of Modes of Transport: Study Guide*. Samara: Samara State University of Railway Transport; 2019. 102 p. (In Russ.)

30. Колик А.В. *Грузовые перевозки: комбинированные технологии*. Учебник для вузов. Москва: Юрайт; 2023. 257 с.
Kolik AV. *Freight Transportation: Combined Technologies*. Course Book. Moscow: Yurayt; 2023. 257 p. (In Russ.)

Об авторе:

Алексей Анатольевич Максуров, кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории и истории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (150000, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, 14), [SPIN-код](#), [ResearcherID](#), [ORCID](#), maxurov78@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

About the Author:

Alexey A. Maksurov, Cand.Sci. (Law), lecturer of the Department of Theory and History of State and Law, Yaroslavl State University Named after P.G. Demidov (14, Sovetskaya Str., Yaroslavl, 150000, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ResearcherID](#), [ORCID](#), maxurov78@yandex.ru

Conflict of Interest Statement: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 09.01.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 04.02.2026

Принята к публикации / Accepted 12.02.2026

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES

Оригинальное эмпирическое исследование

УДК 347

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-43-49>

Правовое значение торгов при отчуждении земельных участков в Российской Федерации

EDN: XNLPYG

Б.Д. Фролов¹ , А.В. Чичкин²

¹ Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Волгоград, Российская Федерация

² Оренбургский государственный аграрный университет, г. Оренбург, Российская Федерация

 chichkin-ogau@yandex.ru

Аннотация

Введение. Исследование правового значения торгов как ключевого механизма отчуждения земельных участков имеет особую актуальность, поскольку данный институт обеспечивает реализацию принципов равенства, состязательности и экономической эффективности при переходе прав на недвижимое имущество, что непосредственно влияет на стабильность гражданского оборота и защиту интересов как публично-правовых образований, так и частных лиц. Нормативно-правовая база, регулирующая порядок проведения торгов по отчуждению земельных участков, представляет собой сложную систему взаимосвязанных положений Гражданского и Земельного кодексов Российской Федерации, а также профильных федеральных законов и подзаконных актов, требующих системного анализа в контексте правоприменительной практики и выявления коллизионных моментов. Целью статьи является комплексное исследование правового регулирования торгов при отчуждении земельных участков в Российской Федерации.

Материалы и методы. Материалами для исследования послужили нормативные правовые акты РФ, материалы судебной практики, статистические данные о проведении земельных торгов. В ходе исследования применялись формально-юридический, сравнительно-правовой методы анализа, контент-анализ научных публикаций и судебной практики и др.

Результаты исследования. Выявлены существенные коллизии между общими положениями Гражданского кодекса РФ о торгах и специальными нормами Земельного кодекса РФ, что порождает неоднозначность правоприменения и увеличивает риски оспаривания результатов торгов в судебном порядке. Анализ судебной практики показал наиболее проблемные аспекты реализации процедуры торгов: нечеткость критериев отбора участников, противоречивость подходов к определению начальной цены участка исходя из кадастровой или рыночной стоимости, а также неоднозначность правовых последствий подачи единственной заявки, что свидетельствует о необходимости унификации процедурных требований и уточнения оснований для признания торгов состоявшимися либо несостоявшимися. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования, включающие закрепление единого порядка расчета начальной цены с обязательным привлечением независимых оценщиков, детализацию требований к участникам торгов с учетом специфики категорий земель, а также введение обязательного досудебного порядка урегулирования споров, связанных с отказом в допуске к участию в торгах, и др. Это позволит повысить прозрачность процедур отчуждения земельных участков и обеспечить баланс интересов всех участников.

Обсуждение и заключение. Правовое регулирование торгов по отчуждению земельных участков характеризуется существенной межотраслевой спецификой и наличием коллизий между положениями Гражданского и Земельного кодексов РФ, что негативно сказывается на стабильности земельного оборота и защите прав участников правоотношений. Совершенствование законодательства должно идти по пути унификации методик расчета начальной цены, детализации требований к участникам, введения обязательного досудебного порядка урегулирования споров и усиления контроля за деятельностью электронных площадок. Особую важность приобретают

вопросы цифровизации процедуры: с одной стороны, она повышает прозрачность и доступность процесса, а с другой – порождает новые риски, связанные с техническими моментами, кибермошенничеством и т. д.

Ключевые слова: земельные торги, регулирование торгов, приобретение земельных участков, аренда земельных участков, отчуждение земельных участков, гражданско-правовая ответственность, государственная собственность, муниципальная собственность, аукцион, конкурс, Российская Федерация

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали повышению качества статьи.

Для цитирования. Фролов Б.Д., Чичкин А.В. Правовое значение торгов при отчуждении земельных участков в Российской Федерации. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2026;4(1):43–49. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-43-49>

Original Empirical Research

Legal Significance of Land Plot Alienation Auctions in the Russian Federation

Bogdan D. Frolov¹ , Alexander V. Chichkin²

¹ Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Volgograd, Russian Federation

² Orenburg State Agrarian University, Orenburg, Russian Federation

 chichkin-ogau@yandex.ru

Abstract

Introduction. Studying legal significance of the auctions as a key mechanism for the alienation of land plots is a particularly relevant objective, as this legal institution ensures implementation of the principles of equality, competition, and economic efficiency of the real estate title transfer, which directly affects the stability of civil transactions and protects the interests of both public law entities and private persons. The legal framework regulating land alienation auctions is a complex system consisting of the interrelated provisions of the Civil and Land Codes of the Russian Federation and pertinent Federal laws and regulations, therefore, the system analysis approach should be used to study its law enforcement practices and identify the issues of conflict of laws. The aim of the article is to conduct a comprehensive study of the legal framework regulating the auctions on alienation of land plots in the Russian Federation.

Materials and Methods. The materials under the study included the regulatory legal acts of the Russian Federation, court case materials, and statistical data on the land auctions conducted. Dogmatic legal and comparative legal methods of analysis were used, as well as the content analysis of the scientific publications and court case materials, and other methods.

Results. The significant conflicts of laws between the general provisions of the Civil Code of the Russian Federation referring to the auctions and the specific norms of the Land Code of the Russian Federation have been identified, which leads to the ambiguity in the enforcement practices and increases the risk of disputing the auction results in court. The analysis of court cases has revealed the aspects of greatest concern in the auction procedure: unclear criteria for selecting the participants, controversial approaches to determining the starting price of a plot based on the cadastral or market value, and ambiguous legal consequences of sole-source bidding. This justifies the need to standardize the procedural requirements and clarify the grounds for recognizing an auction as valid or invalid. To improve the legal framework, the following proposals have been formulated: stipulation of a uniform procedure for calculating the starting price, with mandatory involvement of the independent assessors; detailed specification of bidders' requirements depending on the land category features; mandatory implementation of the pre-trial dispute settlement procedures related to denial to participate in bidding, etc. This will improve the transparency of land plot alienation procedures and ensure the balance of interests of all the participants.

Discussion and Conclusion. Legal regulation of land plot alienation auctions is characterized by the significant cross-sectoral specificity and availability of conflicts between the provisions of Civil and Land Codes of the Russian Federation, which negatively affects the stability of land transactions and impairs protection of the rights of the parties to the legal relationships. Law improvement should focus on standardizing the starting price calculation methods, specifying participants' requirements, mandatory implementation of the pre-trial dispute settlement procedures, and improving control over the work of electronic platforms. Digitalization of the procedure deserves particular attention: on the one hand, it improves the transparency and accessibility of the procedure, on the other hand, creates new risks related to technical issues, cyber fraud, etc.

Keywords: land auctions, auction regulation, acquisition of land plots, lease of land plots, land alienation, civil liability, state property, municipal property, auction, competition, Russian Federation

Acknowledgments. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Frolov BD, Chichkin AV. Legal Significance of Land Plot Alienation Auctions in the Russian Federation. *Legal Order and Legal Values*. 2026;4(1):43–49. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-43-49>

Введение. На современном этапе развития земельно-имущественных отношений в Российской Федерации особую актуальность приобретает исследование правового значения торгов как основного легитимного механизма отчуждения земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности. Данный институт, будучи закрепленным в положениях Гражданского кодекса РФ и детализированным в Земельном кодексе РФ, выполняет ключевую функцию в обеспечении принципов равенства, состязательности и экономической эффективности при переходе прав на недвижимое имущество, что непосредственно влияет на стабильность гражданского оборота, защиту публичных интересов и гарантирование законных прав частных лиц – потенциальных приобретателей земельных ресурсов.

Нормативно-правовая база, регулирующая порядок проведения торгов по отчуждению земельных участков, представляет собой сложную многоуровневую систему, включающую не только базовые положения гражданского и земельного законодательства, но и профильные федеральные законы и подзаконные акты (постановления Правительства РФ, приказы Минэкономразвития и нормативные документы субъектов РФ). Такая многоэлементность правового регулирования, с одной стороны, обеспечивает детализацию процедурных требований, а с другой – порождает коллизии и пробелы, требующие системного анализа в контексте правоприменительной практики и выявления противоречий между общими и специальными нормами.

Целью статьи является комплексное исследование правового регулирования торгов при отчуждении земельных участков, включающее изучение процедурных аспектов их организации и проведения, оценку правомерности действий уполномоченных органов и участников торгов, а также анализ судебной практики по оспариванию результатов торгов и связанных с ними сделок в Российской Федерации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд взаимосвязанных задач:

- определить правовую природу торгов в земельном обороте;
- систематизировать основания для признания торгов недействительными;
- проанализировать порядок установления начальной цены и внесения задатка;
- исследовать особенности электронных торгов;
- выявить проблемные аспекты в регламентации участия отдельных категорий лиц;
- обобщить данные судебной практики по спорным вопросам отчуждения земель посредством торгов.

Научная новизна исследования заключается в системном осмыслении правового режима торгов по отчуждению земельных участков сквозь призму взаимодействия гражданского и земельного законодательства, выявлении актуальных коллизий правоприменения и разработке комплекса предложений по гармонизации нормативной базы. Теоретическая значимость состоит в углублении доктринальных представлений о правовой природе земельных торгов, их функциях и месте в системе способов отчуждения недвижимого имущества. Практическая ценность работы обусловлена возможностью использования сформулированных выводов и рекомендаций в законотворческой деятельности, правоприменительной практике органов публичной власти, а также в деятельности юридических лиц и граждан, участвующих в торгах по приобретению земельных участков.

Материалы и методы. В качестве эмпирической базы использованы нормативные правовые акты Российской Федерации, материалы судебной практики Верховного Суда РФ, арбитражных судов округов и субъектов РФ за период 2018–2024 гг., статистические данные Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии (Росреестр), а также официальные разъяснения Минэкономразвития России и Федеральной антимонопольной службы. Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, системно-структурный подход) и специальные юридические методы: формально-юридический (для толкования норм права), сравнительно-правовой (для сопоставления положений различных нормативных актов), историко-правовой (для выявления эволюции института торгов), а также метод правового моделирования (для разработки предложений по совершенствованию законодательства).

Результаты исследования. Правовая природа института торгов как способа отчуждения земельных участков базируется на положениях Гражданского кодекса РФ (ст. 447–449)¹, где закреплены общие принципы проведения

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Кодекс Российской Федерации № 51-ФЗ от 30.11.1994. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102033239> (дата обращения: 21.01.2026).

торгов, а также на специальных нормах Земельного кодекса РФ (ст. 39.11–39.13)², регламентирующих особенности отчуждения земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности. Торги выступают особым способом заключения договора, который призван обеспечить максимальную экономическую эффективность сделки посредством механизма конкуренции между потенциальными приобретателями, что в полной мере соответствует основополагающим принципам гражданского законодательства о свободе договора и равенстве участников гражданских правоотношений.

Л.А. Новоселова отмечает, что по буквальному смыслу п. 1 ст. 447 ГК РФ торги являются одним из путей заключения договора, а именно механизмом, позволяющим определить контрагента, с которым будет заключен договор [1]. По формулировке М.И. Брагинского, торги представляют собой один из способов заключения договора, который тесно связан с основными законами свободного рынка и выражает их наиболее последовательно. Это, в частности, проявляется в присущей торгам конкуренции [2]. О.А. Беляева, характеризуя торги как специальную процедуру, посредством которой заключается договор, указывает на отличие ее от торга между единственным покупателем (заказчиком) и продавцом (подрядчиком), выражающееся в возможности изменять цену предлагаемых товаров (работ, услуг), используя механизм конкуренции между многочисленными претендентами [3].

Нормативно-правовая база, регулирующая порядок проведения торгов по отчуждению земельных участков, образует многоуровневую систему. Помимо ГК и ЗК РФ, существенное значение имеют также Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»³, регулирующий торги при отчуждении земель в рамках приватизационных процедур; и Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»⁴, применяемый к торгам на право аренды земельных участков для публичных и частных нужд.

И.П. Васильева в своих трудах указывает, что «в нынешнее время правовое регулирование торгов является достаточно многоступенчатым. При этом следует отметить, что фактически порядок организации и проведения торгов в российском законодательстве содержательно урегулирован. Вместе с тем на практике достаточно часто результаты торгов оспариваются» [4].

Процедура организации и проведения торгов по отчуждению земельных участков представляет собой последовательность юридически значимых действий, каждое из которых подлежит строгому нормативному регулированию. Первоначальным этапом выступает подготовка и публикация извещения о проведении торгов, содержание которого регламентировано ст. 39.11 ЗК РФ и должно включать: сведения о кадастровом номере, площади, категории земель, разрешенном использовании, начальной цене, размере задатка, сроках подачи заявок, а также месте, дате и времени проведения торгов. В соответствии с п. 19 ст. 39.11 ЗК РФ извещение подлежит размещению на официальном сайте торгов и в печатных средствах массовой информации не менее чем за 30 дней до даты проведения аукциона, что обеспечивает реализацию принципа публичности и доступности информации для потенциальных участников.

Следующий этап предполагает прием и рассмотрение заявок участников, в ходе которого уполномоченные органы осуществляют проверку соответствия заявителей установленным требованиям, включая отсутствие признаков банкротства и задолженностей по обязательным платежам, регистрируют поступившие заявки с выдачей расписки и обеспечивают возврат задатка лицам, не допущенным к участию в торгах. Непосредственное проведение аукциона или конкурса регламентируется ст. 448 ГК РФ и предполагает фиксацию предложений участников в протоколе, определение победителя по критерию наивысшей предложенной цены (в случае аукциона) или по совокупности установленных критериев (в случае конкурса), а также подписание протокола о результатах торгов, имеющего правоустанавливающее значение. Заключительным этапом выступает оформление договора купли-продажи или аренды земельного участка с последующей государственной регистрацией перехода прав в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН).

Одним из наиболее дискуссионных вопросов является определение начальной цены земельного участка, регламентированное п. 12 ст. 39.11 ЗК РФ, что порождает многочисленные споры о соотношении кадастровой и рыночной стоимости объекта. Другой значимой проблемой выступает порядок допуска участников к торгам, регламентированный п. 10 ст. 39.12 ЗК РФ, где отказы по формальным основаниям, связанным с неполным комплектом представленных документов, нередко признаются судами незаконными. Особую сложность представ-

² *Земельный кодекс Российской Федерации*. Кодекс Российской Федерации № 136-ФЗ от 25.10.2001. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073184> (дата обращения: 21.01.2026).

³ *О приватизации государственного и муниципального имущества*. Федеральный закон № 178-ФЗ от 21.12.2001. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102074022&rdk=> (дата обращения: 21.01.2026).

⁴ *О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд*. Федеральный закон № 44-ФЗ от 05.04.2013. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102164547> (дата обращения: 21.01.2026).

ляют вопросы участия иностранных лиц в торгах на земельные участки, расположенные в приграничных территориях, что регулируется положениями ст. 15 ЗК РФ и требует учета ограничений, установленных в целях обеспечения национальной безопасности. Кроме того, существенную группу споров составляют дела о признании торгов недействительными на основании ст. 449 ГК РФ, где ключевыми основаниями выступают нарушения при публикации извещения, ведущие к сужению круга потенциальных участников, либо неправомерное отклонение заявок. Решающим критерием для признания торгов недействительными является наличие существенного нарушения, объективно влияющего на результат конкурентной борьбы, что требует тщательного анализа фактических обстоятельств каждого конкретного дела. Также немаловажной проблемой, возникающей при организации земельного аукциона, А.А. Березкину видится отсутствие правового регулирования вопроса о возможности внесения организатором торгов изменений в извещение о проведении аукциона [5].

В соответствии с «Правилами организации и проведения торгов по продаже находящихся в государственной и муниципальной собственности земельных участков или права на заключение договоров аренды таких земельных участков», утвержденными постановлением Правительства РФ от 11 ноября 2002 г. № 808, Д.В. Литвинов выделяет две группы правовых проблем, связанных с организацией и проведением торгов земельными участками:

- 1) проблемы, связанные с допуском к участию в торгах и со статусом их участников;
- 2) проблемы, связанные с порядком проведения и оформлением результатов торгов [6].

Особого внимания заслуживают особенности проведения электронных торгов по отчуждению земельных участков, которые стали преобладающей формой реализации данного механизма в соответствии со ст. 39.13 ЗК РФ. Ю.А. Гартин и О.Ю. Марушак отмечают, что «электронные торги способствуют усилению конкурентной борьбы, привлекая множество агентов из далеких уголков России и зарубежья, благодаря их внушительной открытости. Среди прочих достоинств, продажа земельных участков по средствам аукционов предоставляет возможность минимизации затрат времени и ресурсов, ликвидируя бесчисленные сложные этапы» [7].

К преимуществам электронной формы торгов следует отнести повышение доступности процедуры для участников из различных регионов, обеспечение прозрачности фиксации предложений и автоматизацию процессов проверки представленных документов [8]. Однако наряду с очевидными достоинствами данная форма порождает и ряд специфических проблем, связанных с техническими сбоями при подаче заявок, а также рисками кибермошенничества, включая подделку электронных подписей. Дополнительным фактором, осложняющим правоприменение, выступает отсутствие единых технических стандартов и требований к функционированию электронных платформ, что создает предпосылки для неоднородного толкования норм и разночтений в судебной практике.

Оценивая законодательство и судебную практику в РФ в целом, А.П. Анисимов, М.Ю. Козлова и А.Я. Рыженков пришли к выводу о том, что в идеале процедура торгов должна обеспечивать: информационную открытость, единый подход ко всем участникам, понятные требования к конкурсной документации, заранее определенные условия выбора победителя торгов [9]. Несмотря на наличие в действующем законодательстве положений, регламентирующих современные формы проведения торгов, предусматривающих возможность дистанционного участия заинтересованных лиц посредством электронных площадок и специализированных информационных систем, на практике значительное распространение получили традиционные форматы проведения закупочных процедур. Данные форматы характеризуются обязательным физическим присутствием всех участников торгов в специально отведенном месте проведения торгов, а также необходимостью прохождения многоступенчатой процедуры регистрации, включающей личное представление документов, подтверждающих полномочия участников, и внесение соответствующих данных в протокол регистрации.

Подобная практика проведения торгов обусловлена рядом факторов, среди которых можно выделить консервативный подход организаторов торгов к выбору формата проведения процедур, недостаточную техническую оснащенность некоторых площадок для проведения электронных торгов, а также стремление обеспечить максимальную прозрачность процедуры путем непосредственного контроля действий участников. При этом следует отметить, что классический формат организации торгов зачастую сопряжен с дополнительными временными и финансовыми затратами для участников, связанными с необходимостью личного присутствия на процедуре, что в современных условиях развития цифровых технологий представляется несколько архаичным подходом.

На основании проведенного анализа предлагаем следующие меры для усовершенствования действующего законодательства в сфере регулирования земельных торгов. Во-первых, необходимо унифицировать методику расчета начальной цены земельных участков, предусмотрев обязательное привлечение независимых оценщиков в случаях, когда расхождение между кадастровой и рыночной стоимостью превышает 20 %. Во-вторых, следует детализировать требования к участникам торгов, исключив возможность произвольного отказа в допуске путем закрепления исчерпывающего перечня оснований для недопуска, что повысит правовую определенность процедуры. В-третьих, целесообразно ввести обязательный досудебный порядок урегулирования споров, связанных

с результатами торгов, что позволит снизить нагрузку на арбитражные суды и ускорить разрешение конфликтов. В-четвертых, требуется усилить контроль за деятельностью электронных платформ, на которых проводятся торги, путем установления единых технических стандартов и требований к кибербезопасности, что минимизирует риски технических сбоев и противоправных действий. В-пятых, представляется обоснованным расширение применения конкурсных процедур для земельных участков сельскохозяйственного назначения, где при определении победителя следует учитывать не только предложенную цену, но и планы по освоению участка.

Обсуждение и заключение. Проведенный анализ правового регулирования и правоприменительной практики в сфере торгов по отчуждению земельных участков в Российской Федерации позволяет сделать вывод о сложном межотраслевом характере данного института, сочетающего нормы гражданского, земельного и административного права. Несмотря на детальную регламентацию процедуры торгов в Гражданском и Земельном кодексах РФ, а также в подзаконных актах, сохраняется ряд существенных проблем – от коллизий между общими и специальными нормами до неоднородности судебной практики по вопросам определения начальной цены, допуска участников и признания торгов недействительными. Особую актуальность приобретают вопросы цифровизации процедуры, поскольку переход на электронные торги, с одной стороны, повышает прозрачность и доступность процесса, а с другой – порождает новые риски, связанные с техническими сбоями, кибермошенничеством и отсутствием единых стандартов функционирования электронных платформ. В этой связи совершенствование законодательства должно идти по пути унификации методик расчета начальной цены, детализации требований к участникам, введения обязательного досудебного порядка урегулирования споров и усиления контроля за деятельностью электронных площадок, что позволит обеспечить баланс интересов всех субъектов земельных отношений и повысить стабильность гражданского оборота недвижимости.

Список литературы / Reference

1. Новоселова Л.А. *Публичные торги в рамках исполнительного производства*. Москва: Статут; 2006. 253 с. Novoselova LA. *Public Auctions within the Framework of Enforcement Proceedings*. Moscow: Statut; 2006. 253 p. (In Russ.)
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. *Договорное право: Книга первая: Общие положения*. Москва: Статут; 2008. 476 с. Braginsky MI, Vitryansky VV. *Contract Law: Book One: General Provisions*. Moscow: Statut; 2008. 476 p. (In Russ.)
3. Беляева О.А. *Правовые проблемы аукционов и конкурсов*. Москва: Юриспруденция; 2011. 293 с. Belyaeva OA. *Legal Issues of Auctions and Competitions*. Moscow: Yurisprudentsiya; 2011. 293 p. (In Russ.)
4. Васильева И.П. Гражданско-правовое регулирование проведения торгов и признание их недействительными. *Молодой ученый*. 2022;41(436):91–93. Vasilyeva IP. Civil Regulation of Auctions and Their Invalidation. *Molodoi uchenyi (Young Scientist)*. 2022;41(436):91–93. (In Russ.)
5. Березкин А.С. Актуальные проблемы подготовки, организации и проведения аукциона по продаже и предоставлению в аренду публичного земельного участка. *Юридическая наука*. 2023;(1):31–35. Berezkin AS. Actual Problems of Preparing, Organizing and Holding an Auction for the Sale and Leasing of a Public Land Plot. *Legal Science*. 2023;(1):31–35. (In Russ.)
6. Литвинов Д.В. Некоторые особенности процедуры торгов земельными участками. *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2011;2(113):89–94. Litvinov DV. Some Procedures for Trading Land Plot. *Property Relations in the Russian Federation*. 2011;2(113):89–94. (In Russ.)
7. Гартина Ю.А., Марушак О.Ю. Особенности правового регулирования проведения аукционов при продаже земельных участков, находящихся в государственной и муниципальной собственности. *Право и государство: теория и практика*. 2024;10(238):418–420. https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_10_418 Gartina YuA, Marushak OYu. Features of the Legal Regulation of Auctions for the Sale of Land Plots Owned by the State and Municipal. *Law and State: Theory and Practice*. 2024;10(238):418–420. (In Russ.) https://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_10_418
8. Апликаева И.Р. Электронные аукционы: преимущества и недостатки. *Диалог*. 2024;4(30):46–47. Aplikaeva IR. Electronic Auctions: Advantages and Disadvantages. *Dialog (Dialogue)*. 2024;4(30):46–47. (In Russ.)
9. Анисимов А.П., Козлова М.Ю., Рыженков А.Я. Актуальные проблемы проведения торгов по продаже земельных участков (права их аренды) в Российской Федерации. *Вестник Калмыцкого университета*. 2013;2(18):94–100. Anisimov AP, Kozlova MYu, Ryzhenkov AYa. Actual Problems of Bidding for the Sale of Land (The Rights of Their Lease) in the Russian Federation. *Vestnik kalmytskogo universiteta (Bulletin of Kalmyk University)*. 2013;2(18):94–100. (In Russ.)

Об авторах:

Богдан Дмитриевич Фролов, аспирант Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС (400005, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. им. Гагарина, 8), [ORCID](#), advokat@bfrolov.ru

Александр Владимирович Чичкин, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой юриспруденции Оренбургского государственного аграрного университета (460014, Российская Федерация, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18), [SPIN-код](#), [ORCID](#), chichkin-ogau@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

Б.Д. Фролов: формирование основной концепции, методология исследования, постановка задач исследования, подготовка текста, формирование выводов.

А.В. Чичкин: обзор и анализ научных источников, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Bogdan D. Frolov, PhD student, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA) (8, Gagarin Str., Volgograd, 400005, Russian Federation), [ORCID](#), advokat@bfrolov.ru

Alexander V. Chichkin, Cand.Sci (Law), Associate Professor, Head of the Jurisprudence Department, Orenburg State Agrarian University (18, Chelyuskintsev Str., Orenburg, 460014, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), chichkin-ogau@yandex.ru

Claimed Contributorship:

BD Frolov: formulating the main concept, research methodology, setting research objectives, preparing the text, formulating the conclusions.

AV Chichkin: review and analysis of scientific sources, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 05.02.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 20.02.2026

Принята к публикации / Accepted 02.03.2026

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LAW SCIENCES

Оригинальное эмпирическое исследование

УДК 343.61

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-50-56>

Понятие и правовая природа категории «здоровье» как объекта уголовно-правовой охраны в Российской Федерации

EDN: PPGRWS

Д.Б. Ильясов , Е.А. Филимонова

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

✉ dilyasov1977@mail.ru

Аннотация

Введение. Здоровье является фундаментальной ценностью человека, обеспечивающей реализацию его личных прав и свобод, а также создающей условия для его гармоничного развития. В этом контексте государственная правовая политика Российской Федерации направлена на всестороннее обеспечение охраны здоровья населения. Здоровье человека находится под особой защитой уголовного законодательства РФ, однако преступления, посягающие на физическое и психическое благополучие граждан, формируют основную часть насильственной преступности в стране. Целью статьи является всестороннее рассмотрение понятия и правовой природы категории «здоровье» как объекта уголовно-правовой охраны.

Материалы и методы. В ходе исследования использовались материалы, размещенные на официальных сайтах МВД России и Судебного Департамента при Верховном Суде РФ, общенаучные и специальные научные методы.

Результаты исследования. Проведен комплексный анализ преступлений против здоровья в Российской Федерации, рассмотрены актуальные вопросы квалификации преступлений против здоровья. Доказано, что, несмотря на провозглашенную законодателем приоритетную роль охраны здоровья личности, на практике эта задача часто реализуется недостаточно эффективно по многим причинам. К числу значимых недостатков системы относится неэффективный механизм компенсации ущерба пострадавшим гражданам. Установлено, что корень подобных проблем заключается в отсутствии целостной уголовно-правовой политики в сфере защиты здоровья населения.

Обсуждение и заключение. Проведенное исследование показало существенные недоработки уголовно-правовой политики в сфере защиты здоровья россиян. Оценка степени тяжести нанесенных телесных повреждений должна основываться не столько на продолжительности нетрудоспособности или сроках лечения пострадавшего, сколько на объективном времени нарушения функций организма. Необходимы дальнейшие исследования в данном направлении.

Ключевые слова: здоровье, правовая природа, угроза жизни, нанесенный ущерб, тяжкий вред, объект уголовно-правовой охраны, уголовное законодательство, Российская Федерация

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Ильясов Д.Б., Филимонова Е.А. Понятие и правовая природа категории «здоровье» как объекта уголовно-правовой охраны в Российской Федерации. *Правовой порядок и правовые ценности.* 2026;4(1):50–56. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-50-56>

The Concept and Legal Nature of the Category “Health” as an Object of Protection under the Criminal Law of the Russian Federation

Denis B. Ilyasov , Elena A. Filimonova

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 dilyasov1977@mail.ru

Abstract

Introduction. Health is a fundamental human value, ensuring possibility of a human to exercise his personal rights and freedoms and creating conditions for his harmonious development. In this context, the state legal policy of the Russian Federation is targeted at providing a comprehensive protection of peoples' health. Health of a person is an object of particular protection under the Criminal Law of the Russian Federation; however, crimes that infringe on the physical and mental well-being of citizens have the major share in the number of violent crimes in the country. The article aims to study the concept and legal nature of the category “health” as an object of protection under the Criminal Law.

Materials and Methods. The study was conducted based on the materials published on the official websites of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation, using general and specific scientific methods.

Results. A comprehensive analysis of crimes against health committed in the Russian Federation was conducted, the topical issues in qualifying crimes against health were studied. It was ascertained that, although, protection of health of a person is claimed a priority in the law, in practice, this objective is often inefficiently fulfilled due to the numerous reasons. Inefficient mechanism of damage compensation to the aggrieved citizens is among the significant shortcomings. It was established that these problems stem from the lack of a holistic approach to protection of peoples' health in the Criminal Law.

Discussion and Conclusion. The study revealed significant shortcomings in the Criminal Law with regard to health protection policy of Russian citizens. Assessment of grievousness of bodily harm should base not so much on duration of the incapacity to work period or the length of treatment of a person aggrieved, but rather on the objective duration of impairment of the bodily functions. Further research in this field is required.

Keywords: health, legal nature, threat to life, damage caused, serious harm, object of protection under the Criminal Law, Criminal Law, Russian Federation

Acknowledgements. The authors are grateful to the reviewers for critical assessment of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the enhancement of the article quality.

For Citation. Ilyasov DB, Filimonova EA. The Concept and Legal Nature of the Category “Health” as an Object of Protection under the Criminal Law of the Russian Federation. *Legal Order and Legal Values*. 2026;4(1):50–56. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-50-56>

Введение. Здоровье человека является ключевой социальной ценностью, находящейся под особой защитой уголовного законодательства Российской Федерации. Право на охрану здоровья включено в перечень основных свобод личности, закрепленных и гарантированных Конституцией РФ. Тем не менее преступления, посягающие на физическое и психическое благополучие граждан, составляют значительную часть общего числа противоправных деяний против личности. Согласно официальным статистическим данным Министерства внутренних дел Российской Федерации за 2024 г., в результате преступных действий погибло 29,2 тыс. человек, а тяжкий вред здоровью был причинен 44,9 тыс. граждан¹. В последние десятилетия подобные правонарушения формируют основную часть насильственной преступности в стране. Цель статьи – всестороннее рассмотрение понятия и правовой природы категории «здоровье» как объекта уголовно-правовой охраны в Российской Федерации.

Материалы и методы. Объектом исследования выступают общественные отношения, формирующиеся в процессе реализации уголовно-правовых механизмов защиты здоровья граждан РФ. Источником статистических данных послужили официальные сайты МВД России и Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. Комплексный подход, сочетающий количественные и качественные, общенаучные и специальные научные методы (диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой, уголовно-статистический), позволил

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/> (дата обращения: 20.01.2026).

выявить статистические закономерности, социальный контекст, причины, мотивы совершения преступлений против здоровья.

Результаты исследования. Здоровье является одной из базовых ценностей человеческой жизни. Состояние здоровья человека представляет собой фундаментальное условие полноценного существования и развития личности. Благополучие человека в психическом и физическом отношениях играет ключевую роль в формировании различных аспектов его жизнедеятельности: от способности трудиться и строить межличностные отношения до определения профессиональных целей, интересов и образовательной траектории. В этом контексте государственная правовая политика направлена на всестороннее обеспечение охраны здоровья населения [2]. Защита права на здоровье осуществляется через широкий комплекс юридических инструментов, поскольку данное право традиционно признается одним из важнейших – уступая по значимости лишь праву на жизнь. Так, ст. 41 Конституции РФ гарантирует каждому гражданину доступ к медицинской помощи и охрану здоровья. В свою очередь уголовное законодательство предусматривает специальные меры защиты от нарушений этого права: гл. 16 Уголовного кодекса РФ² (УК РФ) устанавливает ответственность за преступления против жизни и здоровья личности.

В современной уголовно-правовой доктрине подтверждается приоритет зависимости квалификации преступлений от характера и тяжести наступивших последствий для здоровья согласно положениям действующего УК РФ. Основопологающим критерием для определения категории причиненного вреда становится степень их тяжести: тяжелые увечья свидетельствуют о наступлении тяжкого вреда здоровью; менее серьезные характеризуют среднюю тяжесть; минимальные последствия относят к легким случаям ущерба здоровью пострадавшего лица [2]. Квалифицирующие признаки тяжести вреда, причиненного здоровью человека, определены в п. 5 Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, утвержденного Приказом Минздрава России от 08.04.2025 № 172н³.

Кроме того, для корректной уголовно-правовой квалификации противоправных деяний важна комплексная научная трактовка понятия вреда здоровью с позиции юридической доктрины. С позиции уголовного права деяния, связанные с причинением вреда здоровью, характеризуются такими признаками, как общественная опасность совершенного акта, его противоправность и наличие вины субъекта. По определению В.В. Полянской [3], противоправным причинением вреда признается как умышленное действие лица, так и неосторожное поведение по отношению к другому человеку, если оно привело к нарушению целостности или функций органов либо тканей, либо вызвало патологические изменения вследствие механического, физического, химического воздействия или иных факторов (биологических или психогенных). Данное определение позволяет интегрировать клинические критерии повреждений с установленными уголовно-правовыми нормами.

В зависимости от выраженности наступивших последствий все случаи подразделяются на три категории по степени тяжести причиненного вреда [4]. В рамках уголовного законодательства РФ, например, предусмотрена ответственность за умышленное причинение вреда здоровью средней степени тяжести. Согласно ст. 112 УК РФ основными характеристиками преступлений данного рода являются:

- отсутствие тяжелых осложнений либо критических нарушений ключевых физиологических функций;
- снижение трудоспособности в пределах до одной трети от прежнего уровня;
- продолжительность нарушения здоровья без необратимых последствий;
- сохранение жизни потерпевшего вне непосредственной опасности.

Таким образом, при квалификации степени тяжести нанесенного ущерба ключевым моментом становится подтверждение отсутствия у пострадавшего признаков состояний, опасных для жизни, либо других осложнений из числа критериев особо тяжелых травм. Это требует точного знания медицинских показателей: если хотя бы один из них выявляется при анализе случая, он не может быть признан среднетяжелым повреждением здоровья [5].

Для квалификации телесных повреждений как тяжких применяются следующие критерии:

- возникновение психических расстройств вследствие травмы;
- полная потеря возможности осуществлять профессиональную деятельность;
- формирование зависимости от наркотических, токсических или иных веществ после травматического воздействия;
- развитие патологий, угрожающих жизни пострадавшего;
- вынужденное медицинское прерывание беременности вследствие полученных повреждений;
- стойкая утрата работоспособности не менее чем на одну треть по сравнению с исходным уровнем до травмы;
- выраженное и невосстановимое обезображивание лица потерпевшего;

² Уголовный кодекс Российской Федерации. Кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891&ysclid=mmeqrw1s8s519519524> (дата обращения: 15.01.2026).

³ Об утверждении Порядка определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека. Приказ Минздрава России № 172н от 08.04.2025. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412007356/> (дата обращения: 20.01.2026).

– необратимая утрата способности видеть, слышать, говорить либо невозможность функционирования какого-либо органа.

Одним из важнейших признаков тяжкого вреда (ч. 1 ст. 111 УК РФ) является наличие явной угрозы для жизни при получении травмы. К состояниям с высокой опасностью относятся массивные кровотечения, тяжелый шок, проникающие ранения головы, грудины, брюшной полости или гортани, ожоги третьей-четвертой степени, значительные разрушения крупных кровеносных сосудов и открытые переломы длинных трубчатых костей [6]. Если сразу после получения травмы диагностируется хотя бы один из перечисленных признаков непосредственной угрозы жизни, такое повреждение всегда квалифицируется как причинение тяжкого вреда здоровью. Важно отметить: экспертная оценка проводится исключительно по состоянию пациента в момент получения травмы – даже если последующие медико-хирургические вмешательства устранили угрозу или спасли пострадавшего от серьезных негативных последствий. Например, любое проникающее ранение брюшины подлежит квалификации как тяжкий вред здоровью независимо от того, привело ли оно к дополнительным осложнениям либо было успешно вылечено без остаточных проявлений.

При отсутствии обстоятельств, указывающих на непосредственную угрозу жизни, событие квалифицируется как причинение вреда здоровью средней степени тяжести. В данном случае важно учитывать не только отсутствие жизнеопасных состояний, но и отсутствие последствий, связанных с необратимой дисфункцией внутренних органов, безвозвратной утратой способности к речевому общению, а также невозможностью слышать или видеть в соответствии с утвержденным перечнем критериев. Иными словами, диагноз не должен фиксировать необратимое разрушение органа с полной потерей его физиологических функций, устойчивое нарушение артикуляции либо абсолютную утрату зрительных и слуховых функций [7].

Под понятием «утрата органа или его функций» понимается исключение данного органа из системного функционирования организма вследствие полной ампутации либо необратимого выключения; при этом временное ограничение работы того или иного органа не признается признаком тяжелого вреда здоровью. Критерием потери зрения считается снижение остроты зрения до 0,02 и ниже – это охватывает случаи не только абсолютной слепоты обоих глаз. Персистирующая потеря слуховой функции определяется неспособностью различать речь даже на близком расстоянии (3–5 см от ушной раковины), что включает полную глухоту обоих ушей. Стойкое нарушение речевой функции подразумевает как афонию (полную невозможность голосового общения), так и стабильное состояние неспособности ясно выражать свои мысли в доступной для понимания форме.

Ампутация пальцев рук с точки зрения уголовного права рассматривается как причинение вреда средней тяжести. Однако в ситуациях, когда вследствие травмы пострадавший не может продолжать профессиональную деятельность (например, при утрате пальца у музыканта), причиненный вред квалифицируется как полная утрата трудоспособности по данной специальности и расценивается как тяжкий. При правовой оценке таких случаев необходимо установить, осознавал ли виновный характер своих действий и предвидел ли последствия для профессиональной реализации потерпевшего [8].

Особое внимание уделяется анализу умышленного прерывания беременности лицом, которое было четко осведомлено о факте беременности женщины. В подобных обстоятельствах такие действия рассматриваются как преступление с признаками тяжкого вреда здоровью независимо от срока беременности.

Психические расстройства, возникшие вследствие противоправных деяний, также могут свидетельствовать о наличии состава преступления по факту причинения тяжкого вреда здоровью. Для подтверждения или опровержения таких нарушений проводится судебно-психиатрическая или судебно-медицинская экспертиза профильными специалистами.

К признакам особо тяжкого вреда относят случаи формирования наркомании или токсикомании у пострадавшего. Наркомания представляет собой патологическую зависимость от наркотических веществ, а токсикомания характеризуется тягой к немедицинским препаратам или химическим соединениям (например, определенным медикаментам либо растворителям). Эти заболевания могут возникнуть вследствие насильственного введения психоактивных веществ; окончательный диагноз ставят врачи-наркологи по результатам комплексных исследований и экспертных заключений [9].

Связь между развитием заболевания и нанесенными повреждениями требует специального установления причинно-следственных связей при проведении судебно-медицинской экспертизы⁴.

Значимым последствием причинения тяжкого вреда здоровью следует назвать устойчивое обезображивание лица. Под этим понимается такое изменение внешности, которое невозможно устранить без хирургического вмешательства, при котором облик приобретает явно непривлекательные или даже отталкивающие черты: глубокие

⁴ Министерство внутренних дел Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/60248328/> (дата обращения: 20.01.2026).

шрамы после термических или химических ожогов, утрата частей лица (например, носа, ушных раковин либо глазных яблок), а также заметные рубцы после травмирующих воздействий. Закон выделяет две ключевые составляющие данного критерия: медицинскую (повреждение не устраняется стандартными лечебными методами и сохраняется без хирургического вмешательства) и эстетическую (внешний вид меняется настолько существенно, что вызывает у окружающих отрицательные эмоции или страх). В.В. Полянская подчеркивает оценочный характер этого вопроса: решение о наличии признаков обезображивания принимает суд с учетом устоявшихся представлений о норме человеческой внешности – учитываются как обстоятельства дела в целом, так и мнения участников процесса, включая потерпевшего. Судебно-медицинский эксперт ограничивается установлением необратимости изменений – он не дает социальной оценки степени визуального воздействия. Таким образом, определение факта неизгладимого обезображивания выходит за рамки компетенции врача-эксперта – его задача состоит лишь в выяснении возможности восстановления поврежденных тканей без пластической операции. Итоговая правовая квалификация изменений внешности принадлежит судебным органам.

Для иллюстрации описанного подхода рассмотрим конкретное уголовное дело против Ф., которому предъявлялось обвинение по п. «з» ч. 2 ст. 111 УК РФ за умышленное причинение Б. телесных повреждений тяжелой степени: в результате травмы потерпевший лишился части ушной раковины слева из-за образования рубцовой ткани. Судебно-медицинский эксперт установил невозможность естественного восстановления – дефект мог быть устранен только оперативным вмешательством. Несмотря на это суд переквалифицировал содеянное на менее тяжкое деяние (п. «з» ч. 2 ст. 112 УК РФ) ввиду отсутствия убедительных доказательств того, что ущерб существенно влияет на восприятие внешности потерпевшего окружающими [10].

Обобщая следственно-судебную практику, можно отметить: если необратимость лицевых повреждений подтверждена экспертом, органы следствия обычно квалифицируют действия как причинение тяжкого вреда здоровью, однако окончательное решение принадлежит суду – именно он определяет границы между средней и тяжелой степенью ущерба.

К ключевым признакам среднего вреда здоровью относятся:

- отсутствие непосредственной угрозы жизни пострадавшему;
- отсутствие последствий из перечня ст. 111 УК РФ (например, потери основных органов чувств либо выраженных нарушений их функций);
- отсутствие жизненной опасности для жертвы.

Временное расстройство здоровья считается продолжительным при нетрудоспособности свыше 21 дня подряд. По мнению В.В. Сверчкова [11], типичными примерами такого рода травм являются ампутация большого или второго пальца кисти руки, отдельные переломы мелких костей скелета, односторонняя потеря слуха, вывихи суставов конечностей и аналогичные телесные повреждения [12].

Таким образом, несмотря на провозглашенную законодателем приоритетную роль охраны здоровья личности как объекта уголовно-правовых гарантий, на практике эта задача часто реализуется недостаточно эффективно: наблюдается слабая связь с общественными реалиями и прослеживается тенденция излишней гуманизации норм уголовного права. К числу значимых недостатков также относится неэффективный механизм компенсации ущерба пострадавшим гражданам. Корень подобных проблем заключается в отсутствии целостной уголовно-правовой политики в сфере защиты здоровья населения [13].

Обсуждение и заключение. В ходе исследования выявлены существенные недоработки уголовно-правовой политики в сфере защиты здоровья граждан Российской Федерации. По нашему мнению, оценка степени тяжести нанесенных телесных повреждений должна основываться не столько на продолжительности нетрудоспособности или сроках лечения пострадавшего, сколько на объективном времени нарушения функций организма. Это время должно определяться фактическим состоянием потерпевшего и периодом восстановления его здоровья до полного выздоровления. Необходимы дальнейшие исследования в данном направлении с целью разработки рекомендаций по улучшению законодательства.

Список литературы / References

1. Абдугафоров Б., Евстратова Ю.А. Актуальные проблемы теории и практики квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью. В: *Приложение к юридическому вестнику. Санкт-Петербургский военный институт внутренних войск МВД России. Сборник статей. Выпуск 2.* Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий «Астерион»; 2016. С. 53–56.

Abdugaforov B, Evstratova YuA. Topical Issues in the Theory and Practice of Qualifying Intentional Infliction of Grievous Bodily Harm. In: *Supplement to the Law Bulletin. St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Collection of Articles. Issue 2.* St. Petersburg: Scientific and Information Technology Center “Asterion”; 2016. P. 53–56. (In Russ.)

2. Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Механизм уголовно-правового регулирования преступлений против жизни и здоровья в истории российского права. *Lex russica (Русский закон)*. 2018;(10(143)):157–165.
Avdeev VA, Avdeeva EV. Mechanism of Criminal Legal Regulation of Crimes against Life and Health in the History of Russian Law. *Lex Russica (Russian Law)*. 2018;(10(143)):157–165. (In Russ.)
3. Полянская В.В. Понятие «тяжкий вред здоровью» и его признаки в действующем УК РФ. В: Ткачева Е.П. (общ. ред.). *Труды Международной научно-практической конференции «Трансформация социально-гуманитарного знания в условиях цифрового общества»: в 2-х частях*. Белгород: ООО «Агентство перспективных научных исследований»; 2018. С. 65–67.
Polyanskaya VV. The Concept of “Grivous Bodily Harm” and Its Attributes in the Acting Criminal Code of the Russian Federation. In: Tkacheva EP (Ed.). *Proceedings of International Scientific and Practical Conference “Transformation of Social and Humanitarian Knowledge in the Context of a Digital Society” in 2 Parts*. Belgorod: “Agentstvo perspektivnyh nauchnyh issledovanij” LLC; 2018. P. 65–67. (In Russ.)
4. Безверхов А.Г., Норвартян Ю.С. *Ответственность за преступления против здоровья по современному уголовному праву России: учебное пособие*. Самара; 2018. 168 с.
Bezverkhov AG, Norvartyan YuS. *Responsibility for Crimes against Health under Modern Criminal Law of Russia: A Textbook*. Samara; 2018. 168 p. (In Russ.)
5. Голенко Д.В. *Преступления против жизни и здоровья*. Самара; 2019. 140 с.
Golenko DV. *Crimes against Life and Health*. Samara; 2019. 140 p. (In Russ.)
6. Исакова Ю.И. Формирование гражданского контроля в контексте взаимодействия общества и власти в России. *Гуманитарий Юга России*. 2015;(4):51–57.
Isakova YuI. The Formation of Civil Control in the Context of Interaction between the Society and the Authorities in Russia. *Humanities of the South of Russia*. 2015;(4):51–57. (In Russ.)
7. Казакова В.А. Преступления против здоровья ненасильственного характера. *Пробелы в российском законодательстве*. 2018;(6):135–143.
Kazakova VA. Crimes of Non-Violent Character against Health. *Gaps in Russian Legislation*. 2018;(6):135–143. (In Russ.)
8. Козлов А.В. Преступления против жизни и здоровья: основные правоприменительные проблемы. *Новый юридический вестник*. 2020;(7(21)):50–54.
Kozlov AV. Crimes against Life and Health: Main Problems in Law Enforcement. *Novyi yuridicheskii vestnik (New Legal Bulletin)*. 2020;(7(21)):50–54. (In Russ.)
9. Гостькова Д.Ж. *Квалифицирующие признаки субъективной стороны преступлений против жизни и здоровья: монография*. Москва; 2019. 168 с.
Gostkova DZh. *Qualifying Features of the Subjective Side of Crimes against Life and Health: Monograph*. Moscow; 2019. 168 p. (In Russ.)
10. Вахитова Д.Р., Халитова Р.Р., Медведева И.А. Неоказание помощи больному. *Экономика и социум*. 2017;(5–1(36)):244–246.
Vakhitova DR., Halitova RR, Medvedeva IA. Failure to Render Assistance to a Patient. *Ehkonomika i sotsium (Economy and Society)*. 2017;(5–1(36)):244–246. (In Russ.)
11. Сверчков В.В. *Преступления против жизни и здоровья человека: учебное пособие*. Москва; 2019. 172 с.
Sverchkov VV. *Crimes against Human Life and Health: A Textbook*. Moscow; 2019. 172 p. (In Russ.)
12. Лавринович Е.А. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью. *Вестник магистратуры*. 2017;(10(73)):113–115.
Lavrinovich EA. Intentional Infliction of Grievous Bodily Harm. *Vestnik magistratury (Magistracy Bulletin)*. 2017;(10(73)):113–115. (In Russ.)
13. Муродов Б.Б., Есимбетова Б.Е. Сравнительно-правовой анализ норм законодательства, связанных с преступлениями против здоровья. *Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования*. 2020;2(1(2)):33–39.
Murodov BB, Esimbetova BE. Comparative Legal Analysis of Legislation Related to Crimes against Health. *Sovremennoe ugolovno-protsessual'noe pravo –uroki istorii i problemy dal'neishego reformirovaniya (Modern Criminal Procedural Law – Lessons of History and Problems of Further Reform)*. 2020;2(1(2)):33–39. (In Russ.)

Об авторах:

Денис Борисович Ильясов, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), dilyasov1977@mail.ru

Елена Александровна Филимонова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Теория и история государства и права» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), lenarnd1008@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

Д.Б. Ильясов: формирование основной концепции, подготовка текста, формирование выводов.

Е.А. Филимонова: анализ результатов исследований, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Denis B. Ilyasov, Cand.Sci. (Law), Associate Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarina Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), dilyasov1977@mail.ru

Elena A. Filimonova, Cand.Sci. (Law), Associate Professor of the Theory and History of the State and Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), lenarnd1008@mail.ru

Claimed Contributorship:

DB Ilyasov: formulating the main concept, preparing the text, formulating conclusions.

EA Filimonova: analysis of research results, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 10.02.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 02.03.2026

Принята к публикации / Accepted 11.03.2026

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LAW SCIENCES

Оригинальное теоретическое исследование

УДК 343.3/.7

<https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-57-65>

EDN: ZXDXWC

Преступления экологической направленности в России: проблемы квалификации

А.Ж. Киселева , А.С. Петренко

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

 takyin_d@mail.ru

Аннотация

Введение. В настоящее время как в природоохранном, так и в уголовном законодательстве Российской Федерации отсутствует легальное определение «экологического преступления», что, в свою очередь, способствует неоднородности судебных позиций при вынесении приговоров по уголовным делам данной категории. Актуальность исследования обусловлена тем, что, несмотря на комплексную регламентацию общественных отношений в анализируемой сфере и активную позицию правоприменителя в лице Верховного Суда РФ, практика по-прежнему остается неоднозначной: существуют проблемы в определении вреда, причиненного экологическими преступлениями, ввиду оценочного характера используемых законодателем понятий; имеются также сложности в установлении причинно-следственной связи между деянием и общественно опасными последствиями, поскольку негативное воздействие на окружающую среду может привести к так называемым «отложенным последствиям». Целью данной работы является исследование имеющихся в России проблем при квалификации преступлений против природы и обоснование необходимости четкого определения понятий «предмет» и «объект» экологических преступлений.

Материалы и методы. В ходе исследования использовались как общенаучные методы (анализ и синтез, диалектический метод), так и специальные юридические методы, в том числе формально-логический, историко-правовой, синергетический. Были изучены и обобщены практики применения законодательства, проведен анализ статистических данных.

Результаты исследования. Доказана необходимость четкого определения понятий «предмет» и «объект» экологических преступлений в законодательстве РФ. Сформулировано понятие экологических преступлений с учетом анализа мнений исследователей в этой сфере. Обоснована возможность классификации экологических преступлений по предмету и объекту посягательств. Выявлены трудности в разграничении уголовно-наказуемого негативного воздействия на окружающую среду и административных правонарушений этого вида, а также оценочный характер общественно опасных последствий и сложности в установлении причинно-следственной связи между причиненным вредом и наступившими последствиями.

Обсуждение и заключение. Сложившаяся на сегодняшний день в России судебная практика в области экологических преступлений наглядно демонстрирует наличие глубоких системных проблем, возникающих в процессе квалификации правонарушений. Ситуация значительно осложняется тем, что законодатель при описании общественно опасных последствий активно использует оценочные категории, лишённые строгих количественных параметров. Подобный подход неизбежно влечет за собой неоднородность практики привлечения к уголовной ответственности, делая ее в ряде случаев крайне противоречивой даже в рамках схожих по обстоятельствам дел. Кроме того, серьезным препятствием для эффективного осуществления правосудия выступают значительные трудности при установлении прямой причинно-следственной связи между совершенным деянием и наступившим результатом. Проведенное исследование представляется значимым для дальнейших исследований, а также совершенствования законодательства РФ и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: экологические преступления, Российская Федерация, квалификация преступлений, экологический ущерб, уголовная ответственность, причинно-следственная связь, экологическая безопасность

Благодарности. Авторы выражают благодарность рецензентам, чья критическая оценка материалов и предложения по их совершенствованию способствовали значительному повышению качества статьи.

Для цитирования. Киселева А.Ж., Петренко А.С. Преступления экологической направленности в России: проблемы квалификации. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2026;4(1):57–65. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-57-65>

Original Theoretical Research

Environmental Crimes in Russia: Problems of Qualification

Anna Zh. Kiseleva , Antonina S. Petrenko

Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation

 takyin_d@mail.ru

Abstract

Introduction. At present, legal definition of the “environmental crime” is missing both in the Environmental and Criminal Laws of the Russian Federation, which, in turn, contributes to the non-uniformity of sentences passed within criminal cases of the category under study. Despite the comprehensive regulation of the social relations in this field and an active role of the Supreme Court of the Russian Federation in legal enforcement, there still remains ambiguity in practical application, which explains the relevance of the present study. There are problems in determining the damage caused by environmental crimes due to the evaluative nature of the categories used in legislation. There are also difficulties in establishing a causation between the action and its socially dangerous consequences due to the possibility of negative environmental impacts to have the so-called “deferred consequences”. The study aims to investigate the problems existing in Russia with regard to qualification of crimes against nature and to substantiate the need for providing a clear definition of the concepts of the “subject” and “object” of the environmental crimes.

Materials and Methods. The study was conducted using both general scientific methods (analysis and synthesis, dialectical method) and specific legal methods, including dogmatic-logical, historical-legal, and synergetic methods. Law enforcement practices were studied and generalized, and statistical data were analysed.

Results. The need for a clear definition of the concepts of the “subject” and “object” of the environmental crime in the Russian law has been substantiated. The concept of the “environmental crime” has been formulated based on the analysis of viewpoints of the scholars conducting research in this field. The possibility of classifying environmental crimes by the subject and object of the crime has been substantiated. The difficulties in distinguishing between the criminally punitive negative impacts on the environment and administrative offenses of this type have been revealed. The evaluative nature of socially dangerous consequences and problems in establishing a causation between the harm caused and the ensuing consequences have been acknowledged.

Discussion and Conclusion. Currently existing in Russia court practices in the field of environmental crimes clearly demonstrate deep systemic problems in qualification of offenses. The situation gets much complicated due to the active application in legislation of the evaluative categories, which lack strict quantitative parameters in description of the socially dangerous consequences. Such an approach inevitably entails non-uniformity in the practice of criminal prosecution, making it extremely controversial even within the cases with similar circumstances. Furthermore, efficient administration of justice is hindered significantly due to the difficulties in establishing a direct causation between the committed action and the resulting outcome. The present study is valuable for further research and for improvement of the legislation and law enforcement in the Russian Federation.

Keywords: environmental crimes, the Russian Federation, qualification of crimes, environmental damage, criminal liability, causation, environmental safety

Acknowledgments. The authors are grateful to the reviewers for critical evaluation of the materials and suggestions for their improvement that contributed to the significant enhancement of the quality of the article.

For Citation. Kiseleva AZh, Petrenko AS. Environmental Crimes in Russia: Problems of Qualification. *Legal Order and Legal Values*. 2026;4(1):57–65. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2026-4-1-57-65>

Введение. Здоровая окружающая среда является одним из ключевых факторов благополучного существования государства, общества и отдельного человека. Национальная безопасность и стабильное экономическое раз-

вите любого государственного образования всегда базируются на природных ресурсах и благоприятной экологической обстановке, и в Российской Федерации их сохранение выступает одним из приоритетных направлений деятельности уполномоченных органов государственной власти и местного самоуправления [1].

Современная действительность и статистические данные говорят о хрупкости экосистемы. Ежегодный рост числа экологических правонарушений свидетельствует о мощном антропогенном влиянии на атмосферу, водные объекты, почвенный покров. Кроме того, факты незаконного обращения с отходами производства и потребления из года в год становятся все более распространенными. В свете изложенного меры уголовно-правового воздействия, хоть и являются крайним средством, приобретают особую актуальность и значимость ввиду последствий, которые наступают в результате неправомерного вмешательства в естественный процесс существования окружающей среды.

Охрана окружающей среды уголовно-правовыми методами занимает особое место в системе мер обеспечения экологической безопасности нашей страны. Преступления, посягающие на окружающую природную среду, зафиксированы в гл. 26 Уголовного кодекса РФ (УК РФ). Данные деяния (по сути) направлены на причинение ущерба многогранному комплексу общественных отношений, складывающихся из различных сфер взаимодействия человека и экосистемы. Такие отношения связаны в первую очередь с охраной природы и рациональным природопользованием, а также защитой жизни и здоровья населения от негативных последствий воздействия технологического процесса на природную среду [2].

Обращаясь к истории развития нормативной регламентации уголовно-правой охраны в данной области, можно отметить, что первые меры ответственности за преступления против природы в современном понимании этого определения прослеживаются в самых ранних законодательных актах. К примеру, в «Русской правде» имелась санкция в виде штрафа за незаконную добычу или кражу бобра, который считался «княжеской собственностью». В более поздних источниках имелись аналогичные нормы, определяющие ответственность за преступления экологической направленности. При этом особое внимание уделялось незаконной охоте и рыболовству – подобные деяния, как правило, относились к преступным посягательствам на государственную или общинную собственность. Совокупность санкций за такие посягательства представляла собой систему наказаний имущественного характера и была достаточно четко дифференцирована в зависимости от последствий и сословной принадлежности «преступника». Таким образом, даже на начальном этапе правового регулирования можно увидеть зачатки разделения составов на простые и квалифицированные.

В советский период первый значимый шаг по систематизации анализируемых деяний был предпринят в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. Данные деяния были отнесены к разделу, регламентирующему уголовную ответственность за нарушение порядка и правил охраны здоровья и госпреступления. Кодекс содержал такие составы, как незаконная охота, рубка леса, сокрытие информации об эпизоотиях, незаконная добыча полезных ископаемых и т. д. В УК РСФСР 1960 г. экологические преступления были распределены по различным главам и имели в основном отсылочный характер, квалифицировались они главным образом по их воздействию на здоровье людей и хозяйственную деятельность. Подобное положение приводило к тому, что правоприменителю приходилось обращаться к множеству подзаконных актов для установления объективной стороны преступного деяния.

Значительные изменения в нашем государстве после распада СССР потребовали пересмотра практически всей действовавшей в то время нормативной базы. Безусловно, это коснулось и вопросов регламентации взаимоотношений по поводу сохранности природной среды. В этот период был принят комплексный нормативный правовой акт – Закон РСФСР от 19.12.1991 № 2060-1 «Об охране окружающей природной среды» (утратил силу в 2001 г.), в котором законодатель дал определение термину «экологические преступления», а также закрепил юридическую ответственность за их совершение [3]. В частности, к ним закон отнес «общественно опасные деяния, посягающие на установленный в Российской Федерации экологический правопорядок, экологическую безопасность общества и причиняющие вред окружающей природной среде и здоровью человека»¹.

При принятии действующего УК РФ (1996 г.) законодатель систематизировал составы исследуемых преступлений, поместив их отдельно в гл. 26. Между тем, определение термина «экологические преступления» утратило свое легальное значение ввиду его отсутствия и в уголовном, и в экологическом законодательстве.

На современном этапе законодатель достаточно комплексно обеспечил нормативной регламентацией такие отношения, а правоприменитель в лице Верховного Суда РФ сформировал необходимые разъяснения для детального применения этих норм в практической плоскости [4]. Однако стоит отметить, что, несмотря на наличие специального нормативного регулирования и разъяснений Верховного Суда РФ, правоприменительная практика по делам об экологических преступлениях остается неоднородной. Существенная часть ошибок квалификации связана с установлением преступных последствий, которые, как правило, выступают обязательной составляющей

¹ Об охране окружающей природной среды. Закон РСФСР № 2060-1 от 19.12.1991 (утратил силу). URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102013669&rdk=&link_id=4 (дата обращения: 12.01.2026).

объективной стороны деяния и одновременно служат критерием разграничения уголовной и административной ответственности [5]. Проблемы в этой части обусловлены, как нам представляется, еще и тем, что последствия в законе определены оценочными понятиями (к примеру, «массовая гибель животных», «существенный вред окружающей среде»), для которых не закреплены количественные характеристики.

Целью нашего исследования является анализ теоретических и правоприменительных аспектов уголовной ответственности за экологические преступления, необходимый для совершенствования законодательства и правоприменительной практики в Российской Федерации. В частности, мы планируем исследовать проблему квалификации преступлений против природы и обосновать необходимость четкого определения понятий «предмет» и «объект» экологических преступлений.

Материалы и методы. Теоретическая основа данной работы представлена исследованиями современных российских ученых [3–8]. Эмпирическую базу составляют нормы уголовного и экологического законодательства РФ, статистическая информация МВД РФ, правовая позиция Пленума Верховного Суда РФ, а также материалы судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных гл. 26 УК РФ. В рамках анализа применены как общие, так и специальные методы исследования. Диалектический метод познания использован как основной, дополнительными выступили: общенаучный метод анализа и синтеза, системный и структурно-функциональный методы; специальные юридические методы (формально-юридический, историко-правовой, синергетический); эмпирические методы (изучение и обобщение практики применения законодательства, анализ статистических данных).

Результаты исследования. Анализ судебной статистики по экологическим преступлениям за 2024 г. показал, что в этом периоде было возбуждено 4,2 тыс. уголовных дел, по которым были осуждены 1,6 тыс. человек. При этом в данных показателях прослеживается четкое преобладание таких составов преступлений, как незаконная рубка леса, браконьерство и т. д., на которые приходится 94 % осужденных. Вместе с тем нормы о загрязнении окружающей среды (вод, атмосферы, морской среды) практически не применялись: количество осужденных по статьям 247–255 УК РФ в общей массе близко к нулю, в то время как за этот же период уполномоченными органами было выявлено более 3,2 тыс. фактов загрязнений. Также отмечается достаточно высокая латентность преступных деяний, обусловленных негативным влиянием на природу: более 70 % таких деяний не регистрируется из-за распространенной практики возбуждения административных дел вместо уголовных. Очень часто уголовные дела, преступления по которым совершены впервые, прекращаются на основании ст. 76.2 УК РФ² с назначением судебного штрафа или переqualифицируются в соответствующие административные составы.

На наш взгляд, подобные перекосы в уголовно-судебной практике обусловлены, помимо прочих причин, используемой законодателем конструкцией последствий в виде оценочных понятий. Свою лепту в разнородность судебной практики внесли также отсутствие нормативного определения термина «экологическое преступление», проблемы при определении предмета и объекта преступлений данного вида, а также сложности в доказывании причинно-следственной связи между деянием лица и наступившим вредом для окружающей природной среды.

По вопросу определения понятия экологических преступлений в научной среде существует дискуссия. Как отмечает Н.Г. Иванов, в гл. 26 УК РФ все составы сформулированы нормами отсылочного характера, поэтому наступление ответственности всегда обусловлено правовым регулированием многочисленных и иногда вступающих в противоречие между собой нормативных актов федерального и регионального уровня [9]. В этой связи определение термина «экологические преступления» требует изучения сформировавшихся позиций ученых-юристов об объекте исследуемой категории преступлений. В целом, в научной литературе сформировано три основных концепции понимания объекта преступных посягательств. Во-первых, это позиция, сформулированная в советский период и считавшаяся основной до 80-х годов прошлого века, которая сводила понятие объекта к компонентам природы (т. е. к конкретным объектам или ресурсам – животному миру, почве, лесу, воде и т. д.). Во-вторых, это нормативно-инструментальная концепция, согласно которой объектом будет выступать именно нарушение природоохранных норм и правил, а не конкретный природный объект или ресурс. Указанная позиция неоднократно подвергалась критике, поскольку в данном случае обесценивается конституционное право на благоприятную окружающую среду. И в-третьих, концепция, которая собственно и нашла отражение в действующем УК РФ: объектом выступает именно комплекс правоотношений, связанных с обеспечением экологической безопасности, сохранением природных объектов, животного мира и водных биоресурсов [7].

А.А. Морозов, к примеру, отмечает, что экологическое преступление – общественно опасное, виновное и наказуемое деяние. При этом указанное деяние посягает на общественные отношения, складывающиеся по поводу сохранения экологической безопасности и благоприятной окружающей природной среды [10]. При этом, как нам представляется, в Особенной части УК РФ в части регламентации уголовной ответственности имеются

² Уголовный кодекс Российской Федерации. Кодекс Российской Федерации № 63-ФЗ от 13.06.1996. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102041891> (дата обращения: 12.01.2026).

некоторые несоответствия. Так, глава «Экологические преступления» включена законодателем в раздел о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка. Соответственно, родовым объектом анализируемых деяний являются общественный порядок и общественная безопасность, а не права, интересы и общественные отношения, связанные с сохранением природной среды. Экологические отношения являются видовым объектом уголовно-правовой охраны, включенного в более широкий родовой объект. При этом Конституция РФ определяет природные ресурсы как основу жизни и деятельности людей, а также закрепляет право каждого на благоприятную окружающую среду и возмещение ущерба, возникшего в связи с совершением экологического правонарушения³. Поэтому совершенно справедливо, на наш взгляд, мнение о необходимости легального закрепления понятия экологических преступлений для более четкого определения, что можно относить к данному виду деяний. В этой связи для нас близка позиция З.А. Умирбаевой, отмечающей, что закрепленное определение объекта экологического преступления является «примером тактики «вынужденного» компромисса, посредством которого ученые-юристы пытаются сгладить недоработки и противоречия, содержащиеся в уголовном законодательстве по рассматриваемому вопросу» [11].

С учетом изложенного представляется, что объектом экологических преступлений выступают общественные отношения, возникающие по поводу обеспечения экологической безопасности, рационального использования природных ресурсов и обеспечения охраны окружающей среды.

Далее для выведения обобщенного понятия экологических преступлений необходимо определиться с тем, что является собой предмет деяний данного вида. Предмет экологических преступлений характеризуется определенными признаками. Так, он должен существовать в материальном мире в качестве элемента природной среды (например, биоресурсы, почвенный покров, водные объекты и т. д.). При этом предмет должен обладать экологической значимостью, допустим, это может быть ресурсный потенциал или экологическая ценность. Предмет преступного посягательства в данной сфере также должен быть подвергнут юридической регламентации, т. е. значимость этого предмета должна быть закреплена законодательно с помощью установления обязательных требований (к примеру, классы опасности отходов, допустимые нормативы выбросов и т. д.) [12]. В этой связи, мы полагаем, что предметом анализируемых деяний является объект природного мира – как элемент окружающей среды, сохранение которого выступает основой жизнедеятельности населения, закрепленный в качестве такового в природоохранном законодательстве.

Исходя из проведенного анализа нами предлагается следующее определение термина «экологическое преступление». Это общественно опасное, виновное и уголовно-наказуемое деяние, причиняющее вред общественным отношениям, возникающим по поводу обеспечения экологической безопасности, рационального использования природных ресурсов и обеспечения охраны окружающей среды.

Кроме того, мы предлагаем классифицировать данный вид деяний в зависимости от предмета и объекта посягательств. Так, по объекту данные деяния могут быть разделены на следующие группы (в зависимости от того, на какую разновидность общественных отношений они посягают):

– во-первых, это деяния, посягающие на экологическое благополучие. Они совершаются в рамках правомерной деятельности тех или иных субъектов хозяйствования, но при этом имеет место нарушение обязательных правил природопользования. В результате таких нарушений ущерб может быть нанесен как природным компонентам, так и человеку;

– во-вторых, это преступления, связанные с нарушением правил экологической безопасности. Отграничивающим признаком является то, что эти преступления совершаются в условиях законодательного ограниченного доступа пользователей к эксплуатации природных объектов или территорий ввиду наличия вероятности наступления неблагоприятных последствий как для человека, так и для природы;

– в-третьих, можно выделить деяния, совершаемые с целью извлечения прибыли или уменьшения собственных затрат, обусловленные нарушением требований природоохранного законодательства и причиняющие вред природным ресурсам определенного свойства [13].

Классификация по предмету посягательства наиболее приближена к структуре УК РФ. Фактически данная классификация обусловлена тем, на какой конкретно ресурс, объект или компонент экосистемы совершается посягательство. Так, статьи 250–255 УК РФ закрепляют санкции за преступные действия или бездействие в отношении отдельных компонентов природной среды (вода, воздух, почва, недра). Далее, анализируя составы преступлений из гл. 26, можно их условно разделить на посягательства против фауны, флоры, континентального шельфа или исключительной экономической зоны, особо охраняемых природных объектов и территорий. Деяния, санкция за которые установлена статьями 246–249 УК РФ, имеют своим предметом здоровье населения и

³ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 12.01.2026).

отдельные природные компоненты или ресурсы. В науке также имеют место и другие классификации преступлений данного вида, однако, на наш взгляд, с учетом специфики посягательств, приведенная классификация является более практикоориентированной.

Еще одной немаловажной проблемой выступают трудности в доказывании причинно-следственной связи между деянием лица (или лиц) и наступившими последствиями. Предусмотренный в большинстве составов экологических преступлений оценочный характер таких последствий, как «существенный вред окружающей среде», «массовая гибель животных», «иные тяжкие последствия», а также сложность причинно-следственных связей в экологической сфере обуславливают необходимость дальнейшего научного анализа данной проблемы. В уголовно-правовой доктрине общественно опасные последствия традиционно рассматриваются как негативные изменения в объекте уголовно-правовой охраны, находящиеся в причинной связи с противоправным деянием. В экологических преступлениях данная категория приобретает особую значимость, поскольку именно последствия придают нарушению экологических требований уголовно-правовой характер.

Специфика экологических преступлений заключается в многоаспектности и междисциплинарности последствий. Вред может выражаться не только в физическом ухудшении состояния природных объектов, но и в нарушении экологических функций экосистем, снижении их способности к самовосстановлению, а также в создании угрозы здоровью населения. В этой связи обоснованной представляется позиция ученых, указывающих на недопустимость формального подхода к оценке последствий без учета их характера, устойчивости и масштабов.

Показательной является правовая позиция, изложенная в постановлении Второго кассационного суда общей юрисдикции от 28.03.2023 № 77-1118/2023, где суд отменил обвинительный приговор по ст. 246 УК РФ, указав, что наступление тяжких последствий не доказано, т. к. судом первой и апелляционной инстанций не исследованы материалы дела, подтверждающие причинение окружающей среде существенного вреда⁴.

Важным является разграничение понятий экологического вреда и общественно опасных последствий [14]. Экологический вред как межотраслевая категория фиксирует сам факт негативного воздействия на окружающую среду, тогда как общественно опасные последствия влекут за собой уголовно-правовую оценку такого воздействия, соотношенную с признаками конкретного состава преступления. Рассматривая особенности установления последствий по составам экологических преступлений, приведем в качестве примера ст. 247 и ст. 254 УК РФ. По делам о нарушении правил обращения экологически опасных веществ и отходов (ст. 247 УК РФ) уголовно-правовое значение может иметь как наступление вредных последствий, так и создание угрозы их причинения. При этом угроза должна быть конкретной и объективно подтвержденной. Абстрактная возможность наступления вреда не образует основания для уголовной ответственности, что требует тщательного анализа свойств опасных веществ и условий их обращения. Более того, центральным элементом диспозиции данной нормы является термин «обращение». В данном контексте «обращение» понимается в широком смысле и включает любые манипуляции с радиоактивными, химическими или бактериологическими веществами и отходами, а также их хранение и транспортировку. Подобные действия создают реальную угрозу негативных последствий, например, вред здоровью человека или массовую гибель животных. Ключевые уголовно-правовые разъяснения по данному составу отражены в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 октября 2012 г. № 21. Судам разъяснено, что при квалификации преступлений по ч. 2 или ч. 3 ст. 247 УК РФ, нужно учитывать, что в первом случае деяние имеет место быть только при неосторожной форме вины, а во втором – может быть как умышленным, так и неосторожным.

Кроме того, определено, что «вред здоровью» означает его причинение одному или нескольким лицам независимо от степени тяжести, а под «угрозой причинения существенного вреда» следует понимать ситуации, при которых преступные последствия обязательно наступили бы, если бы не были предотвращены целенаправленными действиями или событиями, не связанными волей правонарушителя. Т. е. такая угроза должна быть обусловлена конкретной и реальной опасностью⁵.

Порча земли (ст. 254 УК РФ) предполагает установление устойчивого ухудшения качества почв или снижения их плодородия. Временное загрязнение, не повлекшее долгосрочных негативных изменений, не образует состава преступления. Ключевое значение имеют результаты почвенных и агрохимических исследований, позволяющие оценить возможность дальнейшего использования земельного участка по целевому назначению. В науке уголовного права ряд авторов обращают внимание на существенные проблемы практической реализации данной нормы. Подобная позиция также подтверждается данными судебной практики: в частности, в 2024 г. по данной статье возбуждено лишь 3 уголовных дела, при этом в суде рассмотрено одно уголовное дело, которое завершилось назначением судебного штрафа⁶.

⁴ Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции по делу № 77-1118/2023 от 28.03.2023. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=KSOJ002&n=104182&dst=100039> (дата обращения: 12.01.2026).

⁵ О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 21 от 18.10.2012 (ред. от 15.12.2022). URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8308/> (дата обращения: 12.01.2026).

⁶ Судебная статистика РФ [Интернет]. Агентство правовой информации; 2026. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--pai/stats/ug/t/14/s/17?ysclid=md0p3z3lxg737241383> (дата обращения: 12.01.2026/)

Кроме того, некоторые исследователи указывают на терминологическую неопределенность предмета преступления, обусловленную отсутствием законодательно закреплённого разграничения понятий «земля» и «почва». Так, если дефиниция земли закреплена в Земельном кодексе РФ, то определение «почва» в нормативном смысле закреплено не было. П.А. Суханов, к примеру, обращал внимание на то, что «в Земельном кодексе нет ни главы, ни статьи, полностью (специально) посвящённым почвам» [8].

Обращает на себя внимание и тот факт, что опасные последствия в виде вреда окружающей среде определены нечетко. Нормотворцы не определили критерии и параметры, которые позволили бы без сомнений отграничить преступление, предусмотренное ст. 254 УК РФ, от административного правонарушения, закреплённого ч. 2 ст. 8.6 КоАП РФ. При этом разграничение уголовных и административных составов имеет большое значение в правоприменительной деятельности. Верховный Суд РФ последовательно подчеркивает, что уголовная ответственность возможна лишь при наличии последствий, закреплённых в уголовном законе. В обзоре Верховного Суда РФ № 1 (2018) отмечается следующее: в отсутствие доказательств причинения существенного вреда окружающей среде либо здоровью человека правонарушение необходимо квалифицировать по нормам КоАП РФ⁷.

А.Г. Безверхов подчеркивал, что в сфере экологии имеет место особое взаимодействие норм уголовного и административного права, посредством которого обеспечивается охрана экологического правопорядка и профилактика преступлений и правонарушений этой категории [6]. Фактически, законодатель закрепил обязательность наказания за экологические правонарушения путем установления уголовной и административной ответственности в зависимости от тяжести деяния и его последствий. Административная ответственность, в отличие от уголовной, применяется за сам факт нарушения установленных правил (несоблюдение нормативов сброса веществ, правил эксплуатации водохозяйственных сооружений или порядка ведения работ на водных объектах и др.). К примеру, для привлечения к уголовной ответственности по ст. 250 УК РФ (загрязнение вод) должны наступить такие последствия, как существенный вред для природы или хозяйственной деятельности человека, либо вред здоровью человека и массовая гибель животных и иные тому подобные обстоятельства; а по ст. 8.14 КоАП РФ наступление таких последствий не предусмотрено. Однако, как отмечают некоторые авторы, последствия в виде, допустим, массовой гибели рыбы в результате сброса сточных вод в водоем могут проявиться через несколько месяцев, и соответственно, при непосредственном совершении противоправных действий в виде сброса сточных вод виновное лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности [15]. Таким образом, гипотетически может возникнуть ситуация, когда при наступлении «отложенных» общественно опасных последствий срок привлечения к уголовной ответственности истечет.

Проблема разграничения экологических преступлений и административных правонарушений обусловлена зачастую схожестью объектов посягательства и методов воздействия, что затрудняет квалификацию деяний. Основным критерием для такого размежевания выступает степень общественной опасности и размер причиненного вреда, однако их оценка часто требует сложной экспертной работы и толкования норм.

Обсуждение и заключение. Важность регламентации уголовной ответственности в сфере преступлений против природы имеет глубокие исторические корни: первые меры ответственности за экологические правонарушения (в современном понимании этого определения) прослеживаются в самых ранних законодательных актах Древней Руси. В действующем УК РФ данные деяния систематизированы в отдельную главу, однако законодательное закрепление термина «экологические преступления» отсутствует как в экологическом, так и в уголовном законодательстве.

Анализ научных материалов по этой проблематике позволил нам сделать вывод о предмете и объекте преступных посягательств данного вида, а также сформулировать их понятие как виновных, общественно-опасных и уголовно-наказуемых деяний, причиняющих вред общественным отношениям, возникающим по поводу обеспечения экологической безопасности, рационального использования природных ресурсов и обеспечения охраны окружающей среды. Кроме того, предложено классифицировать преступления против экологии по предмету и объекту посягательства.

Также нами сделан вывод о существовании проблем в правоприменении ввиду возникающих сложностей при установлении причинно-следственной связи между деяниями и последствиями, а также при разграничении экологических преступлений и правонарушений. Установление общественно опасных последствий при квалификации экологических преступлений представляет собой одну из наиболее сложных задач уголовного правоприменения. Оценочный характер последствий и сложность причинно-следственных связей требуют от правоприменителя комплексного подхода, основанного на анализе характера, масштабов и устойчивости причиненного вреда.

Уголовная ответственность в сфере охраны окружающей среды должна наступать лишь в тех случаях, когда вред либо созданная угроза достигают уровня общественной опасности, предусмотренного уголовным законом. Формальный

⁷ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2018). Утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 28.03.2018. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_294792/ (дата обращения: 20.01.2026).

подход к оценке последствий неизбежно приводит к ошибкам квалификации и подрывает эффективность уголовно-правовой охраны окружающей среды.

Данное исследование имеет важное значение для пополнения теоретической базы знаний и доказывает необходимость дальнейшего изучения вопроса с целью совершенствования законодательства и унификации судебной практики в области экологического права.

Список литературы/ References

1. Исакова Ю.И., Працко Г.С., Мелихов А.И. Национальная идея как фундамент национальной безопасности Российской Федерации. *Правовой порядок и правовые ценности*. 2025;3(4):23–30. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-23-30>

Isakova Yu.I., Pratsko G.S., Melikhov A.I. The National Idea as the Foundation of National Security of the Russian Federation. *Legal Order and Legal Values*. 2025;3(4):23–30. (In Russ.) <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2025-3-4-23-30>

2. Восканян Р.О. Тенденции развития экологической ответственности компаний. *Финансы и кредит*. 2019;25(6(786)):1454–1468. <https://doi.org/10.24891/fc.25.6.1454>

Voskanyan RO. Trends in Corporate Environmental Responsibility Development. *Finance and Credit*. 2019;25(6(786)):1454–1468. (In Russ.) <https://doi.org/10.24891/fc.25.6.1454>

3. Саркисов А.С. История развития уголовного законодательства об ответственности за экологические преступления. *Молодой ученый*. 2024;(10(509)):215–217.

Sarkisov AS. History of the Development of Criminal Legislation on Liability for Environmental Crimes. *Molodoi uchenyi (Young Scientist)*. 2024;(10(509)):215–217. (In Russ.)

4. Власов В.А., Сигаева Н.О., Толстиков В.А. Некоторые актуальные проблемы правоприменения и вопросы совершенствования уголовно-правовой ответственности за загрязнение вод (ст. 250 УК РФ). *Право и государство: теория и практика*. 2020;(2(182)):39–41.

Vlasov VA, Sigaeva NO, Tolstikov VA. Some Pressing Problems of Law Enforcement and Issues of Improving Criminal-Legal Responsibility for Water Pollution (Article 250 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Law and State: the Theory and Practice*. 2020;(2(182)):39–41. (In Russ.)

5. Кузьмина А.Ю. К вопросу об определении понятия «экологического преступления» в отечественном и зарубежном законодательстве. В: *Сборник трудов. Сборник статей. Юридический факультет*. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского; 2021. С. 134–142.

Kuzmina AYU. On the Definition of the Concept of “Environmental Crime” in National and Foreign Legislation. In: *Collection of works. Collection of articles. Faculty of Law*. Simferopol: Crimean Federal University Named after V.I. Vernadsky; 2021. P. 134–142. (In Russ.)

6. Безверхов А.Г. Соотношение преступлений и административных правонарушений в области охраны окружающей природной среды: вопросы методологии и практики. В: *Реализация и защита экологических прав граждан. Сборник материалов Всероссийской конференции по вопросам реализации и защита экологических прав граждан*. Самара: «Вектор»; 2018. С. 37–56.

Bezverkhov AG. Correlation of Crimes and Administrative Offences in the Field of Environmental Protection: Issues of Methodology and Practice. In: *Proceedings of the All-Russian Conference on the Implementation and Protection of Citizens' Environmental Rights*. Samara: Vector; 2018. P. 37–56. (In Russ.)

7. Пантюхина И.В. Особенности законодательных конструкций экологических преступлений. *Актуальные вопросы борьбы с преступлениями*. 2020;(2):4–8.

Pantuykhina IV. Features of Legislative Structures of Environmental Crimes. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniyami (Current Issues in Combating Crimes)*. 2020;(2):4–8. (In Russ.)

8. Суханов П.А. Земля и почва, почва и земля – двуединый ресурс? *Агрехимический вестник*. 2020;(3):3–6. <https://doi.org/10.24411/1029-2551-2020-10029>

Sukhanov PA. The Earth and Soil, Soil and the Earth – a Two-Uniform Resource? *Agrokhimicheskii vestnik (Agricultural Herald)*. 2020;(3):3–6. (In Russ.) <https://doi.org/10.24411/1029-2551-2020-10029>

9. Иванов Н.Г. Дисфункции уголовно-правового регулирования экологических отношений: на примере особо охраняемых природных территорий и природных объектов. *Правовые вопросы недвижимости*. 2024;(3):19–22.

Ivanov NG. Malfunction of Criminal Law Regulation of Ecological Relations: On the Example of Specially Protected Natural Reservations and Natural Sites. *Legal Issues of Real Estate*. 2024;(3):19–22. (In Russ.)

10. Морозов А.А. Экологические преступления: применение биологических методов при расследовании. *Экологическое право*. 2014;(2):14–17.

Morozov AA. Ecological Crimes: Application of Biological Methods of Investigation. *Environmental Law*. 2014;(2):14–17. (In Russ.)

11. Умирбаева З.А. Понятие «экологическое преступление» в уголовном праве. *Российский следователь*. 2010;(9):18–20.

Umirbaeva ZA. The Concept of “Environmental Crime” in Criminal Law. *Russian Investigator*. 2010;(9):18–20. (In Russ.)

12. Радыш А.А., Фаталиева Г.У. Уголовная ответственность за порчу земель. *Молодой ученый*. 2023;(3(450)):382–383.

Radysh AA, Fatalieva GU. Criminal Liability for Land Damage. *Molodoi uchenyi (Young Scientist)*. 2023;(3(450)):382–383 (In Russ.)

13. Питулько К.В., Коряковцев В.В. *Квалификация экологических преступлений: учебное пособие*. Москва: КноРус; 2023. 142 с.

Pitulko KV, Koryakovtsev VV. *Qualification of Environmental Crimes: A Tutorial*. Moscow: KnoRus; 2023. 142 p. (In Russ.)

14. Бидова Б.Б., Колесникова О.Ю. Проблемы уголовной ответственности за совершение экологических преступлений. *Аграрное и земельное право*. 2022;(10(214)):105–109. https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_10_105

Bidova BB, Kolesnikova OYu. Problems of Criminal Liability for Environmental Crimes. *Agrarian and Land Law*. 2022; (10(214)):105–109. (In Russ.) https://doi.org/10.47643/1815-1329_2022_10_105

15. Агарзаева Г.А. О необходимости закрепления признака неоднократности в уголовно-правовой конструкции статьи 250 Уголовного кодекса Российской Федерации. *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки*. 2015;(2(31)):96–99.

Agarzaeva GA. The Necessity of Fixing the Feature of Repeated Crimes in the Criminal Juridical Construction Cl. 250 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Dagestan State Pedagogical University Journal. Social and Humanitarian Sciences*. 2015;(2(31)):96–99. (In Russ.)

Об авторах:

Анна Жунусовна Киселева, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Гражданское право» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), [Scopus ID](#), kiseleva17@bk.ru

Антонина Сергеевна Петренко, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета (344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1), [SPIN-код](#), [ORCID](#), [Scopus ID](#), takyin_d@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

А.Ж. Киселева: формирование основной концепции, подготовка текста, формулирование выводов.

А.С. Петренко: анализ результатов исследований, доработка текста, корректировка выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

About the Authors:

Anna Zh. Kiseleva, Cand.Sci. (Law), Associate Professor of the Civil Law Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), [Scopus ID](#), kiseleva17@bk.ru

Antonina S. Petrenko, Cand.Sci. (Sociology), Associate Professor of the Criminal Law and Public Law Disciplines Department, Don State Technical University (1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russian Federation), [SPIN-code](#), [ORCID](#), [Scopus ID](#), takyin_d@mail.ru

Claimed Contributorship:

AZh Kiseleva: formulating the main concept, preparing the text, formulating the conclusions.

AS Petrenko: analysis of research results, refining the text, correcting the conclusions.

Conflict of Interest Statement: the authors declare no conflict of interest.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию / Received 26.01.2026

Поступила после рецензирования / Reviewed 13.02.2026

Принята к публикации / Accepted 18.02.2026